

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1
2018

No 1

IJSHR

2018

Editorial board

S.N. Baburin,
doctor of law, professor
(Russian Federation)

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences,
professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences,
candidate of pedagogical sciences,
(Russian Federation)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law,
professor
(Republic of Belarus)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

R. Kvarackheliya,
doctor of law
(Georgia)

A. Kiknadze,
doctor of politology
(Georgia)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

A.A. Lebedev,
doctor of philology
(Russian Federation)

V. A. Lepekhin,
the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science,
professor
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
honored worker of Science,
corresponding member of RAO
(Russian Federation)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

B. A. Spasennikov,
doctor of law,
doctor of medical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences,
doctor of psychology,
professor, honored worker of
Russian higher school
(Russian Federation)

D. Skhirtladze
doctor of medicine
(USA)

L.N. Tepman,
doctor of economic sciences,
professor
(Israel)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences,
professor,
corresponding member of the Russian Academy of
sciences
(Russian Federation)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

N.M. Chepurnova,
doctor of law,
honoured lawyer of the Russian Federation, professor
(Russian Federation)

G.S. Chovdyreva,
doctor of medical sciences,
doctor of psychology,
professor
(Russian Federation)

L. Sharvadze,
doctor of medicine
(Georgia)

A.A. Shirinyants,
doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences,
candidate of philology, professor
(Russian Federation)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

Редакционная коллегия

С.Н. Бабурин,
доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Е.П. Бажанов,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ
(Российская Федерация)

И.С. Барчуков,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.К. Батурин,
доктор философских наук,
кандидат педагогических наук
(Российская Федерация)

В.Ю. Бельский
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Ю.Б. Борев,
доктор филологических наук,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.Н. Бузин,
кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук,
профессор
(Республика Беларусь)

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук
(Российская Федерация)

Д.И. Грядовой,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Д.Д. Долидзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

А.Л. Золкин,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия,
доктор юридических наук
(Грузия)

А. Кикнадзе,
доктор политологии
(Грузия)

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.А. Лебедева,
доктор филологических наук
(Российская Федерация)

В.А. Лепехин,
генеральный директор Института ЕврАзЭС
(Российская Федерация)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.П. Садохин,
доктор культурологии,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,
доктор юридических наук,
доктор медицинских наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе,
доктор медицины
(США)

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук,
профессор,
Член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

Т.Я. Фхакадзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Човдырева,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук
профессор
(Российская Федерация)

Л. Шарвадзе,
доктор медицины
(Грузия)

А.А. Ширинянц,
доктор политических наук, кандидат философских
наук, профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук профессор
(Российская Федерация)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS 1/2018

Chief editor

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor

Responsible for issue

R.B. Gandaloov
candidate of political sciences

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,

0186, Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate

433103973

in USA:

3565 Edencroft Road,

Huntingdon Valley, Pennsylvania

D.Skhirtladze, MD, MPH

+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman

doctor of economical sciences,

professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers
don't bear responsibility for quality,
correctness and a correctness
of citing works by authors of
articles. Responsibility for quality,
correctness and a correctness of
citing works are born only by authors
of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

Materials of a round table: Modern civilizations: calls and threats national safety	5
E.V. Avdeeva, I.G. Evseeva. Use of game technologies in educational process of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation University.....	7
V. Yu. Belskiy, T.A. Fam. The political regime in the modern Socialist Republic of Vietnam	13
N.N. Bashlueva. Some questions of composition of control tasks in the system of corresponding in the educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia	19
V. Yu. Belskiy, Oscar de Jesus Ferreira da Costa. African civilization: the problem of identity	22
A.N. Borozdin. Civilization calls and experience their ideological neutralization in Russian history.....	26
Z.V. Vasilyeva, A.S. Boldyrev. The danger of Islam's radicalization in Russia.....	30
S.N. Tikhomirov, N.V. Volchenkov. About the educational program of a graduate military course (postgraduate study) through a context of the total purpose of training of research and educational personnel of the top skills.....	33
N.N. Gusev. Collisions in the formation of civil society in modern Russia	37
A.L. Zolkin. Russian civilization in the Eurasian cultural space.....	41
R.S. Kalenik. Health-saving technologies and health saving of pedagogical employees of educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia	45
V.V. Kaftan. Spiritual-value choice in the context of the "conflict of civilizations"	48
A.I. Kostin. Russian civilization and the global crisis.....	54
V.A. Lepehin A.A. Ryazantsev. Features of anthropogenesis and sports as a sublimation of the inherent properties of bodily	57
D.G. Loshakov. The question of the Russian civilizational code	61
N.N. Gusev, M.V. Ogneva. Problems of inclusion of young people in the system of social stratification of the Russian society.....	65
V.V. Plotnikov. Methodological issues study deployment extremism	70
I.V. Polozova. Features of the Russian civilization and conditions of its revival	75
V.V. Plotnikov. A few words about the contribution Leibniz in the development of scientific journalism.....	78
S.F. Samoylov. Criticism of transcendental interpretation of the explaining installation of consciousness in the western European philosophical tradition.....	81
A.I. Satsuta. Genesis and evolution of security theory and its current state.....	85
O.V. Stoletov. On the issue of civilizational identity in the international- political Discourse of modern Russia	89
D.A. Temnyakov, M.A. Bashlueva. Distribution of training time on individual working types.....	97
A.A. Timchenko, S.F. Samoylov. Metaphysics denial in logical positivism and a post positivism	101
S.N. Tikhomirov. Socio-cultural challenges to Russian education, the main contradictions of the high school and the ways of their overcoming	106
A.R. Ukrainets, M.V. Saudakhanov. Constitutional and legal bases of political pluralism in the states of Central and Latin America (by the example of the Federal Republic of Brazil, the United Mexican States, the Argentine Republic)	111
A.P. Khavrak, N.V. Nikolaeva. The problem of the role and prospects of the formation of humanistic worldview values as philosophical categories for the younger generation of police officers in the modern Russian state	115

СОДЕРЖАНИЕ 1/2018

Главный редактор
В.Ю. Бельский
доктор философских наук,
профессор

Научный редактор
А.В. Золкин
доктор философских наук,
профессор

Ответственный за выпуск
Р.Б. Гандалоев
кандидат политических наук

Главный редактор
Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»
В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент
М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд, 3565

Д. Схиртладзе
доктор медицины
E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле: Иокнеам,
ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман
доктор экономических наук,
профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:
г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за
качество, правильность и
корректность цитирования
произведений авторами статей.
Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru
www.niion.org

Материалы круглого стола: Современные цивилизации: вызовы и угрозы национальной безопасности	5
Е.В. Авдеева, И.Г. Евсеева. Использование игровых технологий в образовательном процессе университета МВД России	7
В.Ю. Бельский, Т.А. Фам. Особенности политического режима в современной Социалистической Республике Вьетнам	13
Н.Н. Башлуева. Некоторые вопросы методики составления контрольных заданий в системе заочного обучения в учебных заведениях МВД России	19
В.Ю. Бельский, Ошкар де Жезуш Ферейра да Кошта. Африканская цивилизация: проблема идентичности	22
А.Н. Бороздин. Цивилизационные вызовы и опыт их идеологической нейтрализации в истории России	26
З.В. Васильева, А.С. Болдырев. Опасность радикализации ислама в России	30
С.Н. Тихомиров, Н.В. Волченков. Об образовательной программе адъюнктуры (аспирантуры) через контекст итоговой цели подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации	33
Н.Н. Гусев. Коллизии в становлении гражданского общества в современной России	37
А.Л. Золкин. Российская цивилизация в евразийском культурном пространстве	41
Р.С. Каленик. Здоровьесберегающие технологии и здоровьесбережение педагогических работников образовательных организаций МВД России	45
В.В. Кафтан. Духовно-ценностный выбор в условиях «конфликта цивилизаций»	48
А.И. Костин. Российская цивилизация и глобальный кризис	54
В.А. Лепехин, А.А. Рязанцев. Особенности антропогенеза и спорт как сублимация имманентных свойств телесного	57
Д.Г. Лощаков. К вопросу о российском цивилизационном коде	61
Н.Н. Гусев, М.В. Огнева. Проблемы включения молодых людей в систему социальной стратификации российского общества	65
В.В. Плотников. Методологическое развертывание проблемы исследования экстремизма	70
И.В. Полозова. Особенности российской цивилизации и условия её возрождения	75
В.В. Плотников. Несколько слов о вкладе Лейбница в развитие научной публицистики	78
С.Ф. Самойлов. Критика трансцендентальной интерпретации объясняющей установки сознания в западноевропейской философской традиции	81
А.И. Сацута. Генезис и эволюция теории безопасности и её современное состояние	85
О.В. Столетов. К вопросу о цивилизационной идентичности в международно-политическом дискурсе современной России	89
Д.А. Темняков, М.А. Башлуева. Распределение учебного времени по отдельным видам работы при проведении практического занятия	97
А.А. Тимченко, С.Ф. Самойлов. Опровержение метафизики в логическом позитивизме и пост позитивизме	101
С.Н. Тихомиров. Социокультурные вызовы российскому образованию, основные противоречия высшей школы и пути их преодоления	106
А.Р. Украинец, М.В. Саудаханов. Конституционно-правовые основы политического плюрализма в государствах Центральной и Латинской Америки (на примере Федеративной Республики Бразилии, Мексиканских Соединенных Штатов, Аргентинской Республики)	111
А.П. Хаврак, Н.В. Николаева. Проблема роли и перспективы формирования гуманистических мировоззренческих ценностей как философских категорий для молодого поколения сотрудников полиции в современном российском государстве	115

**Materials of a round table:
Modern civilizations: calls and threats national safety
Collisions of interaction of modern civilizations**

Материалы круглого стола:

Современные цивилизации: вызовы и угрозы национальной безопасности Коллизии взаимодействия современных цивилизаций

Вступительное слово
начальника кафедры социологии и политологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктора философских наук, профессора,
Бельского Виталия Юрьевича

В условиях диверсификации и роста масштабов цивилизационных вызовов и угроз развитию и безопасности современному мировому сообществу усиливаются опасности и угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Конкретные опасности и угрозы национальной безопасности наиболее очевидно проявляются в таких жизненно важных сферах и областях российского общества, как оборона и защита российского государства, общественная и государственная безопасность, экономика, наука, технологии и образование, культура, качество жизни и охрана здоровья российских граждан.

Предпосылками опасностей и угроз национальной безопасности Российской Федерации являются многие условия и факторы. Их истоки коренятся и в таких, по сути цивилизационного содержания и характера явлениях, как противоречивость и нестабильность современного мироустройства, стремление США, при поддержке союзников, навязать свои подходы к формированию мирового порядка XXI века, решению глобальных и региональных проблем, двойные стандарты их поведения на международной арене, неконсолидированность

политических элит западных стран, девальвация международного права, возрастание разрыва в уровне социально-экономического и культурного развития народов и стран, разрушение торгово-экономических и финансовых отношений государств, усиление культурно-цивилизационных различий и противоречий, вооруженные конфликты и столкновения в различных странах и регионах мира, рост международной напряженности, все более широкое использование фактора силы в мировой политике. Российская Федерация последовательно выступает за решение актуальных международных проблем, локализацию и нейтрализацию цивилизационных вызовов и угроз с учетом интересов всех участников мирового политического процесса, на основе норм международного права, принципов равноправия, гуманизма и справедливости, уделяет особое внимание укреплению своей национальной безопасности. Задача ученых – дать глубокий и всесторонний анализ современной ситуации в мире, предложить пути реформирования современных межкультурных отношений.

@ Е.В. Авдеева, И.Г. Евсеева. 2018

Use of game technologies in educational process of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation University

Использование игровых технологий в образовательном процессе университета МВД России

Elena Vladimirovna Avdeeva,
deputy chief on work with staff,
Moscow regional branch
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation of V.Ya. Kikotya

Елена Владимировна Авдеева,
заместитель начальника
по работе с личным составом,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя

Irina Georgiyevna Evseeva,
chief of department of pedagogics
educational and scientific complex
psychology office activity Moscow University of
the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation of V.Ya. Kikotya

Ирина Георгиевна Евсеева,
начальник кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психология
служебной деятельности Московского универ-
ситета МВД России им. В.Я. Кикотя

Annotation. Article is devoted to efficiency of use in process of vocational training of police officers of game technologies for the purpose of formation common cultural and professional competences, increases in effectiveness of educational process and also formation of special knowledge and practical skills in educational process. In article the analysis of game technologies as the common cultural competences promoting formation is carried out. On empirical material it is shown that they promote the organization with further self-organization of cognitive activity of students, to development of research skills, formation of ability to use knowledge in practical activities.

Keywords: professional education, pedagogics of the higher school, game technologies

Аннотация. Статья посвящена эффективности использования в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции игровых технологий с целью формирования общекультурных и профессиональных компетенции, повышения результативности образовательного процесса, а также формирования специальных знаний и практических навыков в образовательном процессе. В статье проводится анализ игровых технологий, как способствующих формированию общекультурных компетенций. На эмпирическом материале показано, что они способствуют организации с дальнейшей самоорганизацией познавательной деятельности обучающихся, развитию исследовательских навыков, формированию умения пользоваться знаниями в практической деятельности.

Ключевые слова: профессиональное образование, педагогика высшей школы, игровые технологии

Для цитирования: Авдеева Е.В., Евсеева И.Г. Использование игровых технологий в образовательном процессе университета МВД России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 7-12.

Цель любого профессионального образования – подготовка квалифицированного работника, компетентного, ответственного, конкурентоспособного, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Современные тенденции развития высшего профессионального образования изменили вектор организации образовательного процесса в высшей школе и профессиональном образовании. Сегодня образовательный процесс стоит перед проблемой перехода от информативных форм и методов обучения к активным и интерактивным формам проведения занятий. Данный переход должен быть направлен на возможность гармоничного соединения теоретических знаний с практиче-

скими потребностями и одновременной корреляцией с формируемыми компетенциями.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО)¹ одним из требований к организации учебного процесса в вузе названо широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (п. 7.3) для формирования необходимых профессиональных и общекультурных компетенций. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью основной образовательной программы (далее – ООП), особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин. Во многих направлениях

подготовки в среднем они должны составлять не менее 30% аудиторных занятий.

Реализация данной цели невозможна без организации такого образовательного процесса, при котором у обучающихся на разных ступенях образования не только формируются конкретные знания, умения, навыки и компетенции, но и развиваются индивидуальные качества личности, позволяющие достаточно эффективно осваивать новое содержание образования, деятельности, профессию².

Таким образом, задачами совершенствования образовательного процесса становится необходимость разработки и применения таких образовательных технологий, которые способствуют активному участию обучаемого в познавательном процессе, выполнению им творческих, поисковых, проблемных заданий, обеспечивают баланс фундаментальности и компетентного подхода; формируют систему непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров, создавая условия для самореализации и самообучения в течение всей жизни. Кроме того, будущий сотрудник правоохранительных органов должен обладать определенными ценностными ориентациями, созидательной личностной позицией, качествами и способностями, обеспечивающими устойчивость его развития.

Немаловажную роль в достижении поставленных целей можно отнести игровым образовательным технологиям.

Организация учебной деятельности курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России требует проблемного построения содержания обучения и воссоздания в обучении типичных практических ситуаций, поэтому использование игровых образовательных технологий, является наиболее адекватной формой для реализации этих требований.

Целесообразность использования данных технологий на занятиях в образовательных учреждениях МВД России обусловлена также тем, что в игре развивается не просто профессиональная, но социальная и психологическая компетентность учащихся, формирование которых является необходимым условием становления специалиста.

Игровые образовательные технологии для преподавателя несут высокую диагностическую функцию, поскольку показывают насколько конструктивно обучаемые усвоили учебный материал и включили в систему своего опыта, а не просто заучили его. Как правило, обучаемые испытывающие трудности в вербализации своих мыслей и с неохотой участвующие в таких формах контроля знаний как опрос, беседа или доклад, часто раскрывают свои познавательные способности именно в игровых методах. К. Ливингстон подчеркивает, что в ролевых и деловых играх стимулируется речевая деятельность, тренируются всевозможные аспекты ролевого поведения³. Как отмечается в современных отечественных исследованиях, задача развития ролевого поведения сотрудников полиции на этапе их профессионального становления в образова-

тельных учреждениях МВД России предполагает системное моделирование в учебном процессе ситуаций ролевого взаимодействия, нацеленных не просто на формирование широкого диапазона поведенческо-речевых умений, но и актуализацию профессиональных ролевых установок личности, что помогает ей в будущем самостоятельно находить новые продуктивные решения возникающих ролевых конфликтов⁴.

В последнее время игровые технологии, как отмечают исследователи, получили особую роль в обучении взрослых, где они рассматриваются как эргатическая (человеко-машинная) информационная система, целью которой является получение определенного уровня профессиональных компетенций в процессе реализации сценариев, определяемых моделями процессов предметной области. Игровые технологии так же позволяют курсантам обрести опыт взаимодействия с другими людьми в личностных и профессионально значимых ситуациях, а установить связь между своим поведением и его последствиями на основе рефлексии, помогает пойти на риск экспериментирования с новыми моделями поведения в аналогичных ситуациях⁵.

В основе игровых технологий лежит игровая деятельность. Под игровой деятельностью рассматривают такой вид человеческой практики, который воссоздает нормы человеческой жизни и деятельности, подчинение которым обеспечивает познание и усвоение предметной и социальной действительности, интеллектуальное, эмоциональное и личностное развитие.

Рассмотрим характеристики игровой деятельности, которые проявляются при использовании ее как продуктивного и конструктивного группового имитационного метода обучения.

Во-первых, игровая деятельность всегда вызывает чувство удовольствия у ее участников, так как термин «игра» в разных культурах толкуется, как деятельность, связанная с развлечением, отдыхом, шуткой, легкостью, и указывает на связь этого процесса с положительными эмоциями. Таким образом, привнесение игрового момента в образовательный процесс повышает положительное восприятие любой учебной деятельности.

Во-вторых, реальность игровой деятельности носит двуплановый характер – она расщепляется на деятельность по поводу игры и собственно игровую деятельность. Следовательно, с одной стороны, выполняется конкретная деятельность, осуществление которой требует определенных действий, связанных с решением вполне реальных задач⁶. С другой стороны, ряд моментов этой деятельности носит условный, символический характер, что позволяет отвлечься от реальной ситуации с ее ответственностью, чувствовать себя более свободно и безопасно. Благодаря своей условности игровые технологии дают возможность участникам не бояться ошибок, интеллектуально раскрепощаться и активизировать свой творческий потенциал.

В-третьих, игровая деятельность предполагает наличие у участников внутренней мотивации. «В игре совершаются лишь действия, цели которых значимы

для индивида по их собственному внутреннему содержанию. В этом основная особенность игровой деятельности и в этом ее основное очарование и лишь с очарованием высших форм творчества сравнимая прелесть», – писал С.Л. Рубинштейн⁷. Известно, что наличие действенной внутренней мотивации повышает результаты учебной деятельности обучающихся. Исследования отечественных педагогов показывают, что студент средних способностей, имея сильную мотивацию, достигнет более высоких результатов в учении, чем его умеренно мотивированный однокурсник с незаурядными способностями⁸.

В-четвертых, игровая деятельность требует высокой гибкости психических процессов и ролевой пластичности. Игровые действия пронизаны креативностью, поскольку результат игры изначально непредсказуем, так как символический характер игровой деятельности снимает некоторые ограничения свободы человеческой деятельности. Это может быть материальная или моральная ответственность за совершенную ошибку. Вследствие чего каждый участник обучающей игры получает возможность экспериментировать со своим поведением, исследовать альтернативные варианты решений. Тем самым участники игры почти лишены возможности использовать при принятии решений готовые алгоритмы, и вынуждены проявлять находчивость и инициативу. Неопределенность результата игровой ситуации подталкивает человека к принятию самостоятельных творческих решений.

В-пятых, игровая деятельность имеет пространственно-временную особенность: «в игре время и пространство как бы «сжимаются», обнажая узловые точки имитируемого процесса»⁹. Это делает игровую деятельность динамичной и насыщенной событиями.

Оптимальное использование игровых технологий в учебном процессе зависит от соблюдения принципов игровой деятельности, к которым относят: активность, динамичность, занимательность, продуктивность, самостоятельность. В этих принципах отражены основные свойства и признаки педагогических игр, причем их содержание находится в полном соответствии с основными дидактическими принципами обучения.

Согласно педагогическим исследованиям¹⁰, игровые технологии способствуют:

- увеличению интереса к учебному процессу и непосредственно к самому обучению;
- развитию самостоятельности, так как большинство игр основано на самоконтроле;
- формированию опыта принятия решений, каждый участник игры сталкивается с необходимостью принятия решения.
- осознанию ролевых обязанностей моделируемого лица (должности);
- расширению междисциплинарного кругозора, так как проблемы, разрешаемые в игровых образовательных технологиях, не могут оставаться в границах какой-либо одной дисциплины;

- получения опыта через ошибки в игровых ситуациях, с последующим применением полученного опыта в реальной практике.

Из вышесказанного, следует, что использование игровых технологий в профессиональном обучении является необходимым условием формирования высококвалифицированных специалистов, способных к развитию, самостоятельности, ответственности в принятии решений, эффективно управлять своей деятельностью и временем и т.д. В процессе реализации в профессиональном обучении игровых технологий успешно формируются общекультурные компетенции и такие свойства и качества личности, как социальная адаптивность; коммуникативная компетентность; ясно, грамотно и убедительно излагать мысли; способность прогнозировать последствия предпринимаемых действий; умение эффективно организовывать личное время и деятельность¹¹.

В целях оценки эффективности использования игровых технологий в 2015-2016 учебном году было проведено исследование динамики развития общекультурных компетенций у обучающихся в образовательных организациях МВД России:

- ОК-9 (способностью к логическому мышлению, анализу, систематизации, обобщению, критическому осмыслению информации, постановке исследовательских задач и выбору путей их решения);
- ОК-10 (способностью креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи, проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, принимать оптимальные организационно-управленческие решения в повседневной деятельности и нестандартных ситуациях, нести за них ответственность);
- ОК-16 (способностью работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации)¹².

Исследование проходило в рамках курса «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел» и «Юридическая психология (психология в деятельности следователя)». В нем приняли участие четыре учебных группы курсантов по 20 человек каждая (две экспериментальных и две контрольных). В экспериментальных группах использовались игровые технологии. Для проведения исследования был сформирован банк заданий, включающий в себя задания 13:

1. репродуктивного уровня, позволяющие оценивать и диагностировать знание фактического материала (базовые понятия, алгоритмы, факты) и умение правильно использовать специальные термины и понятия, узнавание объектов изучения в рамках определенного раздела дисциплины;
2. реконструктивного уровня, позволяющие оценивать и диагностировать умения синтезировать, анализировать, обобщать фактический и теоретический материал с формулированием конкретных выводов, установлением причинно-следственных связей;

3. творческого уровня, позволяющие оценивать и диагностировать умения, интегрировать знания различных областей, аргументировать собственную точку зрения.

В экспериментальных и контрольных группах с помощью разработанных заданий проводилось исследование уровня сформированности выше приведенных общекультурных компетенций перед изучением курса

(обозначим эти параметры как исходный уровень), в середине изучения курса (промежуточный уровень) и по окончании изучения курса (итоговый уровень). В процессе проведения всех исследований каждый испытуемый должен был решить девять заданий различного уровня сложности. Динамика развития сформированности общекультурных компетенций в группе представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика развития сформированности общекультурных компетенций курсантов (ОК-9, ОК-10, ОК-16) (%)

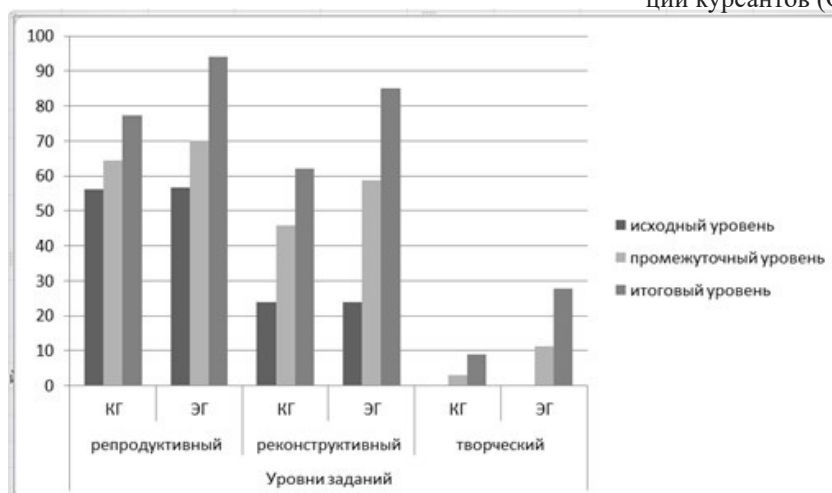
Этапы оценки сформированности ОК	Уровни заданий					
	репродуктивный		реконструктивный		творческий	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
исходный уровень	56,2	56,8	24	23,8	0	0
промежуточный уровень	64,5	70,2	45,8	58,8	2,9	11,2
итоговый уровень	77,4	94	62	85,2	8,9	27,8

Примечание: КГ - контрольная группа; ЭГ - Экспериментальная группа

Данное исследование показало, что обучающиеся экспериментальных групп выполняют репродуктивные задания по окончании курса на 16,6% лучше, чем обучающиеся контрольной группы, реконструктивные задания – на 23,2%, а творческие – на 18,9%. Кроме того, уже в середине обучения заметна более лучшая динамика сформированность общекультурных компетен-

ций в экспериментальных группах, чем в контрольных. В среднем в экспериментальных группах наблюдается повышение в успешности решения репродуктивных заданий на 37,2%, реконструктивных – на 61,4%, а творческих – на 27,8%; в контрольных группах эти показатели ниже: 21,2%, 32%, 8,9% соответственно (рис. 1).

Рис. 1. Динамика развития сформированности общекультурных компетенций курсантов (ОК-9, ОК-10, ОК-16) (%)

Таким образом, реализация игровых технологий в образовательном процессе ведомственных вузов МВД России позволяет повысить средний уровень сформированности общекультурных компетенций. На основе

результатов экспериментальной проверки эффективности игровых технологий можно сделать вывод о том, что ключевую роль в усилении динамики развития общекультурных компетенций играет использование

преподавателем активных педагогических технологий. В учебном игровом процессе наблюдается высокая степень вовлеченности обучаемых в учебно-воспитательный процесс; предпосылки для поэтапной оценки успешности и полноты усвоения изучаемого материала; творческий характер занятий; направленность на развитие или приобретение профессиональных, интеллектуальных, поведенческих навыков и умений; в незаурядный потенциал достижения субъектной позиции в образовательном процессе.

В заключение хочется отметить, что игровые технологии могут использоваться на различных этапах учебного процесса: на этапах первичного овладения знаниями, закрепления и контроля знаний, формирования профессиональных умений и навыков.

Использование игровых технологий в профессиональном обучении, по нашему мнению, должно быть основано на прямом взаимодействии с областью ос-

ваиваемого профессионального опыта, а также иметь отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению. Кроме того, игровые технологии направляют обучающихся на развитие самостоятельного мышления и способности квалифицированно решать нестандартные профессиональные задачи, вовлекают их в решение проблем, расширение и углубление знаний и одновременное развитие практических навыков и умения мыслить, размышлять, осмысливать свои действия. Игровые технологии открывают такую возможность перед преподавателем, как обеспечение развития и саморазвития личности обучающегося на основе выявления его индивидуальных особенностей и способностей, вовлечения в решение проблем, максимально приближенных к профессиональным.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 – «Правовое обеспечение национальной безопасности» (квалификация (степень) «специалист») (утв. приказом Минобрнауки России от 17.01.2011 № 39). The federal state educational standard of higher education in the direction of preparation (specialty) 030901 – «Legal support of national security» (qualification (degree) «expert») (утв. order of the Ministry of Education and Science of Russia from 1/17/2011 No. 39).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 – «Правоохранительная деятельность» (квалификация (степень) «специалист») (утв. приказом Минобрнауки России от 14.01.2011 № 20) и др. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/9/6/3/57> (дата обращения: 27.01.15). The federal state educational standard of higher education in the direction of preparation (specialty) 031001 – «Law-enforcement activity» (qualification (degree) «expert») (утв. order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 1/14/2011 No. 20), etc. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/9/6/3/57> (date of the address: 27.01.15).
3. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. Active and interactive educational technologies (a training form) at the higher school: manual / сост. T.G. Mukhina. – N. Novgorod: NNGASU, 2013.
4. Артемьева О.А. Система учебно-ролевых игр профессиональной направленности: монография / О.А. Артемьева, М.Н. Макеева. – Тамбов, 2007. Artemyeva O.A. System of educational role-playing games of professional orientation: monograph / O.A. Artemyeva, M.N. Makeeva. – Tambov, 2007.
5. Вербицкий А.А. Психолого-педагогические особенности деловой игры как формы знаково-контекстного обучения // Игровое моделирование: Методология и практика. – Новосибирск, 1987. – С. 87-99. Verbitsky A.A. Psychology and pedagogical features of a business game as forms of sign and contextual training // Game modeling: Methodology and practice. – Novosibirsk: 1987. – Page 87-99.
6. Вохонцева Н.С., Тихомиров С.Н. Особенности формирования общекультурных компетенций в процессе вузовского образования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 331-334. Vokhontseva N.S., Tikhomirov S.N. Features of formation of common cultural competences of process of high school education // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. No. 10. Page 331-334.
7. Воробьев А.Н., Тихомиров С.Н. Игровые технологии в профессиональной подготовке курсантов образовательных учреждений МВД России: учеб. пособие / Воробьев А. Н., Тихомиров С. Н. ; М.: МосУ МВД России, 2005. Vorobyov A.N., Tikhomirov S.N. Game technologies in vocational training of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: studies. Grant / Vorobyov A. N., Tikhomirov S. N.; M.: To Mos of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005.
8. Гинзбург Я.С., Коряк Н.М. Социально-психологическое сопровождение деловых игр // Игровое моделирование: Методология и практика. – Новосибирск: Наука, 1987. Ginzburg Ya.S., Koryak N. M. Social and psychological maintenance of business games // Game modeling: Methodology and practice. – Novosibirsk: Science, 1987.
9. Евсева И.Г., Ковров В.В. Современные организационно-методические требования к проведению учебных занятий в системе высшего профессионального образования // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 286-290. Evseva I.G., Kovrov V.V. Modern organizational and methodical requirements to carrying out studies in the system of higher education // the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. No. 5. Page 286-290.
10. Мальцева Т.В., Сепиашвили Е.Н. Портфолио-процесс и метод проектов в образовательной среде

ведомственного вуза МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3. С. 83-87. Maltseva T.V., Sepiashvili E.N. A portfolio process and a method of projects in the educational environment of departmental higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation//Psychopedagogics in law enforcement agencies. 2015. No. 3. Page 83-87.

11. Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел// Кикоть В.Я., Столяренко А.М. и др.- Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / Москва, 2015. С.49,226-228. Rubenstein S.L. Fundamentals of the general psychology. – SPb., 1998. – Page 489. Applied legal pedagogics in law-enforcement bodies//Kikot V.Ya., Stolyarenko A.M., etc. - the Textbook for cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of a legal profile / Moscow, 2015. Page 49,226-228.

12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1998. – С. 489. Rubenstein S.L. Fundamentals of the general psychology. – SPb., 1998. – Page 489.

13. Уразаева Г.И. Развитие ролевого поведения личности: монография. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – С. 14. Urazayeva G.I. Development of role behavior of the personality: monograph. – Kazan: KYuI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. – Page 14.

14. Livingstone C. Role play in language learning. - London.: Longman Group Limited, 1983.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 030901 – «Правовое обеспечение национальной безопасности» (квалификация (степень) «специалист») (утв. приказом Минобрнауки РФ от 17.01.2011 № 39). Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 – «Правоохранительная деятельность» (квалификация (степень) «специалист») (утв. приказом Минобрнауки РФ от 14.01.2011 № 20) и др. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/9/6/3/57> (дата обращения: 27.01.15).

² Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел// Кикоть В.Я., Столяренко и др.- Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / Москва, 2012. С.49,226-228.

³ Livingstone C. Role play in language learning. - London.: Longman Group Limited, 1983.

⁴ Уразаева Г.И. Развитие ролевого поведения личности: монография. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – С. 14.

⁵ Воробьев А.Н., Тихомиров С.Н. Игровые технологии в профессиональной подготовке курсантов образовательных учреждений МВД России: учеб. пособие / Воробьев А. Н., Тихомиров С. Н. ; М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Моск. ун-т. Москва, 2005.

⁶ Вербицкий А.А. Психолого-педагогические особенности деловой игры как формы знаково-контекстного обучения// Игровое моделирование: Методология и практика. – Новосибирск., 1987. – С. 87-99.

⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1998. – С. 489.

⁸ Евсева И.Г., Ковров В.В. Современные организационно-методические требования к проведению учебных занятий в системе высшего профессионального образования//Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 287.

⁹ Гинзбург Я.С., Коряк Н.М. Социально-психологическое сопровождение деловых игр // Игровое моделирование: Методология и практика. – Новосибирск: Наука, 1987.

¹⁰ Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013; Артемьева О.А. Система учебно-ролевых игр профессиональной направленности: монография / О.А. Артемьева, М.Н. Макеева. – Тамбов, 2007 и др.

¹¹ Вохонцева Н.С., Тихомиров С.Н. Особенности формирования общекультурных компетенций в процессе вузовского образования// Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 331-334.

@ В.Ю. Бельский, Т.А. Фам. 2018

The political regime in the modern Socialist Republic of Vietnam

Особенности политического режима в современной Социалистической Республике Вьетнам

Vitaliy Urievich Belskiy,

doctor of philosophical science, professor, the head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Виталий Юрьевич Бельский,

доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Tuan An Fam,

student of the faculty of training foreign experts of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya.Kikot ordinary police The Socialist Republic Of Vietnam

Туан Ань Фам,

слушатель факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя рядовой полиции Социалистической Республики Вьетнам

Annotation. In article features of a political regime in the Republic Vietnam are revealed.

Keywords: control system, Republic Vietnam, political system

Аннотация. В статье раскрываются особенности политического режима в Республике Вьетнам.

Ключевые слова: система управления, Республика Вьетнам, политическая система

Для цитирования: Бельский В.Ю. Фам Т.А. Особенности политического режима в современной Социалистической Республике Вьетнам. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 13-18.

Вьетнам - независимое государство в Юго-Восточной Азии, на полуострове Индокитай. Вьетнам - унитарное государство. Территориально страна делится на 58 провинций и 3 муниципалитета (Ханой, Хайфон, Хошимин). По форме государственного устройства Вьетнам - социалистическая республика.

Исторически существовали самые разные системы, называвшие себя социалистическими: от Сталина до Пол Пота. Но есть всё-таки несколько главных критериев:

Главенствующая или преобладающая роль государственной собственности и второстепенная, подчиненная роль частной собственности.

Политическая монополия коммунистической партии или партии, программа которой направлена на свержение капиталистической системы и борьбу с частной собственностью.

Система управления социально-экономическими процессами носит централизованный, плановый характер. Рыночное регулирование играет второстепенную роль.

Если исходить из этих критериев, то все они во Вьетнаме имеют место быть. Но парадокс в том, что одновременно доля частного сектора в экономике растет, в системе управления медленно, но верно идет процесс либерализации и перехода к рыночным формам регулирования (в этом суть политики обновления), хотя

всё это гораздо медленнее и осторожнее, чем в странах Восточной Европы. Главное, что реально пока во Вьетнаме понимается под словом социализм, выражено в основном девизе политики «обновления», который повсюду можно видеть на многочисленных лозунгах и плакатах: «обеспеченный народ, сильное государство, справедливое, демократическое и цивилизованное общество».

Можно сказать, что в Социалистической Республике Вьетнам функционирует неорганизованная политическая система. Она характеризуется отсутствием целостности, преобладанием авторитарно-олигархического режима, неразвитостью гражданского общества и партийной системы, и, следовательно, неспособностью политического режима отвечать на требования политических процессов рождающегося гражданского общества. Однако эволюция гражданского общества все же дает начало превращению неорганизованной политической системы в организованную, которая отличается целостностью, способностью к саморегулированию и эффективностью управленческих решений.

По форме политического режима на данном переходном этапе, СРВ можно отнести к группе стран с авторитарным политическим режимом. Этот вывод можно сделать на основе нескольких признаков:

Во Вьетнаме отсутствует система многопартийности. Основным законом (ст.4 Конституции СРВ) руко-

водящая роль в государстве и обществе закреплена за Коммунистической партией Вьетнама. Идеология последней «марксизм-ленинизм и идеи Хошимина» носит официальный характер.

При авторитарном политическом режиме в СРВ отсутствует механизм разделения властей. Деятельность парламента, государственных и судебных органов власти контролируется высшим органом власти - Национальным Собранием.

Политическая элита формируется из представителей КПВ и высших государственных органов, чаще всего основываясь на личной преданности существующему режиму и политическим лидерам и т.д.¹

Рассматривая политическую систему Вьетнама нельзя не остановиться отдельно на компартии, являющейся единственной реальной политической партией в стране. Коммунистическая Партия Вьетнама - правящая и единственная легальная партия Вьетнама, превратившаяся в неотъемлемую часть государственного механизма («партия—государство»). В ноябре 1988 года были распущены Социалистическая и Демократическая партии, сохранявшие формальную самостоятельность.

Основой КПВ являются первичные партийные организации (партячейки), создаваемые на предприятиях и в учреждениях, в воинских частях. Партячейкой руководит избираемый ею партийный комитет (партком). Выше стоит партком населенного пункта, затем уезда, затем провинции. На самом вершине - Центральный комитет КПВ, во главе с Политбюро. В ЦК КПВ насчитывается 175 членов и 25 кандидатов, в Политбюро - 14.

В состав Политбюро избираются лица, занимающие высшие руководящие должности в стране. Обязательно в нем присутствуют премьер-министр, президент, председатель Национального собрания, министр обороны, министр общественной безопасности (аналог российских ФСБ и МВД, но в одном ведомстве). Места других членов Политбюро в разное время занимают руководители разных ведомств. Здесь учитывается не только «весомость» возглавляемого им ведомства, но и другие факторы, например, политический авторитет человека. Ротация руководящих кадров по возрасту проводится довольно жестко. Людей старше 70-ти лет в высших эшелонах власти, в том числе, партийной, во Вьетнаме не найти².

30 лет назад в декабре 1986 года 6-й съезд Коммунистической партии Вьетнама стал поворотным пунктом в истории Вьетнама. На нём к власти пришло реформаторское крыло, представитель которого Нгуен Ван Линь был избран на пост Генерального секретаря вместо консервативного Чыонг Тиня, продержавшегося во главе партии лишь полгода после смерти Ле Зуана. Ле Зуан стал последним руководителем партии, умершим на этом посту, в дальнейшем утвердилась практика отправлять генеральных секретарей в отставку по состоянию здоровья. Но главным решением партии стало начало политики обновления (по-вьетнамски «Дой Мой»), суть которой сводилась к развитию всех социально-экономических укладов, в том числе част-

ного, поощрению личной инициативы, ослаблению механизма централизованного управления народным хозяйством, а также к политике «открытых дверей» во внешнеэкономических связях.

В 1987-1989 гг. в партии шли дискуссии о демократизации, вопросы идейно-политической линии обсуждались на трёх пленумах ЦК КПВ: VI (март 1989 г.), VII (август 1989 г.) и VIII (март 1990 г.). Верх взяли те идеологи КПВ, которые считали, что плюрализм приведёт к отказу от социалистической перспективы, породит хаос и анархию. Сторонник политического плюрализма член Политбюро Чан Суан Бать на VIII пленуме ЦК КПВ был исключён из партии, как лидер антипартийной группировки, было признано необходимым сохранить однопартийную систему.

Поражение социализма в Восточной Европе и разрушение Советского Союза в 1991 привело к ускорению экономических реформ и внешнеполитической переориентации страны. В 1989 году были выведены вьетнамские войска из Камбоджи. В 1990 году Генеральный секретарь КПВ Нгуен Ван Линь тайно посетил КНР впервые после китайско-вьетнамской войны 1979 года. Вьетнамская дипломатия делала настойчивые шаги по налаживанию связей со странами - членами АСЕАН, в 1995 году Вьетнам вступил в эту региональную организацию. В 1991 году были полностью нормализованы отношения с Китаем, а в 1995 - со США. В определённой степени были восприняты ранее отвергавшиеся позиции бывшего члена политбюро Хоанг Ван Хоана - сторонника реформ по китайской модели, эмигрировавшего в КНР в 1979 г. При подготовке к 7-му съезду на встрече ЦК 17-26 ноября 1990 была создана Платформа построения социализма в переходный период. В ней было сказано, что социализм, «независимо от извилистого пути вперед», является правильной дорогой, и коммунистическое движение должно оживиться перед лицом внутренних противоречий капитализма.

Состоявшийся в июне 1991 года 7-й партийный съезд подтвердил необходимость развития на путях рыночной экономики при сохранении социалистического ориентира общего движения страны. Это нашло своё отражение в принятых на съезде документах, в том числе партийной программе, уставе и «Стратегии социально-экономической стабилизации и развития в 1991-2000 гг.», а также в Конституции 1992 года, в которой признавались многоукладность экономики, право на частную собственность, давались гарантии от национализации иностранным инвесторам. На съезде произошла замена лидера партии. Генеральным секретарём ЦК КПВ был избран До Мьюй. На пленуме ЦК КПВ в июле 2005 года было принято решение, согласно которому члены партии могут заниматься предпринимательской деятельностью, это было подтверждено на 10-м съезде КПВ. Также было разрешено вступать в партию беспартийным бизнесменам. Предприниматели-члены КПВ не должны заниматься эксплуатацией трудящихся при осуществлении своей предпринимательской деятельности. На практике в КПВ вступают

чиновники и военнослужащие, большинство предпринимателей во вступлении в партию не заинтересовано.

Процессы в высших эшелонах партии почти полностью закрыты для общества, что изначально было продиктовано стремлением соблюдения требования безопасности и не дать огласки разногласиям между соперничающими группами. Существующие в КПВ «группы интересов» организационно не оформлены. Наиболее часто используется деление на реформаторов и консерваторов. Об условности такого деления можно судить по таким фактам: инициатор политики обновления Нгуен Ван Линь накануне VII съезда КПВ солидаризировался со своими оппонентами, а консерватор До Мьой руководил партией в период экономического подъёма в стране, сделав ставку на поощрение частного предпринимательства и иностранных инвестиций. Эти течения расходятся не в выборе пути развития страны, а в оценке приемлемых темпов реформ. В годы «холодной войны» за влияние боролись просоветская и прокитайская фракции, сейчас иногда говорят о противостоянии прокитайской и проамериканской. Хотя большая часть действующих высших руководителей закончила советские вузы и испытывает к России позитивные чувства, пророссийской группы нет.

Типичны как и для многих стран Востока кланово-родственные связи. В самом широком смысле во Вьетнаме различают северян, южан и выходцев из центральных провинций. Все руководители КПВ как правящей партии кроме Ле Зуана — выходцы из Северного Вьетнама. После начала политики обновления большинство руководителей правительства были выходцами с Юга. Логика этого такова: самый важный в стране пост генерального секретаря отдаётся выходцу из северных провинций - колыбели вьетнамской цивилизации, генерирующей политические решения и являющейся хранителем национальных традиций. Второй по важности пост, главы правительства, занимает уроженец южных провинций, которые отличаются повышенной социальной мобильностью и дали стране современную генерацию управленцев. Южане считаются наиболее последовательными сторонниками и знатоками рыночной экономики.

В повседневной жизни действуют более тонкие градации, учитывающие происхождение с точностью до провинции и сельской общины. Если министром стал представитель одного из таких кланов, то его земляки занимают ведущие посты на всех нижестоящих ступенях. КПВ является главным двигателем модернизации страны в 21 веке. На X Съезде КПВ, прошедшем в апреле 2006 года, партия поставила одной из главных задач партии создание в стране атмосферы открытости, взаимного доверия ради политической стабильности и общественного согласия, принятие некоторых последствий многоукладной рыночной экономики с неравенством доходов, уровня жизни и различия интересов различных классов и слоев. Также удалось избавиться в руководстве от коррумпированных деятелей, усилить демократическое развитие КПВ и наметить планы по повышению благосостояния народа. Генеральный

секретарь КПВ Донг Дык Мань заявил, что для ограничения, оттеснения, пресечения коррупции и других негативных явлений необходимы не отдельные меры, а комплекс эффективных, решительных и упорных мер. Он отметил, что разработка и реализация антикоррупционных мероприятий в стране проводится одновременно по многим каналам, в том числе законодательным, а также через нравственное самоусовершенствование каждого из членов партии. X-й съезд КПВ поставил задачу вывести страну к 2010 году из разряда слаборазвитых государств, а к 2020 году превратить ее в индустриальную.

Длительное время внутри КПВ проходила широкая дискуссия - подobaет ли члену компартии быть капиталистом, эксплуатируя чужой труд, и, одновременно, проповедовать населению идеи социального равенства. Она была вызвана тем, что повсеместно распространенным явлением стало владение партийными и административными чиновниками коммерческими структурами. Ещё на партийном пленуме ЦК КПВ, проходившем в июле 2005 года, было принято решение, согласно которому члены партии могут заниматься предпринимательской деятельностью. Это было подтверждено и на 10-м съезде КПВ. Кроме того, беспартийным бизнесменам было разрешено вступать в партию. Одним из условий, на которых предприниматели могут вступить в КПВ является обязательство не вести эксплуатации трудящихся при осуществлении своей предпринимательской деятельности.

Ряд вопросов, таких как: в каких масштабах члены КПВ могут заниматься частной экономической деятельностью, имеют ли члены КПВ нанимать рабочую силу, имеют ли члены КПВ право использовать прибавочную стоимость, являются темой непрекращающихся дискуссий. На практике в КПВ вступают лица, находящиеся на военной и госслужбе. Большинство предпринимателей не заинтересовано во вступлении в партию.

20-28 января 2016 г. в Ханое состоялся XII съезд правящей Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Партийные съезды раз в пять лет съезд подводят итоги прошедшего срока и устанавливают курс развития Социалистической республики Вьетнам (СРВ) на следующую пятилетку. По итогам съезда также определяется новый состав Центрального комитета партии, Политбюро и выбирается высшее коллективное руководство Вьетнама, т.н. «четыре опоры»: генеральный секретарь ЦК КПВ, премьер-министр, президент СРВ и председатель Национального собрания (парламента). Несмотря на закрытый характер политической системы Вьетнама, последние недели перед съездом отметились интенсивной внутренней борьбой. Почти до самого начала съезда внешние наблюдатели считали наиболее вероятным кандидатом на место генерального секретаря КПВ премьер-министра Нгуен Тан Зунга. В условном разделении вьетнамских элит на консерваторов и реформаторов Зунга относили к последним. Он выступал за углубление рыночных реформ, завершение программы частичной приватизации государственных

корпораций, активную интеграцию Вьетнама в глобальную экономику и решительную борьбу с экономической и политической зависимостью от Китая.

Формальные возрастные ограничения не позволяли Нгуен Тан Зунгу быть избранным ни на один из руководящих постов, однако в КПВ существует достаточно широкая практика апелляции к «особым случаям». Тем не менее, к Зунгу такие исключения применены не были - в формировании нового руководящего состава Компартии ведущая роль досталась консервативному лагерю во главе с генеральным секретарем Нгуен Фу Чонгом. Премьер Зунг оказался не переизбран в новый состав ЦК и потерял все шансы на высший пост.

По итогам XII Съезда руководящие посты во Вьетнаме распределились следующим образом:

Генеральным секретарем ЦВ КПВ был переизбран Нгуен Фу Чонг (71 год). Он сделал успешную карьеру в теоретическом журнале «Коммунист» («Тапчи конгшан»), занимал должность партсекретаря г. Ханой, председателя Национального собрания. Член Политбюро ЦК КПВ с 1997 г., где отвечал за вопросы идеологии.

Премьер-министром стал Нгуен Суан Фук (61 год), до съезда занимавший пост зампреда правительства. Экономист, повышал квалификацию в Сингапуре. Долго работал в центральной провинции Куангнам, с 2007 г. возглавлял Аппарат Правительства СРВ. Член Политбюро с 2011 г.

Пост президента СРВ занял Чан Дай Куанг (59 лет), министр общественной безопасности. Карьеру он посвятил работе в министерстве внутренних дел (старое название министерства), служил в кадровом и политическом департаментах. Член Политбюро с 2011 г.

Национальное собрание возглавил вице-спикер Нгуен Тхи Ким Нган (61 год), - первая женщина на этом посту. По образованию она экономист, занимала должности заместителя министра промышленности и торговли, заместителя министра финансов. В 2007-2011 гг. - министр труда, инвалидов и социального обеспечения. С 2011 г. - заместитель председателя Нацсобрания, член Политбюро с 2013 г.

Несмотря на то, что премьер-министр Нгуен Тан Зунг не стал генсеком, в новом руководящем составе партии был соблюден фракционный баланс. Политбюро было расширено до 19 членов, 12 из них избраны в его состав впервые. Средний возраст членов нового состава - 59,7 лет. Для общего направления развития Вьетнама на ближайшие пять лет этот новый расклад означает сохранение прежнего курса при одновременном избегании резких перемен в государственной политике. В приоритете будет находиться сохранение влияния Коммунистической партии и её монополии на власть. В программных выступлениях переизбранный генеральный секретарь Нгуен Фу Чонг среди приоритетных задач выделил предотвращение «идеологической деградации» партии, создание эффективной политической системы, борьбу с коррупцией, обеспечение устойчивого роста, повышение конкурентоспособно-

сти вьетнамской экономики и обеспечение безопасности и территориальной целостности страны.

Рыночные реформы во Вьетнаме - предмет внутривластной договоренности, поэтому победа консервативного крыла КПВ означает лишь то, что реформы будут проводиться с учетом интересов самой партии, в поступательном ключе. Кроме того, относительно едины позиции КПВ и по необходимости дальнейшего развития отношений с США: в 2015 г. Нгуен Фу Чонг посетил Вашингтон и неоднократно высказывался в поддержку участия Вьетнама в Транстихоокеанском партнерстве³. Политическая ситуация в стране относительно стабильна, потому что при всех ошибках и недостатках нынешней политической системы, противостоящие ей силы (которые очень условно можно называть оппозицией) ещё очень слабы и не организованы, не имеют сколько-нибудь значительной поддержки ни в стране, ни за рубежом. Вьетнамская оппозиция, как признают и сами её деятели в диаспоре, всё более становится неприятным бельмом в глазу у правящих кругов стран Запада, для которых политическая стабильность во Вьетнаме и безопасность инвестиций всё-таки гораздо важнее самых демократических характеристик существующего там строя. Недаром, некоторые из них называют Вьетнам «любимым дитём США в Юго-Восточной Азии». Хотя американская организация «Фридом хаус», измеряющая уровень индивидуальных свобод и соблюдения прав человека в различных странах, по-прежнему ставит Вьетнам среди самых последних в мире, рядом с Кубой, Северной Кореей, Мьянмой, Ираком, Ираном, Сирией и Саудовской Аравией.

В руководстве страны, действительно, убеждены, что основные элементы демократии западного типа, особенно политический плюрализм, противоречат сложившейся в стране системе власти, подрывают политическую стабильность, национальную культуру и идентичность. Тем не менее, по мере перехода к рыночной экономике и открытия внешнему миру сложившаяся здесь политическая система тоже начала изменяться в сторону демократизации и либерализации. Во Вьетнаме, хоть и медленно, с учетом местной специфики, но неуклонно идет процесс демократизации и расширения гражданских свобод, причем эта эволюция, по мнению многих специалистов, уже приняла необратимый характер и может идти даже быстрее, чем в Китае.

Очевидно, что лидеры КПВ совершенно иначе, чем принято на Западе, понимают само слово демократизация, но они всё более активно поддерживают выборный процесс на местах, причем как в органах власти, так и в партийных организациях, высказываются за независимость судов и надзор за партийными функционерами. Как далеко зайдет этот процесс - открытый вопрос, но существенные подвижки уже на лицо. Вьетнамцы, пережившие годы до политики обновления, почти все говорят, что «сейчас живется гораздо лучше, чем тогда». Режим тогда, действительно, был тоталитарным и полицейским. На то была война и тяжелейшие 80-е годы. Сейчас не совсем так или даже совсем не так. Ограничения свобод не такие жесткие, и все это

признают. Режим стал более терпимым, но, тем не менее, по-прежнему достаточно суров по отношению к инакомыслящим, особенно если обозначается контакт какой-либо местной группы диссидентов с заморским покровителем через интернет или публикацию критических материалов в зарубежных СМИ и ввоз так называемой подрывной литературы в страну. Особенно опасной считается роль внешних политических движений во вьетнамской диаспоре. Последние судебные процессы прошлого года отличались особенно суровыми приговорами, что вызвало соответствующую реакцию на Западе.

В целом же новая государственная политика характеризуется значительной гибкостью и прагматизмом. Чтобы выжить и овладеть ситуацией руководство КПВ делает ставку на строительство «правового государства», действующего строго по законам. В таком государстве на первое место выдвигается Национальное Собрание. Прогресс демократии демонстрирует его новая, значительно активизированная роль. Национальное собрание, где значительная часть депутатов уже работают на постоянной основе, получило полномочия отстранять от должности даже президента и премьер-министра. Его открытые заседания, посвященные вопросам и ответам Правительства, вживую транслируются ТВ и радио. Каждый депутат с нынешнего года будет иметь свой сайт в Интернете, куда могут обращаться его избиратели с любыми вопросами. Ответ обязателен. Именно оно призвано интегрировать в себя новые политические силы, рожденные политикой «дой мой», молодежь, женщин, выходцев из национальных меньшинств, прошедших через систему государственного образования и воспитания. Уже сейчас более 20% депутатов не являются членами КПВ.

Партия преобразуется и сама, открыв двери для католиков и других верующих людей, для менеджеров и даже владельцев частных предприятий, отказываясь от своей роли орудия диктатуры пролетариата, о которой уже никто и не вспоминает. И всё это для того, чтобы стать отлаженным механизмом управления и администрации по формуле: руководитель - партия, хозяин - народ, управленец - государство. Хотя и эта формула, изобретенная, как говорят, ещё тов. Ле Зуаном задолго до политики обновления, по мнению некоторых ученых, требует уточнения. Они справедливо считают, что государство должно управляться всё же не партией, а законом.

Ещё X Съезд КПВ поставил одной из главных задач партии создание в стране атмосферы открытости, взаимного доверия ради политической стабильности и общественного согласия, преодоление остатков вражды и размежевания как тяжких последствий войны, принятие некоторых последствий многоукладной рыночной экономики с неравенством доходов, уровня жизни и различия интересов различных классов и слоев. Пока заметных успехов в этом не отмечено.

С 2010 года постепенно стала внедряться система прямых выборов первых секретарей провинциальных комитетов КПВ. Впервые они были проведены в сен-

тябре 2010 г. в провинции Хатинь. До этого первые секретари избирались провинциальными комитетами КПВ, состав которых формировался на конференциях. Это свидетельствует о процессе демократизации в партии и усилении влияния рядовых членов. Процесс элитообразования во Вьетнаме характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, элита чаще формируется из представителей КПВ и высших государственных органов, часто основываясь на личной преданности существующему режиму и политическим лидерам и т.д. С другой стороны существуют тенденции к образованию элитообразования, основанного на демократических процедурах выборов кандидатов в различные слои элиты как в центре, так и в регионах. Политическое руководство КПВ сконцентрировано в руках нескольких человек, контролирующих все партийные структуры. Многие рассматривают эту концентрацию власти в партии чуть ли не как главную причину всех успехов КПВ в прошлом и в настоящем. Но есть и другие мнения.

Время от времени появлялись сообщения, будто в партии есть намерение сократить число высших руководителей партии и страны. Одно из них состояло в том, чтобы отказаться от трех (генеральный секретарь, президент и премьер-министр) и оставить только двух главных (генеральный секретарь, он же одновременно президент, который сосредоточится на руководстве партией и будет выполнять протокольные обязанности главы государства, и премьер-министр, который будет руководить всем государственным аппаратом). Эта идея широко распространилась в общественном мнении, что говорило о настойчивости и влиянии тех, кто за ней стоял, но и тот факт, что она до сих пор остается не реализованной, тоже говорит о том, какое сопротивление она встретила. Оно и понятно: сокращение числа высших руководителей приведет к концентрации ещё большей власти в руках меньшей группы лидеров, что вернет страну к ситуации до 1986г. В развернувшейся предсъездовской дискуссии многие уважаемые в стране люди говорят о том, что, прежде всего, необходимо обновить и демократизировать саму 3-миллионную КПВ. Сейчас, как они считают, самое время для этого.

Необходима глубокая внутривнутрипартийная демократизация. Похоже, что мы присутствуем при определенной ревизии самой природы КПВ и её роли в государстве и обществе. Этот пристальный взгляд вовнутрь себя составляет важную часть поиска, как привычного для КПВ инстинкта выживания перед фактом поднимающейся волны недовольства в различных слоях народа, которая ставит вопрос о её политическом будущем.

Значительная часть партийного актива возражает против смены названия партии, аргументируя тем, что под руководством КПВ Вьетнам постепенно, шаг за шагом развивается и идет вперед, завоевав высокий авторитет и признание в мире. Поэтому смена названия Партии и страны была бы ошибкой, которая вызовет растерянность в обществе.

Бывший премьер-министр СРВ (1991-1997) Во Ван Киет, необычайно популярный на Юге страны, где его

называли «архитектором обновления», до недавнего времени особенно часто упоминался среди ярых критиков руководства КПВ. До последних дней он сохранил весьма критический взгляд на политику последующих лидеров КПВ, постоянно призывая к большей гласности и дальнейшей либерализации режима. Он обвинял их в недемократических методах и отходе от идей Хо Ши Мина, мечтавшего превратить Вьетнам в подлинно демократическую страну. Во Ван Кьет умер в 2007г., и его похороны в г. Хо Ши Мине сопровождались грандиозными манифестациями, особенно молодежи.

В феврале этого года бывший Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Кха Фьеу в статье, посвященной 80-летию КПВ, опубликованной в электронной газете КПВ, писал: «А в это время мы всё ещё не видим, что теряем доверие многих людей к партии и к государству, к кадровым работникам партии, утратившим свою роль примера в моральном отношении и не обладающим не-

обходимыми знаниями». И далее он подчеркивает, что «необходимо в первую очередь развивать внутрипартийную демократию, и только тогда её можно по-настоящему внедрить в общество. Необходимо обеспечить основные демократические права народа (народ должен знать, обсуждать, выполнять и проверять)».

В долгосрочной перспективе Вьетнам, по мнению многих экспертов, эволюционирует в сторону известного в Восточной Азии типа политической системы, наиболее успешно реализованной в Сингапуре. Не даром её творец Ли Куан Ю был советником Президента СРВ при становлении политики обновления. Это - парламентская республика с однопартийной системой, но с развитой внутрипартийной демократией и относительно свободными СМИ.

Как бы там ни было, но политический строй в СРВ остается самым стабильным, особенно в сравнении с другими странами ЮВА.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнам, 1992 г. Constitution of the Socialist Republic of Vietnam, 1992.
- 2.
3. Васильева Д.В., Курицина В.А. Россия и современный мир: проблемы политического развития – М.: Институт бизнеса и политики, 2010. Vasilyeva D.V., Kuritsina V. A. Russia and modern world: problems of political development – М.: Institute of business and policy, 2010.
4. Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме 1986-2006. - М., 2008. Mazyrin V.M. Reforms of a transition period in Vietnam 1986-2006. - М, 2008.
5. Communist Party of Vietnam Newspaper, 06.05. 2010.
6. Nhan dan, 03.02.2010.
7. <http://www.ifes-ras.ru> - сайт Института Дальнего Востока.
8. http://www.vietnamembassy-usa.org/learn_about_vietnam/politics/ -
9. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. 1992 г. См.: Государственное устройство Социалистической Республики Вьетнам
10. http://www.vietnamembassy-usa.org/learn_about_vietnam/politics/ - сайт посольства СРВ в США.
11. <http://ru.journal-neo.org/2016/01/23/v-etnam-pered-xii-s-ezdom-kompartii/>

@ Н.Н. Башлуева. 2018

Some questions of composition of control tasks in the system of corresponding in the educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia

Некоторые вопросы методики составления контрольных заданий в системе заочного обучения в учебных заведениях МВД России

Natalia Nikolaevna Bashlueva,
Associate Professor of the Department of Social,
Economic and Humanitarian Disciplines of
the Moscow Regional Branch of the Moscow
University of the Ministry of the Interior of
Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of
Pedagogical Sciences

Наталья Николаевна Башлуева,
доцент кафедры социально-экономических и
гуманитарных дисциплин Московского област-
ного филиала Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагоги-
ческих наук полковник полиции
E-mail: bashlueva@mail.ru

Annotation. The article is about directions in the methodology of drawing up of control tasks in the system of correspondence education in the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs. In developing options for control work, the unity of work volume and uniformity of subjects should be preserved. For a basis it is necessary to take the standard control tasks annually developed by faculty of foreign languages of high school.

Keywords: control tasks, grammatical material, teaching methods, practical exercises, students of correspondence education

Аннотация. В статье речь идет о направлениях в методике составления контрольных заданий в системе заочного обучения в учебных заведениях МВД. При разработке вариантов контрольной работы должно быть сохранено единство объема работы и единообразие тематики. За основу необходимо брать типовые контрольные задания, ежегодно разрабатываемые кафедрой иностранных языков вуза.

Ключевые слова: контрольные задания, грамматический материал, методика обучения, практические занятия, слушатели заочного обучения

Для цитирования: Башлуева Н.Н. Некоторые вопросы методики составления контрольных заданий в системе заочного обучения в учебных заведениях МВД России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 19-21.

Ни одна дисциплина не представляет для слушателей заочного обучения таких специфических трудностей, как иностранный язык. Овладеть иностранным языком без непосредственного систематического общения с преподавателем и другими коммуникантами очень трудно. Следует отметить, что заочники, живущие в крупных городах, где расположены учебные заведения и их филиалы привлекаются к посещению очных занятий и консультаций по иностранному языку, что несколько облегчает дело. Однако количество часов, отводимых для этих занятий (18, 20 часов в год) совершенно недостаточно и не может заменить самостоятельную работу слушателя над учебным материалом.

Расширить охват учащихся очными формами обучения практически невозможно, так как большинство заочников — жители небольших городов и поселков, в которых нет филиалов учебных заведений. В этих условиях особенно возрастает значение самостоятельной работы слушателей-заочников над изучением иностранного языка, а также их работа по выполнению

контрольных заданий. Составление контрольных заданий в системе заочного образования требует поэтому особенно вдумчивого подхода.

Слушатели заочного факультета системы МВД должны выполнить одну домашнюю контрольную работу.

Необходимо иметь для каждого контрольного задания по возможности большое число вариантов с тем, чтобы иметь возможность предлагать разнообразные задания. Кроме того, задания должны ежегодно обновляться, чтобы используемые в них тексты не устарели.

При разработке вариантов контрольной работы должно быть сохранено единство объема работы и единообразие тематики. За основу необходимо брать типовые контрольные задания, ежегодно разрабатываемые кафедрой иностранных языков вуза. Так, например, если типовое задание в тематическом отношении представляет собою описание какого-либо города, то в качестве вариантов этого задания уместно использовать, описания разных городов.

Первые четыре контрольные задания, выполняемые, слушателями заочного обучения, должны помочь учащимся приобрести необходимый запас слов и усвоить наиболее, важный грамматический материал. Работа учащихся над выполнением этих заданий должна подвести их к чтению с помощью словаря литературы по изучаемой специальности.

Наиболее подходящими; темами для первых четырех контрольных заданий, на наш взгляд, являются:

1. Описания городов или стран.
2. Биографии выдающихся политических и общественных деятелей, писателей, ученых.
3. Правоохранительные органы стран, изучаемого языка
4. Ориентирование по городу
5. Правила дорожного движения

При выборе той или иной темы необходимо, конечно, учитывать ее актуальность. Не следует выбирать для контрольного задания такую тему, которая может быстро устареть.

Контрольные задания, выполняемые заочниками, должны научить слушателей читать и переводить литературу по специальности. В этих заданиях должна быть достаточно полно представлена лексика по специальности.

По объему каждая из контрольных работ не должна отличаться от типовых контрольных заданий. Эти задания обычно не превышают 3000 печатных знаков.

Каждое контрольное задание состоит из текста для перевода и из грамматических упражнений, причем текст обычно предшествует упражнениям. Мы полагаем, что лучше сделать наоборот: грамматические упражнения должны предшествовать тексту, так как они подготовят учащихся к переводу текста.

В предлагаемых для заочников грамматических упражнениях должны найти отражение наиболее важные грамматические темы соответствующей части курса языка. Наибольшее количество упражнений приходится на первое из контрольных заданий.

Для изучающих немецкий язык можно рекомендовать следующее примерное распределение грамматического материала по отдельным контрольным заданиям:

Задание № 1:

- порядок слов в простом распространенном предложении,
- склонение существительных в единственном и множественном числе,
- спряжение глаголов в Prasens, Imperfekt, Futurum,
- личные, указательные и притяжательные местоимения,
- степени сравнения прилагательных,
- употребление отрицаний nicht и kein,
- многозначность предлогов,
- образование количественных числительных,
- особенности словосложения в современном

немецком языке.

Задание № 2:

- PartizipI и PartizipII,
- Perfekti Plusquamperfekt,
- сложносочиненные предложения и сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными и обстоятельства времени,
- неопределенное местоимение jemand, безличное местоимение es,.
- порядковые числительные,
- образование имен существительных.

Задание № 3:

- Passiv— все временные формы (образование и перевод),
- придаточные предложения, причины, цели, уступительные, условные с союзом и без союза,
- инфинитивные обороты с um ..zu, statt...zu, ohne... zu,
- обороты со вспомогательными глаголами haben или sein с zu плюс Infinitiv,
- образование имен прилагательных.

Задание № 4:

- придаточные предложения определительные, образа действия, места,
- распространенное определение и обособленные причастные обороты,
- местоименные наречия,
- сложные временные формы модальных глаголов.

В 5-м и 6-м контрольных заданиях новым грамматическим материалом являются Konjunktiv и Konditionalis, их образование и употребление, а также определение, выраженное PartizipI с zu. При этом следует обратить внимание на употребление сослагательного наклонения в косвенной речи и на Konjunktiv модальных глаголов, получивший широкое распространение в современном немецком языке.

Эти последние контрольные задания должны содержать также отдельные стилистические особенности текста правоохранительного характера.

Грамматические упражнения не должны быть сложными и слишком обширными, так как основным в контрольном задании является текст для перевода. Задача грамматических упражнений— подготовить к переводу текста. Упражнения должны строиться на том же самом лексическом материале, что и текст. Перегрузка контрольного задания новым лексическим материалом нежелательна.

Лексика первых двух контрольных заданий должна содержать слова, предназначенные, главным образом, для активного усвоения, поэтому следует избегать мало употребительных слов и выражений. Если такие слова и выражения имеются в тексте, то они должны быть пояснены в специальных указаниях к тексту.

Пояснять следует также неологизмы и специальную лексику. Не следует ограничивать число пояснений, так как далеко не все слушатели могут приобрести достаточно полный словарь. Следует отметить, что даже довольно полный словарь (60 тыс. слов) часто не

указывает всех значений слова, встречающихся в том или ином контексте.

Материалы, используемые при подготовке контрольных заданий необходимо подвергать обработке в соответствии с лексическим и грамматическим материалом, изучаемым на данной ступени обучения. Трудность обработки состоит в том, что статьи, как правило, должны сокращаться, но при этом не должны, утрачивать специфики, строя и особенностей лексики иностранного: языка.

Составитель контрольных заданий должен поэтому глубоко продумать все части задания: от грамматических упражнений до тщательно составленных, пояснений к тексту, предлагаемому для перевода; следует внимательно проанализировать каждую фразу и каждое слово задания, помня о том, что от качества его составления зависит успех его выполнения учащимися. Составитель должен дать также образец выполнения разработанного им задания. Такой образец следует всегда иметь на кафедре, так как он часто необходим

другим преподавателям при рецензировании контрольных заданий.

Хорошо составленное контрольное задание не только обеспечивает более продуктивную работу слушателей - заочников, но и облегчает рецензирование заданий.

Кафедра иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя ежегодно издает и обновляет контрольные задания и достигла известных успехов в этом деле. Однако разрабатываемые контрольные задания еще не лишены недостатков.

Нет сомнения в том, что ни одна кафедра иностранных языков не может удовлетвориться одним вариантом контрольных заданий. Все кафедры филиалов должны создавать свои собственные варианты. Но в этом важном деле должна быть полная согласованность. Контрольные задания, разрабатываемые на кафедрах филиалов необходимо взаимно обсуждать и подвергать деловой критике с целью их улучшения.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Башлуева Н.Н. Повышение эффективности обучения курсантов вузов Министерства внутренних дел Российской Федерации: Дис...канд.пед.наук М., 2007. Bashulieva N.N. Increasing the effectiveness of training cadets at universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Dis ... Candidate of Pedagogical Sciences M., 2007.
2. Башлуева Н.Н. К вопросу о привитии навыков устной речи при обучении иностранному языку курсантов вузов МВД России. Прикладная психология и педагогика. 2017.Т.2. №2. С.1-7. Bashlueva N.N. On the issue of inculcation of oral language skills in teaching foreign languages to cadets from the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Applied psychology and pedagogy. 2017.Т.2. №2. С.1-7.
3. Башлуева М.А. Обоснование сущности и структуры процесса обучения курсантов вузов МВД РФ. В сборнике: Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности. Сборник научных статей по итогам межвузовского научно-методического семинара. Редколлегия: Н.Г. Кадников, И.М. Мацкевич. 2017. С.222-229. Bashulieva MA Substantiation of the essence and structure of the process of training cadets of high schools of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In the collection: The importance of the criminal law for the training of employees of law enforcement agencies that carry out counteraction to crime. Collection of scientific articles on the results of the interuniversity scientific and methodological seminar. Editorial Board: Н.Г. Kadnikov, I.M. Matskevich. 2017. P.222-229.

@ В.Ю. Бельский, О.Ф. Кошта. 2018

African civilization: the problem of identity

Африканская цивилизация: проблема идентичности

Vitaliy Yurievich Belskiy,
Political Science of Moscow
University of the MIA of Russia named after V.Ya.
Kikot, doctor of philosophical science, professor,
the head of the Department of Sociology and
E-mail: office@unity-dana.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
начальник кафедры социологии и политологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор философских наук, профессор,
E-mail: office@unity-dana.ru

Oscar de Jesus Ferreira da Costa,
student of the faculty of training
foreign experts Moscow University
The interior Ministry of Russia named after V. J.
Kikot police Sergeant Ministry of interior of the
Republic of Angola

Ошкар де Жезуш Ферейра да Кошта,
слушатель факультета подготовки
иностранцев специалистов Московского уни-
верситета МВД России имени В.Я. Кикотя
сержант полиции МВД Республики Ангола

Annotation. The article is devoted to the philosophical analysis of the civilizational identity of Africa. Examines the philosophical bases for understanding the role of emotional components in the definition of civilizations. It is proved that African civilization in its classical expression has developed forms of social life that allow you to maintain a balance in its relations with nature through the preservation of the deep mental roots of their culture.

Keywords: civilization, culture, identity, mental structures and traditions

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу цивилизационной идентичности Африки. Рассматриваются философские основания понимания роли эмоциональных компонентов в определении цивилизаций. Доказывается, что африканская цивилизация в своем классическом выражении выработала формы общественной жизни, которые позволяют сохранять баланс во взаимоотношениях с природой через сохранение глубинных ментальных традиций культуры.

Ключевые слова: цивилизация, культура, идентичность, ментальные структуры, традиции

Для цитирования: Бельский В.Ю., Кошта О. Ф. Африканская цивилизация: проблема идентичности. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 22-25.

Представление о различных цивилизациях (культурно-исторических общностях), сосуществующих на земном шаре, было введено в науку русским ученым Н. Я. Данилевским (1822 – 1885). Он же связал формирование цивилизации с особенностями господствующих ландшафтов и показал, что цивилизации не смешиваются между собой и изменяются только в исторических масштабах времен. Понятие «цивилизация» как социокультурная целостность, как единица для изучения мировой культуры по-разному использовалась различными авторами. Важнейшими традиционными характеристиками цивилизаций является природный или географический фактор, взятый под углом зрения его качественных особенностей. Другим подходом к цивилизационной классификации стал мировоззренческий (религиозный): христианская, исламская цивилизация.

«Человеческая история, - пишет С. Хантингтон, - это история цивилизаций. Невозможно вообразить себе развитие человечества в отрыве от цивилиза-

ций. История охватывает целые поколения цивилизаций - от древних (шумерской и египетской, классической и мезоамериканской) до христианской и исламской цивилизаций, а также проявления синской и индуистской цивилизаций. В течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентичности»¹.

Северная Африка с середины VII в. входит в культурный ареал, близкий арабскому миру Ближнего Востока. Народы, проживающие южнее Сахары, объединяются в большую Африканскую тропическую историко-этнографическую провинцию, которую, в свою очередь, делят на историко-этнографические области. Однако географические особенности континента, сравнительная однородность рельефа, климата, окружающей среды, возможность контактов через открытые пространства саванн обусловили значительные сходства элементов культуры африканских народов².

Большинство африканских народов создали культуры «открытого» типа, то есть культуры вос-

приимчивые к инновациям. На континенте постоянно происходят взаимодействия культур на разных уровнях: местных африканских культур друг на друга, европейских культур на местные культуры, исламских и христианских культур на традиционные системы ценностей, автохтонных и культур инонациональных групп – индийцев, армян, левантийцев и так далее. В странах Африки издавна сложились общины иноплеменников и иноземцев. Они впитывали культуру местных народов и сами вносили определенный вклад в ее развитие.

В духовной жизни народов Африки значительное место занимает религия. Автохтонные верования и обряды, сложившиеся на территории континента в древности, сохраняют и до сих пор свое значение во многих районах Африки. По решению ЮНЕСКО в справочных изданиях используют единое условное название для всех типов местных религий – анимизм. Под этот термин попадают самые разные системы верований. Единой африканской религии не существует. Как правило, у каждого народа складывается свой комплекс религиозных представлений, в котором в разных пропорциях сочетаются различные культы.

Для верований африканцев весьма характерен фетишизм. Сакрализация скал, камней, деревьев, предметов обихода – весьма распространенная черта духовной жизни многих народов Африки. Большое место в системе религиозных представлений занимают колдовство и магия. Бытует также представление о сверхъестественной «жизненной силе». Это «ньяна» у догон и мандинго (Мали), «эвуар» у фанга (Камерун), «элима» – у народов Северного Заира. Именно с этой силой связывают магические свойства культовых предметов и особые способности вождей, колдунов, жрецов. Очень распространен тотемизм. У бушменов тотемными животными считаются газели, быки; у мандинго – питон, крокодил, черепаха, антилопа; у йоруба – слон, баран, обезьяна³.

Наиболее яркая форма традиционных верований – культ предков, тесно связанный с погребальным культом – манизмом. Считается, что умершие получают иные, сравнительно с живыми, формы существования. Это могут быть зомби или ндоки – сверхъестественные существа, принимающие временно или навсегда человеческий облик. В зависимости от правильности выполнения погребального обряда зомби и ндоки выступают покровителями или врагами живых.

У народов, создавших еще до появления колонизаторов собственные раннегосударственные образования, наряду с бесчисленными и безликими духами стихий появились и боги, имеющие личное имя, более определенную сферу деятельности. У акан главой пантеона является Ньяме – владыка неба. Такое

же близкое по звучанию имя имеют главы пантеонов у многих других народов Африки: Ньяма, Ньямбе, Нзамби и т.д.

Традиционные религии еще достаточно сильны в современной Африке. В странах южнее Сахары половина населения исповедует один из вариантов традиционных верований. Наибольшее число аниимистов живет в странах Западной и Центральной Африки. В Ботсване, Свазиленде, ЦАР, Буркина-Фасо их более 80%, в Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, Бенине, Зимбабве, Мозамбике – от 70 до 80%. Однако местные традиционные религии не стали идеологией объединения. Все они – локальные, содержат тенденцию к обособлению отдельных народов, противопоставлению их друг другу, тормозят детрибализацию и консолидацию африканских народов.

После крушения колониальной системы интеллектуалы Африки предпринимают попытки создания общеафриканской идеологии. Среди них определенным влиянием пользуется афроцентризм как учение о том, что многовековое господство Европы должно смениться верховенством Африки

В разработке афроцентризма существенная роль принадлежит создателю теории негритюда, философу, поэту и эссеисту, первому президенту Сенегала – Леопольду Седару Сенгору, автору таких работ, как «Дух цивилизации и законы африканской культуры» (1956); «Негритюд и германизм» (1965); «Негро-африканская эстетика» (1964). Отдельные вопросы афроцентризма рассматривались такими идеологами, как Жозефо Ки-Зербо (Буркина-Фасо), Энгельберт-Мвенга (Камерун), Ола Балагун и Экпо Эйю (Нигерия).

Огромное место в философии афроцентризма занимает проблема специфики собственно африканской культурной практики. Леопольд Седар Сенгор видит эти особенности в первичности интуиции, эмоций и ритма, в чувства группы и диалога, присутствующих африканцам. Эта совокупность ценностей отражается в искусстве, образе жизни и способе мышления. Это квинтэссенция африканской души, особое, незападное, видение мира.

Опираясь на идеи Шейка Анта Диопа об Африке как прародительнице античной культуры через Нубию и Египет, Сенгор утверждает, что произведения негритюда существуют уже 2000 лет, причем африканский стиль мышления выражается прежде всего через искусство, через образ и символ. Он считает, что африканец отдает предпочтение мышлению через абстракции при решении конкретных проблем технического порядка, но, когда встает вопрос о выражении духовной реальности, африканец использует язык поэзии, а также символические образы, аллегории, метафоры.

Теоретики афроцентризма разрабатывали модель европейского человека как сугубо отрицательную, несоизмеримую с африканцем в ценностном отношении. Белый человек, являющий собой объективный разум, человек действия, воин, хищник отделяет себя от объекта; вооружившись точными инструментами анализа, он безжалостно расчленяет объект. Образованный, но подвижный лишь практически соображениями, белый европеец воспринимает «другого» как средство. Эта страсть к разрушению в конечном счете и предвещает закат европейской цивилизации.

Согласно идеологии негритюда, африканец как бы заперт в своей черной коже, он живет в первозданной ночи и не отделяет себя от объекта: от дерева или камня, человека или зверя, явления природы или общества. Он берет живой объект в ладони, как слепец, вовсе не стремясь зафиксировать его или убить. Он ощущает его чуткими пальцами; он познает «другого» на субъективном уровне.

Раскрывая образ африканской культуры, Сенгор писал, что именно космический ритм задает объект, именно он вызывает приятное ощущение в нервных клетках, именно на него человек реагирует поведением; если ритм нарушается, диссонирует, возникает оборонительная реакция. Обыгрывая известную фразу Декарта, Сенгор предлагает формулу: «Я чувствую, Я танцую «другого», Я существую». Африканцу для осознания своего существования необходимо не «словесное определение», а объективное дополнение. Танцевать – значит открывать и воссоздавать, отождествлять себя с жизненными силами, жить более полной жизнью, существовать. Это – высшая форма познания. Идея «танцующего» мышления как противоположности европейской силлогистике для Сенгора становится важнейшим принципом африканской идентичности.

Идеология негритюда имеет противоречивый характер, поскольку обосновывает исключительность «африканской нации». Жан-Поль Сартр называл негритюд «антирасистским расизмом». Позднее Сенгор откорректировал свою позицию, и центральное значение в его концепции приобрели не расовые, а культурные различия, а также была усилена мысль о взаимодополняющем действии африканской и европейской традиций. «Не стоит делить мир, – повторял Сенгор, – все мы под одним небом». Он, конечно же, не был расистом, хотя постоянно задумывался над вопросом: является ли африканец «европейцем наоборот»?

Кроме того, в стихах Сенгора, получившего образование в Сорбонне и писавшего стихи на французском языке, культура французской поэзии сочетается с традициями африканского фольклора. В своей книге «Африканские страны и путь Африки к соци-

ализму» (1961) Сенгор утверждал, что социализм в Африке должен основываться на использовании достижений современной науки и техники.

Таким образом, фундаментальной проблемой цивилизационной идентичности Африки является задача синтеза традиционных ментальных традиций и современных структур сознания, позволяющих культивировать научно-технический прогресс и диалог с другими культурами. При этом теоретической проблемой остается вопрос о возможности включения эмоциональных компонентов в критерии цивилизационной идентичности.

В отечественной литературе наметилась положительная тенденция при ответе на последний вопрос. Т.И. Краснопецева пишет: «Цивилизация, таким образом, представляет собой форму существования человеческого общества, которая определяется взаимодействием не только природного и мировоззренческого, но и эмоционального факторов»⁴. По ее мнению, действие эмоционального фактора представляет собой явление единичного порядка в сравнении с фактором мировоззренческим.

Идея эмоционального фактора в развитии цивилизаций в целом антропоцентрическому подходу в цивилизационных исследованиях, представленному в работах В.А. Лепехина и В.Ю. Бельского, а также в работах других отечественных ученых⁵, в том числе и в работах А.Л. Золкина.⁶ По-видимому, эмоциональный фактор становится одним из составных элементов характеристики цивилизации, которую В.А. Лепехин называет «антропофактором»⁷. В.Ю. Бельский пишет, что под «антропофактором цивилизованности» следует понимать «как совокупность связанных с жизнедеятельностью людей изменяемых и формируемых факторов, так и совокупность характеристик социокультурной среды («антропосферы»), развивающейся по определенным законам»⁸.

Культура, реализуя те или иные социальные модели, соответствующие ее этосу, как бы не оставляет места для иных типов тех же институций. Неорганичные для некоей культуры черты попросту не получают в ней пространства для своего развития. Например, те аспекты жизни, которые кажутся наиболее важными, с точки зрения нашей культуры, могут иметь чрезвычайно мало значения в других культурах, ориентированных иначе, чем наша. Каждое человеческое общество совершает отбор своих культурных установлений. Каждая культура, с точки зрения другой, игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой – они повседневная основа поведения. Одно общество огромное внимание уделяет культурным аспектам юности, другое – смерти, третье – загробной жизни.

Фактически, каждая единичная социальная группа вырабатывает свой стереотип эмоционального поведения, который становится основой мировоззренческого порядка. Действие эмоционального фактора во времени не прекращается. Оно оказывает воздействие на возникновение и развитие различного рода модификаций уже распространенного мировоззрения. Еще Р. Бенедикт, автор классической в антропологии книги «Модели культуры», отмечала, что каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые объединяются общей темой – «этосом культуры». Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты – все, вместе взятое, образуют неповторимую структуру, которая проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни: в системах распределения собственности, в структурах социальной иерархии, в материальных вещах и в технологиях их производства, во всех разновидностях формирования союзов и кланов внутри общества, в способах экономического обмена.

Таким образом, как по своему эмоциональному складу, так и по отношению к природе африканские культуры существенно отличаются от западной тем,

что последняя ставит своей целью преобразование окружающей среды с целью подчинения ее человеческому обществу, тогда как первая преобразует среду в размерах, допускающих «встраивание» общества в природный комплекс. В ряде аспектов африканская цивилизация представляет собой подвариант восточной цивилизации. Различия заключаются в том, что для классических цивилизаций Востока, как правило, была характерна грандиозность занимаемых ими территорий, в то время как африканские формировались в основном на небольших территориях, обладали невысокой плотностью населения и повышенным уровнем мобильности – готовности к миграции в случае резкого ухудшения экологических условий жизни.

Западная цивилизация характеризуется значительной преобразовательной активностью, что обуславливает в последние два столетия все возрастающее давление на другие цивилизации, вызывая общественные кризисы в пограничных цивилизационных зонах. Африканская же цивилизация в своем классическом выражении выработала такие формы общественной жизни, которые позволяют сохранять баланс во взаимоотношениях с природой.

¹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2007. – С.44.

²Львова Э.С. Культура народов Тропической Африки вчера и сегодня: взаимодействие культур и тенденции развития. – М., 1996. – С.5.

³Золкин А.Л. Культурология. – М., 2009.

⁴Краснопевцева Т.И. Африканская цивилизация // Цивилизации. – Выпуск 3. – М., 1995. – С.119 – 128. – С.123.

⁵Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL:<http://users4496447.socionet.ru/files/civil.pdf>

⁶Золкин А.Л. Глобализация и цивилизационные основания российской культуры // Философские исследования и современность. Вып.5. – М., 2015. – С.156 – 168.

⁷Лепехин В.А. Обоснование актуальности антропологического подхода в исследовании русско-российской цивилизации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – №12. – С.274 – 278.

⁸Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. – №1. – 2016. – С.10 – 12. Бельский В.Ю. О цивилизационном проекте современной России // Уфа: VII Российский философский конгресс: «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» Тезисы докладов., С.131., 2015.

@ А.Н. Бороздин. 2018

Civilization calls and experience their ideological neutralization in Russian history

Цивилизационные вызовы и опыт их идеологической нейтрализации в истории России

Arkady Nikolaevich Borozdin,
Ph.D., docent, professor of the Department
of Sociology and Political Science of Moscow
University of the MIA of Russia of V.Ya. Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
кандидат философских наук, доцент, профес-
сор кафедры социологии и политологии Мо-
сковского университета МВД им. В.Я.Кикотя
E-mail: rinabora@mail.ru

Annotation. Analyses the ideological paradigm of civilization identity of Russia in the history of its socio-political thought.

Keywords: civilizational identity, civilizational threat, Russian civilization, Christianity, Holy Russia, split

Аннотация. Анализируются идеологические парадигмы цивилизационной идентичности России в истории её социально-политической мысли.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, цивилизационная угроза, русская цивилизация, христианство, Святая Русь, Раскол

Для цитирования: Бороздин А.Н. Цивилизационные вызовы и опыт их идеологической нейтрализации в истории России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 26-29.

В современных условиях глобализирующегося мира одной из основных проблем для существования разнообразных народов и государств является угроза потери ими своей самобытной цивилизационной идентичности. Весьма остро эта проблема стоит и перед Россией. Но необходимо учитывать то, что для России эта проблема возникает не впервые. И для адекватного решения её в современных условиях важно знать и учитывать соответствующий отечественный исторический опыт.

Начав более тысячи лет назад с самоопределения себя в качестве самостоятельной части христианской цивилизации (см., например, работы митрополита Киевского Илариона, Владимира Мономаха и др.) и отстояв себя в качестве таковой во время монголо-татарского ига и в борьбе с германо-католической агрессией в середине XIII века, в дальнейшем, в связи с изменившейся геополитической и религиозно-идеологической обстановкой в Европе, русская философско-религиозная и политическая мысль была вынуждена искать новые парадигмы для выражения и сохранения своей самобытной цивилизационной идентичности.

Существенно важным этапом в осмыслении цивилизационной сущности России и её исторического предназначения являются XV-XVI века. Проблема особой исторической миссии русского народа, русского царства актуализировалась в конце XV века прежде всего в связи с двумя событиями: во-первых, освобождением Руси от монголо-татарского ига, восстановлением политической независимости; во-вторых, заключением в 1439 году Флорентийской унии и падением

Константинополя в 1453 году под ударами иноверцев. После этих событий в Византии в среде русского священства получили распространение настроения недоверия, подозрительности к грекам, пошедшим на эту унию, поступившимися определенными принципами и статусом Православия. Русская церковь пришла к осознанию себя последней и единственной хранительницей истины Христовой в её первоначальной чистоте. Всё это послужило толчком к оживлению и стимулированию стремлений к независимости Русского православия и русского государства от притязаний на руководство со стороны Константинопольского патриархата, стремлений, проявившихся ещё во времена Илариона и Нестора.

Утверждение Илариона о том, что смысл существования России состоит в принятии и утверждении христианских истин и тем самым в обретении спасения, в новых условиях получает развитие в концепциях «Святой Руси», «Москва – третий Рим» и «Новый Иерусалим». В посланиях Филофея историософски-религиозно обоснованный идеальный образ Руси, Москвы как Рима III, приобретал черты особого мира, принципиально отличного от других, существовавших в то время. При этом, доктрина Филофея имела как религиозный, так и политический аспекты. Рассматривая, подобно Илариону, всемирную историю как процесс распространения и функционирования христианства в мире, Филофей определял Русь как, по сути дела, специфическую цивилизацию – последний оплот христианства, единственную и надежную хранительницу Православия в противовес еретикам и иноверцам окру-

жающего Русь мира, погрязшего в грехе и вероотступничестве. Только Святая Русь может устоять в чистоте веры до наступления конца мира (эсхатологические ожидания были весьма распространены в то время).

С чисто религиозным, тесно связан и политический аспект. Если Московская Русь – центр и единственный оплот христианского мира, то она является и его политическим центром. Филофей писал: «Итак, ...скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве... Так знай, ...что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»¹. Здесь в неявном виде прослеживается преемственность с византийской традицией, где постулировалась идея о том, что во всем христианском мире должен быть один государь.

Так, изучая этот феномен, В.В.Зеньковский приводил интересный исторический факт: «Когда в конце XIV в., Московский Великий князь Василий I отказывался подчиниться Византийскому императору, он получил очень характерную отповедь от Константинопольского патриарха: “невозможно... христианам иметь церковь, но не иметь царя, ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собой, и невозможно отделить их друг от друга. Святой царь занимает высокое место в церкви, - он не то, что поместные государи и князья”»². Поэтому совсем не случайно Иван IV ввел чин венчания на царство, что было целесообразно не только с религиозной, но и с политической точки зрения в условиях того времени, когда удельно-местнические и сепаратистские настроения были ещё достаточно широко распространены.

Идея своеобразия, особенности, богоизбранности Руси в мире, получила свое развитие в идеологеме «Москва – Новый Иерусалим». «Святая Русь» начала ассоциироваться не только с «III-м Римом», но и с «Новым Иерусалимом». Приобретая статус «Третьего Рима», Москва может и должна стать «Новым Иерусалимом». В этой идеологической конструкции как бы снимаются промежуточные ступени в историческом развитии христианства в лице не устоявших в вере и впавших в ересь и государственно-политическое небытие Рима I и Рима II. При Иване IV в Москве появился даже особый церковный обряд – шествие на осляти в Вербное воскресенье. «Это было действие, уподобляющее Москву не только “Риму Вечному”, но и Иерусалиму. Митрополит (позже Патриарх), восседая на коне, которого вел под уздцы Царь, символизировал Спасителя, входящего в Иерусалим. Всё это происходило на Красной площади, ... Шествие на осляти совершалось в свое время в Иерусалиме и Константинополе, но там в нем не участвовал носитель верховной земной власти»³. Этот

символический обряд был отменен Петром I. «Святая Русь» становится напрямую правопреемником колыбели христианства – Иерусалима и должна теперь исполнять историческую роль «Нового Израиля», и нести свет истинной православной веры по всему миру.

В этом проявлялась особость Руси как единственного истинно православного царства, что выражалось в противостоянии не только католической и протестантской Европе, но и греческой, бывшей Византийской, церкви. В частности, в 1480г. в архиерейскую присягу было включено клятвенное обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на епископию, как находящихся под властью иноверцев. Царь Иоанн IV перед участниками Стоглавого собора изложил «духовный смысл существования Русского Царства, его провиденциальную миссию: служить истиной, “пречистой”, вере»⁴. Окружающие Православную Русь народы рассматривались как представители власти безбожной. Отвергалась не только ересь католицизма, но и протестантизм. В своем ответе Яну Роките Иоанн Грозный писал: «Почему мне тебя нельзя не считать еретиком, так это потому, что учение твое полностью противоположно Христову учению и все рассуждения твои против Христовой Церкви направлены. И ты не только еретик, но и слуга антихристового дьявольского совета. Едва ли не больший, чем Лютер. Впредь своего учения в нашей стране не объявляй»⁵.

Таким образом, цивилизационная самоидентификация России того времени сводилась к образу «Святой Руси» с помазанником Божьим – православным царем во главе, что в свою очередь базировалось на специфически русских принципах «симфонии властей» (в отличие от теократизма, или папоцезаризма папского Рима и цезарепапизма Византии) и соборности.

В дальнейшем, во второй половине XVII века цивилизационная самоидентификация Руси претерпела существенные изменения, которые привели к трагическим событиям, обычно именуемым «Расколом». Продолжая чисто внешне традицию идеологии «Нового Иерусалима», царь Алексей Михайлович со своим ближайшим окружением (в которое позднее был кооптирован Никон) изменили понимание сущности и направленности этой доктрины.

После трагических событий Смуты начала XVII века и продолжавшихся неурядиц и негативных тенденций в различных сферах жизнедеятельности общества⁶, в стране оформились два основных религиозно-политические течения: «в лице провинциальных ревнителей» благочестия «на сцену выступала старая Русь, ... прочно державшаяся всех дедовских верований, обычаев и традиций, крепко веровавшая в их незыблемость и спасительность...», желавшая исправлять недостатки и пороки в обществе «...чисто домашними средствами, не сходя с русской исторической почвы, не изменяя своей родной, заветной старине...». Другая группа – «...ревнители столичные, верхи, смотрели на дело реформы иначе». В отличие от провинциальной России они «...признавали несостоятельность старой русской жизни в некоторых её основах...»⁷, то есть, были сво-

образной разновидностью того, что в России XIX-XX веков называлось и называется «западничеством».

Если раньше Русь рассматривалась как совершенное воплощение истинного христианства и истины Божественной, как реальная данность – реально воплощенный «Новый Иерусалим», то новые столичные реформаторы изменили направленность этой концепции во вне. Русь может стать «Новым Иерусалимом» только избавившись от своих недостатков путем отказа от своеобразного изоляционизма и исправления церковных устоев по якобы «истинным» греческим правилам.

Видимо свою роль сыграли и традиции семейства Романовых, а именно то, что «царь Алексей Михайлович воспитывался в грекофильских традициях своей семьи. Его дед был ставленником иерусалимского патриарха Феофана, которому поэтому Филарет Никитич всегда оказывал особую любовь, расположение и готовность исполнять все его просьбы». Да и со ставленниками католической Польши у Филарета были довольно специфические отношения: Лжедмитрий I возвратил его из ссылки (куда его отправил Борис Годунов) и возвел в Ростовские митрополиты, а уже Тушинский вор провозгласил его Патриархом; возглавлял он вместе с князем В.В.Голицыным и посольство к Сигизмунду по вопросу избрания королевича Владислава на Московский престол.

В отношениях Филарета и поляков видимо на первом месте были чисто политические мотивы. Грекофильство же его носило религиозно-политический, а скорее даже цивилизационный характер. Словом, патриарх Филарет «много содействовал развитию и укреплению у нас идеи о необходимости тесного постоянного единения между русскою церковью и тогдашнею греческою»⁸. А для этого надо было преодолеть почти двухсотлетнюю традицию недоверия и подозрительности к грекам. Сделать это можно было до примитивности просто: заявить о недостатках и огрехах отечественного православия, исправить которые можно только с помощью греческой церкви, якобы сохранившей в полной чистоте и исправности все богослужебные книги и обрядовые традиции православия.

Таким образом, если раньше вселенский образ «Третьего Рима», «Нового Иерусалима» ограничивался национально-государственными рамками, то теперь предполагалось повести Россию по иному пути – во вне, от национального к общемировому, превратить Россию в орудие, средство создания «Вселенского православного царства». Всё это подогревалось политическими амбициями Алексея Михайловича, который «первым из русских царей всерьез готовился воссесть на древний византийский престол, став тем самым во главе вселенского Православия, хотел сделаться наследником и продолжателем дела православных древних греческих царей»⁹. Об этом писал и Н.Ф.Каптерев: «Алексей Михайлович считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником их царства, верил, что ему, или его преемникам, действительно суждено в будущем владеть самым Кон-

стантинополем и всеми православными народами, томящимися под турецким игом», при этом «...церковное единение он считал первою и необходимою ступенью будущего политического единения...»¹⁰. Поэтому Алексей Михайлович весьма благосклонно относился к просьбам константинопольских послов, священников, купцов и т.п. (по крайней мере, на словах) о том, чтобы Россия взяла на себя миссию освобождения бывшей Византии от турецкого владычества.

В отличие от Романовых, их предшественники из последних Рюриковичей практически равнодушно относились к проблеме политической преемственности Руси от Византии. «Второй Рим» пал по Божьей воле и не людям ей противиться. Идеологема «Нового Иерусалима» вообще оставляла в стороне проблему Византии. К тому же они были более трезвыми и прагматичными российски ориентированными политиками и понимали, чем грозит Руси война с могущественнейшей в то время турецкой империей.

Поэтому «Иоанн III оставил без внимания обращение к нему сената Венецианской республики, напоминавшее, что власть над восточной империей, захваченной турками, в случае пресечения мужского потомства Палеологов принадлежит ему по брачному праву. ... Полным молчанием обошел и Василий III обещания посольства Дитриха Шомберга признать за ним право на византийские владения и царский титул»¹¹. Этой же традиции и логики неукоснительно придерживался и Иван Грозный. Он никогда не ссылался на брак своего деда с Софьей Палеолог.

Более того, когда папский посланник А.Посевин предлагал ему перспективу изгнания турок и воцарения московского государя на троне восточных царей, Иван IV не поддавался на эти провокационные соблазны, решительно отказавшись «на большее государство хотети... Мы в будущем восприятии малого хотим, а здешнего государства вселенные не хотим, что будет ко греху поползновение». Решать, в отличие от Алексея Михайловича, участь византийских земель он вообще не считал возможным: «Земля Господня, которую Он дает, кому Ему угодно будет»¹². Таким образом, позиционируя себя и Русь в целом в соответствии с доктринами «Святой Руси» и «Нового Иерусалима» в качестве единственно оставшегося оплота истинно христианской, а именно православной веры, Иоанн не выдвигал экспансионистских политических прожектов под предлогом то ли воссоздания Рима II, то ли создания Рима IV (исключение составляло отвоевание тех земель, которые исторически считались исконно русскими, или завоевания политических образований, непосредственно угрожавших существованию Руси). Он четко ограничивался Богом данным уделом Святой Руси и не претендовал на вселенский мессианизм и вселенское христианское царство.

Для Романовых же «особость» Руси в христианском мире становилась помехой для решения своих претенциозных политических вожделений, поэтому её надо было преодолеть, ликвидировать, «доказав» её неполноценность и вторичность. Основная же мас-

са русского народа не смогла без сопротивления (открытого или скрытого) встретить и принять подобные новации, ибо сущность раскола нельзя сводить только к разногласиям по поводу церковных обрядов или исправления церковных книг. Более правы, видимо, такие исследователи как Карташов А.В., Зеньковский В.В. и другие, отмечавшие, что в старообрядчестве «разрядилось то напряжение русского духа, которое сделалось осью его самосознания и сводилось к идее третьего Рима, т.е. к мировой миссии охранения чистоты истины Православия», и «совсем не обряд, а Антихрист есть тема и тайна русского раскола»¹³. Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос всей мировой истории, в центре которого была православная Русь. В.В.Зеньковский подчеркивал, что «старообрядчество... боялось несправедливого обмирщения Церкви, заражения Церкви мирским духом» и «по существу со старообрядчеством отходила в сторону и утопия “святой Руси”, понимаемой как уже воплощенная в историю реальность»¹⁴. Естественно, что менялся и цивилизационный образ, цивилизационная самоидентификация Руси. В связи с этим можно предположить, что грекофилия первых Романовых была своеобразной формой проявления западничества (юго-западного) на Руси того времени. Эту черту подметил ещё Ю.Крижанич, достаточно жестко, но метко определив её как «чужебесие».

Обмирщенная политизация русского Православия привела в ближайшее время к кардинальной смене цивилизационных ориентиров. Петр I коренным образом реформировал церковь (ликвидировал патриаршество и учредив Синод, т.е. уничтожив традиционный принцип симфонии властей, отменив фактически тайну исповеди, разорив храмы и монастыри), заменив традиционное русское самодержавие на некое подобие западноевропейского абсолютизма, преобразив на западноевропейский манер не только внешний вид, обра-

зование и сам образ жизни русского дворянства, попытался сделать из России «большую Голландию». Ни о какой «Святой Руси» в данных условиях не могло быть и речи. Старая народная Русь осталась с расколом; новая, состоявшая из приближенного к Петру дворянства, пошла за ним. Для староверов, приверженцев старины, традиционного русского образа жизни и «Святой Руси» новый царь «Петр считался антихристом»¹⁵. Старая Русь ему была не нужна и, более того, неприемлема и враждебна, он мог её только лишь использовать как средство, орудие для достижения своих воцелений по преобразованию России по западноевропейскому образу и подобию.

С этого времени началась новая эпоха в цивилизационном развитии России, характеризовавшаяся своеобразным цивилизационным расколом: большая часть простонародной России продолжала существовать в целом в рамках прежних традиций и устоев, а «верхи», - аристократия, дворянство и, в определенной степени, мещанство, - восприняли новую, западноевропейскую цивилизационную модель. XVIII век прошел под знаком петровских начинаний и им заложенных мировоззренческих, ценностных и идеологических ориентиров. Тем более, что после него и до 1917г. на российском престоле не было русских по происхождению императоров (за исключением полурусской Елизаветы): в основном немцы - под фамилией Романовых. Новые реалии требовали времени для своего критического осмысления и проверки ходом истории. И через сто лет, наполненных для России как историческими свершениями, так и тяжелыми испытаниями, русская философско-религиозная и социально-политическая мысль с новыми силами приступила уже в XIX столетии к всестороннему осмыслению проблемы цивилизационной идентичности России, что нашло свое выражение в различных вариантах как самобытничества, так и западничества.

¹ Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 30.

² Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград. 1991. Т. 1. С.45.

³ Боханов А.Н. Царь Иоанн Грозный. М., 2013. С. 230-231.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Иван Грозный. Государь. М., 2010. С. 120-121.

⁶ См.: Распутин В.Г. Смысл давнего прошлого. Религиозный раскол в России // Страницы минувшего. М., 1991.

⁷ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М., 1996. Т. 1. С. 32.

⁸ Там же. С. 36-37.

⁹ Кутузов Б. Алексеевская реформа // Москва. 1992. № 5-6. С. 131.

¹⁰ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 43-45.

¹¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 127.

¹² Ульянов Н. Комплекс Филофея // Образ. М., 1996. № 2(6).

¹³ Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 52-53.

¹⁵ Распутин В.Г. Смысл давнего прошлого. Религиозный раскол в России. С. 571.

@ З.В. Васильева, А.С. Болдырев. 2018

The danger of Islam's radicalization in Russia

Опасность радикализации ислама в России

Zlata Vladimirovna Vasilyeva,

teacher of department of philosophy and sociology
St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Злата Владимировна Васильева,

преподаватель кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД
России

Andrey Stepanovich Boldyrev,

chief of department of philosophy and sociology
St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Андрей Степанович Болдырев,

начальник кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД Рос-
сии

Annotation. The article considers the origins of Islamic radicalism in Russia, which, in the authors' opinion, date back to the national liberation movement of the mountaineers during the Caucasian War (1817-1864).

Keywords: radicalization, Russia, war, Caucasus

Аннотация. В статье рассматриваются истоки исламского радикализма в России, которые, по мнению авторов, восходят к национально-освободительному движению горцев в ходе Кавказской войны (1817-1864).

Ключевые слова: радикализация, Россия, война, Кавказ

Для цитирования: Васильева З.В., Болдырев А.С. Опасность радикализации ислама в России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 30-32.

Сегодня можно говорить о современной пост-советской России как о многонациональной, полиэтнической и поликонфессиональной стране, где проживают представители многих национальностей и представители разных религий: как мировых, так и национальных. Начало 90-х годов прошлого века стало началом возрождения религий в России, временем реализации принципа свободы совести. Это время возрождения ислама, представителями которого является значительная часть граждан России. Несмотря на неоднозначность и сложность восприятия ислама, эта религия вписана в историю России и остается неотделимым элементом российской духовной культуры. В речи на открытии Московской соборной мечети 23 сентября 2015 года Президент России В.В. Путин подчеркнул, что «сегодня традиционный ислам – это неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны»¹.

Однако, наряду с традиционным, в России существуют различные радикальные направления ислама: «ваххабизм», «салафизм», «исламизм», «фундаментализм», «джихадизм». Следует обратить внимание на неразрывную связь, слияние религиозного и политического в исламском радикализме, кроме того, «при всех различиях и нюансах между радикалами в идеологии и образе действия, их главная цель, в конечном счете, сводится к одному – исламизации общества и построению исламского государства»².

На наш взгляд, для того, чтобы лучше понять особенности религиозного экстремизма и терроризма, с которым борется Россия, необходимо обратиться к истокам этой проблемы, а именно к рассмотрению на-

ционально-освободительного движения горцев в ходе Кавказской войны (1817-1864).

Говоря о политической ситуации накануне войны, необходимо отметить, что первая четверть XIX века стала как временем военных успехов России, так и началом крупномасштабного газавата на Кавказе, поскольку Кавказ становится частью Российской империи, что признавалось международными соглашениями. Рассмотрим доктрину джихада в действии на примере Кавказской войны и установим специфические черты джихада на Кавказе в XIX веке.

В указанный период на Среднем Востоке Россия стала реальным соперником Франции и Англии, которая была заинтересована в отсрочке продвижения России в Средней Азии. Поэтому ей было выгодно, чтобы Россия погрязла в Кавказской войне. Франция, в свою очередь, вела самостоятельную политическую игру на Кавказе, что стало причиной борьбы за сферы влияния с военной и дипломатической точек зрения. Кроме того, Англия и Франция поддерживали Османскую Турцию и сепаратистские настроения на Кавказе. Россия же пыталась привлечь на свою сторону представителей знати народов Кавказа.

И. Ротарь в исследовании «Ислам и война» отмечает, что «в прошлом восстания против российских колонизаторов в мусульманских регионах нередко поднимали приверженцы суфизма»³. Следует отметить, что еще до начала Кавказской войны в конце XVIII века восстание против России на Северном Кавказе возглавил чеченский пастух Ушурма, провозгласивший себя имамом Мансуром. Выступая за чистоту ислама, замену

адатов шариатом, священную войну против неверных, шейх Мансур, умело используя суфизм, объединил на антироссийской основе многих мусульман.

Переходя непосредственно к рассмотрению Кавказской войны, необходимо сказать, что она не была непрерывной, а состояла из отдельных стычек. Важно отметить, что Кавказ представлял собой конгломерат мелких поселений-государств, а события Кавказской войны пришлись на сложную социально-экономическую ситуацию в данном регионе. В начале XIX века на Кавказе начался переход от родоплеменных, военно-стихийных отношений к раннеклассовому обществу. Процветала набеговая система, позволяющая накапливать богатство, поэтому джихад стал стержнем Кавказской войны, вокруг которого начали происходить события на Кавказе.

Известно, что ислам на Кавказе утвердился достаточно поздно. С XVI века ислам на Кавказе и в Закавказье активно насаждался крымскими и оттоманскими миссионерами, однако, были приняты только внешние, обрядовые формы ислама, но сохранялись адаты (древние народные обычаи), языческие обряды, праздники с употреблением спиртного. Поэтому можно сделать вывод, что даже в начале XIX века ислам до конца не укрепился на этих территориях. Но именно в это время происходит формирование мюридизма, сплава суфизма и доктрины джихада, провозглашавшего сближение с Аллахом и отказ от внутреннего джихада, через внедрение учения об активном внешнем джихаде, заимствованном из суфизма.

На Кавказе учение о духовном развитии трансформировалось в учение о самосовершенствовании, но только через джихад, лозунги которого сформировались под влиянием набеговой системы. М.М. Блиев в статье «Кавказская война: социальные истоки, сущность» пишет, что «окончательная материализация мусульманских догматов происходит в 20-х годах XIX века, когда мюридизм превращается в агрессивную доктрину, освящавшую теперь не только экспансию, но и растущую благодаря ей собственность»⁴. Одним из первых идеологов мюридизма был мулла Магомед из Яраги, провозгласивший: «Кто считает себя мусульманином, для того первое дело газават и потом исполнение шариата»⁵. Проповедь Магомеда Ярагского развивала мысль о совершенствовании не в суфийских братствах, а на полях сражений, поэтому горцам было проще принять путь джихада. Считалось, что тот, кто не соблюдает шариат – гяур, кафир (враг), а врагов надо уничтожать, тем самым, прокладывая путь в рай. Таким образом, Магомед Ярагский полагал, что без газавата шариат не может привести к спасению.

Можно отметить, что уже на начальном этапе национально-освободительного движения горцев в проповеди Магомеда Ярагского, содержавшей призыв к войне с неверными в Дагестане и в Закавказье, появляется новая идея борьбы с русскими. В первую очередь русские считались гяурами, потому что они неверные, а не захватчики и оккупанты.

Позднее Кази-мулла продолжил претворение идей мюридизма Магомеда Ярагского в жизнь. Кази-мулла назвал придерживавшихся адатов «неверными» и продолжил распространение шариата, «нацелившего всех членов общества на войну как на ремесло»⁶. В это время в рамках учения мюридизма зарождается принцип такфира, согласно которому неверным считался тот, кто не участвует в газавате. В данных условиях Россия превращалась в идеального врага. Провозглашалось, что Россия – сила, которая мешает горцам жить по шариату, выдвигались патриотичные лозунги джихада, хотя в реальности в распространении шариата и мюридизма Россия сыграла больше положительную роль.

Имам Шамиль, самый известный лидер национально-освободительного движения горцев, принадлежал к суфийскому тарикату накшбандийя, который во время Кавказской войны стал знаменем священной войны и оказал наиболее ожесточенное сопротивление российским войскам. Шамиль «учредил систему управления в духе своеобразной военно-родовой теократии»⁷, став лидером Северо-Кавказского имамата. Лозунги Шамиля были просты, доступны, его проповедь была очень прагматична (он прощал заблудших, но раскаявшихся). Важно то, что он отождествлял себя с верой, поэтому, уходящий лично от Шамиля, воспринимался как человек, отступивший от веры.

Среди военных действий, проводимых Шамилем, можно различить крупные набег для захвата военной добычи, что было стержнем военной доктрины джихада и оборонительные сражения против русской армии. Немаловажно, что в учении Шамиля были расхождения с чистым исламом: среди его воинов существовал культ погибших за веру, а также он вел тонкую политическую игру с немусульманскими странами (Шамиль стремился вывести переговоры об имамате на международный уровень). Интересно, что Шамиль был мусульмански образованным человеком, прагматичным политиком, поэтому использовал авторитет известных богословов для воздействия на горцев. Важным был вопрос о военной добыче, двадцать процентов которой полагалось отчислять имаму и, конечно, добыча являлась серьезным стимулятором Кавказской войны.

В России было малоизвестно реальное положение вещей на Кавказе (например, малоизвестным остается факт, что были перебежчики из русской армии к Шамилю). В русской среде существовала полемика между людьми, стремившимися романтизировать противника, и людьми, придерживавшихся государственно-политической позиции. Однако русская интеллигенция сознавала, что со стороны горцев Кавказская война была религиозной, но не со стороны России. Хотя имели место попытки России использовать религиозный фактор в начале войны, которые были быстро прекращены, поэтому Россия в своей политике на Кавказе стремилась дать свободу вероисповедания в обмен на лояльность. Кроме того, многие представители русской интеллигенции понимали некоторые особенности горцев. Во-первых, горцы – великолепные воины, но они не привыкли служить в регулярной армии. Во-вторых,

горцы считали, что, если сопротивление бессмысленно, нужно отступить, при этом, избегая генерального сражения. Немаловажно и то, что потеря лидера могла привести к полной капитуляции всего отряда.

В результате, Кавказская война, длившаяся почти пять десятилетий, была выиграна Россией, так как царское правительство умело использовало политические противоречия внутри горцев, также были учтены их специфические черты.

Можно выделить основные военно-политические этапы Кавказской войны: военно-экономическая блокада А.П. Ермолова, карательная экспедиция И.Ф. Паскевича. Широко пускалась в ход и военно-социальная тактика, когда жесткие военные действия сочетались с грамотной экономической политикой. Активно использовался подкуп знати титулами, воинскими званиями, рядовые горцы получали скот, зерно, землю, в политическом устройстве важное место заняли местные обычаи.

Иначе говоря, царская администрация добилась понимания народами Кавказа того, что может быть заключен мир без ущерба для их чести и веры, для горцев проявилась экономическая целесообразность мира. Следствием этого стало предательство наибями Шамиля, что доказывает то, что экономическая состав-

ляющая Кавказской войны была больше религиозной. Одним словом, российская администрация утвердилась на Кавказе и в результате произошла успешная интеграция горских племен в Российскую империю.

Подводя итог, необходимо заметить, что как исторически в ходе Кавказской войны (1817-1864), так и в постсоветскую эпоху радикальный ислам стал фактором, объединяющим оппозиционные группировки на Северном Кавказе. Тревожным сигналом стало образование 7 октября 2007 года запрещенной в России исламистской террористической организации Имарат Кавказ, которая стремится создать на территории Северного Кавказа теократическое исламское государство. Таким образом, «деятельность различных джихадистских структур, всё увереннее образующих параллельную систему власти в северокавказских республиках, с их лозунгом “чистоты ислама” и освобождения всего Северного Кавказа от “неверных”, оказывает всё более заметное влияние на умонастроения народов северокавказских республик»⁸. Именно поэтому в настоящее время так важна совместная работа федеральной и региональной власти, общественных организаций, системы образования по профилактике экстремизма, в том числе религиозного, на территории России.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. №2. Bliyev M.M. Caucasian war: social sources, essence//History of the USSR. 1983. No. 2.
2. Болдырев А.С. Основные понятия теории принятия решений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №1 (57). Boldyrev A. S. Basic concepts of the theory of decision-making//Bulletin of the St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2013. No. 1 (57).
3. Болдырев А.С., Васильева З.В. Применение современных образовательных технологий как эффективное средство стимуляции творческой активности обучающихся вузов правоохранительной системы // Ритмы бытия: праздник и повседневность в социокультурном измерении: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. Boldyrev A. S., Vasilyeva Z.V. Use of modern educational technologies as an effective remedy of stimulation of creative activity of the studying higher education institutions of law-enforcement system//life Rhythms: a holiday and daily occurrence in sociocultural measurement: collection of scientific works. – SPb.: RGPU publishing house of A.I. Herzen, 2017.
4. Васильева З.В. Пуританизм в эпоху Елизаветы I: становление и развитие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №4 (68). Vasilyeva Z.V. Puritanism during Elizabeth I's era: formation and development//Bulletin of the St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. No. 4 (68).
5. Ислам на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. Islam in the North Caucasus: history and the present / Under the editorship of I. Tekushev, K. Shevchenko. Prague: Medium Orient, 2011.
6. Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. №3. Malashenko A.V. Islam in Russia: religion and policy//Islamic studies. 2010. No. 3.
7. Ротарь И. Ислам и война. М.: АИРО–XX, 1999. Rotar I. Islam and war. M.: AIRO-HH, 1999.

¹Московская соборная мечеть открыта после реконструкции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации: [web-сайт]. 23.09.2015. <<http://kremlin.ru/events/president/news/50351>> (дата обращения 15.11.2017).

²Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. №3. С. 71

³Ротарь И. Ислам и война. М.: АИРО–XX, 1999. С. 5.

⁴Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. №2. С. 62.

⁵Блиев М.М. Указ. соч. С. 62.

⁶Блиев М.М. Указ. соч. С. 63.

⁷Ротарь И. Указ. соч. С. 5.

⁸Ислам на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. С. 227.

@ С.Н. Тихомиров, Н.В. Волченков. 2018

About the educational program of a graduate military course (postgraduate study) through a context of the total purpose of training of research and educational personnel of the top skills

Об образовательной программе адъюнктуры (аспирантуры) через контекст итоговой цели подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации

S.N. Tikhomirov,
the candidate of pedagogical sciences, associate professor professor of department of pedagogics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of V.Ya. Kikotya

С.Н. Тихомиров,
кандидат педагогических наук, доцент профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Nikita Vladimirovich Volchenkov,
the graduated in a military academy of department of pedagogics of the Moscow University

Никита Владимирович Волченков,
адъюнкт кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. Article about new contents of the educational program of training of research and educational personnel of the top skills, modern interpretation of understanding of the purposes and results of activity of a postgraduate study. Two approaches to goal setting of postgraduate preparation are analysed: dissertation and qualification.

Keywords: postgraduate study; the thesis for a degree of the candidate of science; research and educational personnel of the highest qualification; federal state educational standards; competences; state educational program; total certification

Аннотация. Статья о новом содержании образовательной программы подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации, современной интерпретации понимания целей и результатов деятельности аспирантуры. Проанализированы два подхода к целеполаганию аспирантской подготовки: диссертационный и квалификационный.

Ключевые слова: аспирантура; диссертация на соискание ученой степени кандидата наук; научно-педагогические кадры высшей квалификации; федеральные государственные образовательные стандарты; компетенции; образовательная программа государственная; итоговая аттестация

Для цитирования Тихомиров С.Н., Волченков Н.В. Об образовательной программе адъюнктуры (аспирантуры) через контекст итоговой цели подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Социально-гуманитарное обозрение. 2018-1: Стр. 32-36.

Актуальность освещаемой проблемы обусловлена тем, что в 2017 году в России состоялся первый выпуск адъюнктов (аспирантов), обучавшихся в период реформирования на основе «Закона об образовании в Российской Федерации» (273-ФЗ от 29.12.2012 г.), процесса подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Образовательные организации разработали и реализовали программы подготовки аспирантов (адъюнктов) в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС аспирантуры) по перечню направлений подготовки. В процессе обучения аспиранты (адъюнкты) выполнили учебный план, прошли научно-исследовательскую и педагогические практики, промежуточную, а конце обучения – государственную итоговую аттестацию (ГИА). Её формами были государственный

экзамен педагогике и научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации). Все успешно славшие ГИА получили диплом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь» и возможность получить в течении 2-х месяцев заключение образовательной организации о подготовленной диссертации.

Изменение статуса института аспирантуры (адъюнктуры) с послевузовского на третий уровень высшего образования вызвало и продолжает вызывать споры и дискуссии среди организаторов науки и в академической среде. Для всех явным было противоречие между теми новыми требованиями, которые предъявляли основные «потребители» данного процесса (государство, научно-педагогическое сообщество и сами аспиранты)

– к системе подготовки кадров высшей квалификации, теми задачами, которые выпускникам аспирантуры (адъюнктуры) предстояло решать, и прежними подходами к процессу профессиональной научно-педагогической подготовки, результатом чего стала его низкая эффективность.

Исследователи, анализируя начало и первые результаты реформирования аспирантуры, отмечали противоречивость современной модели аспирантуры, неоднозначность нововведений, расплывчатость формулировок нормативных актов (контрольные цифры набора; традиционная дисциплинарная структура предоставляемых финансовых ресурсов; процедура государственной итоговой аттестации), сложности в поиске новых подходов к содержанию образовательной программы [5; 6; 9]. Совет по науке при Министерстве образования и науки РФ от 31.03.2016 г. в своем заявлении отметил, что переход аспирантуры с уровня послевузовской подготовки на уровень высшего образования был «осуществлен механически, без учета особенностей аспирантуры как системы подготовки научно-педагогических кадров», он по многим позициям не соответствовал мировым трендам и структуре современных российских исследований и разработок [4].

Обозначенные выше противоречия позволяют нам обозначить научную проблему статьи – необходимость разработки (усовершенствования) модели образовательной программы аспирантуры, включающей как теоретическое осмысление концепции, так и разработку ее конкретного методического обеспечения. Как и ранее главным в данном процессе является ответ на вопрос: а каковы цели современной аспирантуры (адъюнктуры)?

В мировой практике выделяют два основных вида аспирантуры: классическую и структурированную. Аспирантура классического типа работает в соответствии с моделью «учитель – ученик». Структурированная аспирантура подразумевает реализацию в полном объеме образовательной программы, в структуру которой включена, прежде всего, обязательная диссертационная работа, кроме того, серьезная образовательная составляющая, направленная на формирование необходимых профессиональных компетенций, и, наконец, углубленная дисциплинарная и междисциплинарная подготовка [2, с. 41]. Известно, что в России есть два похожих подхода к определению цели подготовки аспирантов: диссертационный и квалификационный [1]. Сегодня проблема заключается в том, какая модель аспирантуры предпочтительнее для современной российской системы образования и науки. И ответ на этот вопрос напрямую зависит от ясного осознания и четкой формулировки цели аспирантуры (адъюнктуры).

Позиция сторонников «диссертационного» подхода не нова, неоднократно озвучивалась. Она заключается в том, что целью аспирантуры (адъюнктуры) должна быть целенаправленная научно-исследовательская работа и как ее результат – защита аспирантом диссертации. Установленная же ФГОС образовательная программа (ее не могут в силу 273-ФЗ реализовывать НИИ

и проч. научные организации) только отвлекает аспирантов от подготовки диссертации. Они, как и небольшое число научных руководителей аспирантов, высказывают мнение о том, что основные академические и исследовательские компетенции должны формироваться на уровнях бакалавриата (не дает права поступления в аспирантуру) и магистратуры, а в период обучения в аспирантуре данные исследовательские компетенции могут только развиваться и совершенствоваться (конечно, только в ходе занятий научно-исследовательской работой) [10, с. 31]. Ученые, придерживающиеся «диссертационного» подхода, противоречат сами себе, когда отмечают, что кандидатская диссертация должна одновременно как совершенствовать и обогащать науку в конкретной области знаний, так и быть научно-квалификационной работой, раскрывающей личностный потенциал аспиранта, обладающего набором определенных и не только исследовательских компетенций. В их работах отмечается, что период обучения в аспирантуре (адъюнктуре) связан не столько с освоением образовательных программ структурированной модели, но и с процессом самоактуализации и самоопределения обучающегося, с выявлением, раскрытием и развитием возможностей и разнообразных способностей (в т.ч. преподавательских) аспиранта, место приложения которых должен определить рынок труда. [7, с. 295; 9, с. 104].

Ряд «аргументов» сторонникам «диссертационного» подхода дает противоречивое положение современной модели аспирантуры о том, что образовательная программа не ставит перед аспирантом цель в процессе обучения подготовить диссертацию к защите. Если ФГТ (Федеральные государственные требования к структуре основной профессиональной образовательной программы послевузовского профессионального образования (аспирантура) включали в программу аспирантской подготовки модуль «Подготовка к защите диссертации», то ФГОС ВО аспирантуры не содержат такого модуля (как и модуля «Кандидатские экзамены»). Таким образом создается иллюзия о том, что в качестве цели аспирантской подготовки формирование набора универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, а подготовка и защита диссертации не являются обязательной задачей аспиранта (адъюнкта). Мы не разделяем точку зрения некоторых исследователей о значительном ослаблении при данном подходе именно исследовательской составляющей аспирантуры (адъюнктуры) [8, с. 38]. Напомним, что в учебном плане на научно-исследовательскую деятельность (в т.ч. практика) адъюнкта отведено 130 у.е., а на образовательную только 30 у.е. (9 из них – подготовка к кандидатским экзаменам). А её «выхолащивание», по нашему мнению определяется позицией и организацией работы с адъюнктами кафедры, на которой они выполняют диссертационное исследование.

«Квалификационный подход» к целеполаганию признает основой аспирантской подготовки организованный образовательный процесс и его результат –

подготовку компетентного специалиста, готового (по ФГОС ВО) в равной степени как к исследовательской, так и к преподавательской деятельности. По мнению исследователей, образовательные программы подготовки высшей квалификации должны быть ориентированы на подготовку специалистов для сферы научной и научно-педагогической деятельности, обеспечивать углубленное индивидуальное образование с приоритетностью научного исследования в направлениях, признаваемых в мировом научном сообществе. Эти программы должны быть направлены на освоение специфики научной, инновационной и преподавательской деятельности в конкретных областях научного знания и формирование у выпускников комплекса универсальных компетенций, необходимых для построения профессиональной карьеры [2-4].

На наш взгляд, немаловажным фактором в определении цели подготовки аспирантов и, соответственно, содержания образовательной программы аспирантуры является запрос рынка труда. Составлен рейтинг значимости рынков труда для выпускников аспирантуры [5]. На первом месте в этом рейтинге - профессорско-преподавательский состав образовательных организаций, на втором - научные сотрудники университетов и научно-исследовательских институтов, на третьем - руководители и менеджеры образовательных и научных организаций. На каждом из этих рынков востребованы значимые именно для него компетенции. Так, для рынка труда ППС наиболее значимыми являются компетенции в сфере использования приемов и технологий образовательной деятельности; в сфере научно-исследовательской деятельности; в сфере личного саморазвития; этические и коммуникативные компетенции. Для научных сотрудников: компетенции в сфере научно-исследовательской деятельности; в сфере личного саморазвития; этические и коммуникативные и информационно-технологические; в сфере экспертно-аналитической деятельности. Для рынка труда руководителей и менеджеров образовательных и научных организаций: компетенции в сфере личного саморазвития; этические, правовые, проектные и организационно-управленческие; компетенции в сфере финансовой и фандрайзинговой деятельности; коммуникативные компетенции [2].

Мы разделяем точку зрения ученых о необходимости разносторонней образовательной программы аспирантской (адъюнктской) подготовки, направленной на развитие универсальных навыков выпускников вне зависимости от научного профиля их подготовки [2; 6; 10]. Кроме того, представляется интересным опыт разработки и апробации универсально-ориентированной

образовательной программы подготовки аспирантов (адъюнктов) [6]. Решение же проблемы недостаточной ориентированности образовательных программ аспирантуры на требования значимых рынков труда возможно на путях разработки образовательных программ по профилям, которые не только соответствуют номенклатуре специальностей научных работников, но и учитывают целевую ориентацию на ключевые рынки труда и предъявляемые на них требования к компетенциям выпускников.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема разработки образовательной программы подготовки аспирантов – это практическая задача, которая решается через ясное представление о конечной цели работы аспирантуры и её ожидаемом результате. Целеполагание должно исходить из того, что уникальность аспирантуры как института заключается в ее инфраструктурности для науки, образования и бизнеса. Целью обучения адъюнкта (аспиранта) должна быть подготовка и защита кандидатской диссертации с обязательным освоением соответствующей образовательной программы по направлению подготовки кадров высшей квалификации. Исходя из цели подготовки адъюнктов (аспирантов), в числе задач коррекции образовательной программы аспирантуры назовем следующие:

- учет в процессе обучения адъюнктов (аспирантов) требований профессионального стандарта педагогического и научно-педагогического работника, отражающего структуру профессиональной деятельности преподавателя, реализующего определенные трудовые действия и функции;
- обеспечение непрерывности и интеграции исследовательской подготовки на уровнях специалитета, магистратуры и аспирантуры, исключив повторение и дублирование дисциплин и модулей из программ магистратуры и усилив формирование дополнительных компетенций, необходимых для успешного завершения научного исследования, грамотного оформления и представления его результатов;
- возможности научно-педагогического сопровождения в форме индивидуального образовательного маршрута;
- использование в полной мере потенциала сложившихся научных школ, так как обеспечить высокий уровень подготовки исследователей возможно только на базе конкурентоспособных научно-педагогических коллективов с достойным инфраструктурным и финансовым обеспечением проводимых исследований и реализацией долгосрочных и перспективных научных проектов.

Литература/ literature

1. Бедный Б.И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация) // Высшее образование в России. – 2016. – № 3. – С. 44–52. Poor B.I. K to a question of the purpose of postgraduate preparation (the thesis vs qualification)//the Higher education in Russia. – 2016. – No. 3. – Page 44-52.
2. Гвильдис Т.Ю. Опыт и результаты апробации универсально-ориентированной образовательной программы

подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Ученые записки: научно-теоретический журнал. – 2015. – № 2 (120). – С. 38-43. Gvildis T.Yu. Experience and results of approbation universal shout - ен-тированной the educational program of training of research and educational personnel in a postgraduate study//Scientific notes: scientific-theoretical magazine. – 2015. – No. 2 (120). – Page 38-43.

3. Ендольцева А.В., Тихомиров С.Н. Подготовка кадров высшей квалификации: проблемные вопросы//В сборнике: Развитие ведомственной науки в XXI веке. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ. 2013. С. 50-57. Endoltseva A.V., Tikhomirov S.N. Training of the top skills: problematic issues//In the collection: Development of departmental science in the 21st century. Collection of scientific works of the All-Russian scientific and practical conference. Volgograd: Volgograd academy MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION. 2013. Page 50-57.

4. Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ о модернизации аспирантуры, 31.03.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovetponauke.ru/info/31032016-declaration_postgraduate. The statement of Council for science at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation about modernization of a postgraduate study, 3/31/2016 [An electronic resource]. – Access mode: http://www.sovetponauke.ru/info/31032016-declaration_postgraduate.

5. Ковров В.В., Оганесян Н.Т. Проблема актуализации традиционных отечественных ценностей в современной образовательной практике//Российский научный журнал. 2013. № 7 (38). С. 145-153. Kovrov V.V., Oganesyanyan N.T. Problem of updating of traditional domestic values in modern educational practice//the Russian scientific magazine. 2013. No. 7 (38). Page 145-153.

6. Сенашенко В.С. Проблемы становления и развития аспирантуры на основе ФГОС третьего уровня высшего образования // Высшее образование в России. – 2016. – № 3 (199). – С. 33–43. Senashenko V.S. Problems of formation and development of a postgraduate study on the basis of FGOS of the third level of the higher education//the Higher education in Russia. – 2016. – No. 3 (199). – Page 33-43.

7. Тихомиров С.Н., Волченков Н.В. Опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как третьего уровня высшего образования// В сборнике: Философские исследования и современность. Сборник научных трудов. К 10-летию семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции». Москва, 2016. С. 289-296. Tikhomirov S.N., Volchenkov N.V. Experience of development and implementation of programs of training of research and educational personnel as third level of the higher education//In the collection: Philosophical researches and present. Collection of scientific works. To the 10 anniversary of a seminar “Modern philosophy: relevant ideas and tendencies”. Moscow, 2016. Page 289-296.

8. Тихомиров С.Н. Динамика и условия формирования исследовательской компетентности адъюнкта//В сборнике: Современные аспекты гуманитарного знания. материалы II Международной научно-практической конференции. Научно-информационный центр «Интернум». 2017. С. 36-50. Tikhomirov S.N. Dynamics and conditions of formation of research competence of the graduated in a military academy//In the collection: Modern aspects of humanitarian knowledge. materials II of the International scientific and practical conference. Internum scientific information center. 2017. Page 36-50.

9. Тихомиров С.Н. Современные проблемы адъюнктуры университета МВД России и возможные пути их решения// Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2016. № 1. С. 103-108. Tikhomirov S.N. Modern problems of a graduate military course of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation university and possible ways of their decision//the International magazine of psychology and pedagogics in office activity. 2016. No. 1. Page 103-108.

10. Шестак В.П., Шестак Н.В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. – 2015. – № 12. – С. 22–34. Perch of Accusative, Shestak N.V. Aspirantura as third level of the higher education: the diskursivny field//the Higher education in Russia. – 2015. – No. 12. – Page 22-34.

@ Н.Н. Гусев. 2018

Collisions in the formation of civil society in modern Russia**Коллизии в становлении гражданского общества в современной России**

Nikolay Nikolaevich Gusev,
candidate of philosophical sciences, associate
professor, associate professor in the department
of sociology and political science of the Moscow
University of the Ministry of internal Affairs of
Russia named after V. J. Kikot,

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Annotation. The article describes the specific conditions of the transition of Russian society from socialism to capitalism, affecting the formation of civil society. The collisions of the formation of civil society in Russia are considered taken together of factors that lead to the inhibition of this process and cause its permanent incompleteness.

Keywords: civil society, bourgeois society, the rule-of-law state, the “construction” of capitalism, the phenomenon of “not fully formed rule-of-law state”, the formation of an elite, a political class, “not fully formed civil” society

Аннотация. В статье дается характеристика специфических условий перехода российского общества от социализма к капитализму, влияющих на становление гражданского общества. Рассматриваются коллизии становления гражданского общества в России в совокупности факторов, которые приводят к торможению этого процесса и обуславливают его перманентную незавершенность.

Ключевые слова: гражданское общество, буржуазное общество, правовое государство, «строительство» капитализма, феномен недоправового государства, формирование элиты, политический класс, «недогражданское» общество

Для цитирования: Гусев Н.Н. Коллизии в становлении гражданского общества в современной России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 37-40.

Становление гражданского общества в истории человечества шло так называемым естественноисторическим путем, оно возникло и изменялось по собственным законам. В недрах уходящего общественного типа вызревали социально-экономические предпосылки нового, а политические революции решали вопрос о приведении в соответствие политического строя новым социально-экономическим отношениям. Иными словами, обновленное гражданское общество обуславливало необходимость взятия государственной власти и установления политического господства экономически господствующими социальными силами. Его развитие происходило и происходит не только за счет разрешения собственных внутренних противоречий, но и противоречий внешнего порядка – с государством. В определенный исторический момент обострение противоречий между государством и гражданским обществом порождало конфликт, разрешение которого приводило либо к корректировке государством гражданского общества, либо к политическому перевороту.

Этим же путем шла и Россия. Однако в силу обстоятельств объективного плана и действия субъективного фактора этот процесс вступил в фазу

разрыва непрерывности, связанную в отличие от прошлого общецивилизационного опыта с качественным преобразованием общественной системы с измененной логикой и последовательностью общественно-политических преобразований. В течение XX века Россия дважды - в 1917 и 1991 годах - оказалась в ситуации, когда был запущен процесс реализующий первенство политики над экономикой, а в более широком плане - доминирование государства над гражданским обществом. И если этот процесс был закономерен, во всяком случае, с марксистской точки зрения, основанной на констатации факта господства при капитализме частной собственности и ее социальных субъектов и необходимости при переходе к социализму ликвидации экономических основ их существования и создания соответствующей экономической базы для господства новых сил, то реверсивный переход к капитализму в России воспроизводил его, а также задачи, принципы и практику их решения в гротескном виде, определяя просто противоположный вектор направленности. Парадокс заключался в том, что в Советской России на протяжении жизни нескольких поколений не существовало частнособственнических социальных классов и групп (за исключением, так называемых

«цеховиков», обладателей криминального капитала), и начинать восстанавливать прежний социально-экономический строй можно было только «с нуля». Требовалось проявление политической воли, запускающей процесс на государственном уровне, обеспечивающем управление и контроль над ним, что вызывало необходимость завоевания государственной власти, в том числе методом ее перехвата некой инициативной группой внутри существующих структур, заинтересованной и ориентированной на соответствующие преобразования.

Таким образом, консолидация (в смысле самоорганизации и самоопределения) новой государственности в России произошло раньше, чем образовалось гражданское общество. Это непосредственным образом сказалось на их взаимоотношениях. Гражданское общество стало складываться под патронажем государства, при его прямых управляющих воздействиях.

В связи с этим исследование становления гражданского общества в нашей стране в постсоветский период предполагает постоянный учет неординарности формы самого явления, а также фактора государства и проводимой им политики преобразований, во многом обусловивших специфику и результат процесса.

Современное российское государство формировалось в ходе «глубоких социальных реформ» начала 90-х годов прошлого века, которые были по своей сути революционными и обеспечивали коренные изменения в экономической, социальной, политической, духовно-идеологической и иных сферах жизнедеятельности общества. В этих условиях оно изначально было классово и идеологически ориентированным.

В связи с тем, что формирующийся новый политический класс, и прежде всего его лидеры имели лишь общее представление о сути предстоящих перемен, а полученное ими образование базировалось на догматической трактовке основных идей и критике капитализма в марксизме, проводимая ими политическая линия сводилась к вульгарному антимарксизму и антикоммунизму приравниваемых в идеологии к либерализму и практике революционной целесообразности, заимствованной из прошлого.

Это означало, что государственные структуры закономерно преобразовывались и создавались на основе преодоления прежней политической идеологии и отказа от принципов советского государственного строительства, что предполагало проведение «чистки» государственного аппарата и создания условий для возникновения корпоративной группы нового чиновничества.

Одновременно в связи с отсутствием на начальном этапе реальной адекватной социальной базы буржуазного государства само государство, позиционируя себя как капиталистическое, делало ставку на создание класса буржуазии и инициативу масс в сфере предпринимательства. Получилось, что новая

власть действовала по-старому, только вместо организации строительства социализма занялась «строительством» капитализма. Соответственно в отношении гражданского общества было бы правильно употреблять термин «формирование», содержательно включающий сознательную целенаправленную деятельность, а не «становление», более связанный с объективно обусловленным процессом.

Проблема сущности и генезиса гражданского общества не была проработана в теоретическом плане с учетом российской специфики, реализовывались скорее идеологические установки на искоренения всего социалистического, советского и создание общества по принимаемым за некий идеал западным образцам. На практике же решался вопрос о создании гражданского общества как общества буржуазного в прямом значении немецкого термина «bürgerliche Gesellschaft», употребленного в свое время Гегелем и Марксом.

Приобретенная власть и личные мотивации тогдашнего руководства России обусловили создание экономических предпосылок и факторов становления гражданского общества. К ним относятся, прежде всего, следующие: возрождение частной собственности на средства производства на основе приватизации государственной собственности и реализация свободы в экономике как свободы предпринимательства в классическом либеральном варианте (т.е. первоначально в виде преимущественно реализуемой свободы торговли); фактически мгновенное, с точки зрения сопоставимого исторического опыта, создание рынка (при отсутствии производства достаточной товарной массы образование рынков рабочей силы (безработные), услуг и ценных бумаг); макроэкономическая управленческая пассивность, основанная на уверенности, что рынок все регулирует; ускоренный процесс накопления первичного капитала на основе приватизации государственной собственности и ее перераспределения с использованием методов конкурентной борьбы и криминального самозахвата; «шоковая терапия» для населения как средство заставить проявлять инициативу, будучи поставленным на грань выживания и др.

Вместе с тем, первично главной целью «строительство» капитализма имело «уничтожение коммунизма» и не предполагало постепенного складывания класса собственников-предпринимателей. Как отмечал известный российский государственный деятель того периода А.Б. Чубайс, выбор был сделан в пользу «бандитского капитализма».

Один из разработчиков политики «шоковой терапии» в нашей стране, бывший руководителем группы экономических советников президента России Б.Н. Ельцина, Джеффри Сакс так охарактеризовал политику того времени: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капита-

лизме: они сочли, что дело государства - служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, преднамеренная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широко-масштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».¹

Становление новой российской государственности, рождения нового гражданского общества и образования высшего класса представляли триединый процесс, в котором ведущую роль играли социальная дифференциация и стратификация, опирающиеся на инициативы и поддержку государства в лице консолидированного ядра политических лидеров и высшего чиновничества.

Правящая политическая элита и чиновничество, иницируя и руководя процессами либеральных преобразований, не смогли избежать соблазна активного участия в процессах связанных с открывшимися возможностями личного обогащения и приобщения к нарождающемуся экономически и социально господствующему классу. При этом ими использовались преференции, связанные с политическим господством и соответствующими возможностями в приватизации, распределении собственности и перераспределении доходов. Заинтересованность политического класса состояла в том, чтобы получить большой простор не только для управления обществом на основе права, обеспечивающего приоритетную реализацию его интересов, но и для неправового регулирования общественных процессов связанных с рождением гражданского общества, в котором было бы обеспечено место и его представителям, что противоречит сути самого гражданского общества. Поэтому политико-правовая практика 90-х годов XX века в России породила феномен «недоправового» государства, тормозящего становление гражданского общества. Его черты – не только отсутствие развитой правовой системы и постоянная коррупционная эрозия аппарата, но и девиации в правоприменении и судопроизводстве. Получилось, что изначально самим государством закладывалась собственная коррупционная составляющая, которая юридически не являлась таковой ввиду отсутствия соответствующих правовых норм. Вместе с тем, в правосознании масс это квалифицировалось как коррупция и, наряду с бюрократизмом, привело к низкому уровню доверия населения к ветвям государственной власти. Возникшие проблемы усугублялись массовым негативным опытом проявления инициативы «снизу» как в сфере предпринимательства, так и политики и упорядочения жизни на местах, что связано не только с объективными обстоятельствами, складывающейся конъюнктурой рынка, экономическим кризисом, дефолтом и т.п., но и с сопротивлением чиновничества, которому гражданское общество представлялось как помеха для реализации собственных личных и корпоративных интересов.

Отмеченные процессы не могли не привести к сращиванию экономической и политической элит на базе взаимосвязи и взаимообусловленности власти политической и экономической. Первично этот процесс затрагивает высшие эшелоны власти в сочетании с попытками ограничить поползновения чиновничества среднего уровня воспроизвести взаимоотношения высших слоев. Затем процесс пронизывает всю систему взаимодействия политико-управленческой и экономической сфер общества. При этом в условиях отсутствия достаточных объективных ресурсов, за исключением ресурсов власти и при наличии мотивации к наживе и перераспределению богатств, он неизбежно приобрел девиантные формы в виде коррупции, связи с криминалом.

Сращивание экономической и политической элит проявлялось многопланово: в ведении диалога крупного бизнеса (олигархи) и власти, создании законодательства с «дырами» для оффшоров и фирм-однодневок, сохранении коллизий права частной собственности, ликвидации государственной монополии на природные ресурсы, в росте цен на бензин на внутреннем рынке в условиях падения цены на нефть на рынке мировом, в отказе от пересмотра итогов приватизации в стране, создании холдингов под патронажем чиновников, в установке запрещающей «кошмарить» бизнес (проверками, контролем качества) при отсутствии запрета бизнесу «кошмарить» потребителя и т. п. Создан комплекс специальных защитительных мер для представителей высшего класса: установлена необязательность труда как свобода от обязанности перед обществом приносить общую пользу, что привело к возникновению описанного когда-то Вебленом Торстейном, праздного класса,² произведена либерализация Уголовного кодекса, повышающая пороги ответственности по отдельным видам экономических преступлений, а часть из них исключена из УК и отнесена к административным правонарушениям, применяется отработанная еще в советское время практика кадрового маневра, - переназначение номенклатурных управленцев на руководящие должности в других сферах деятельности и др.

Конечно, проблемы в формировании гражданского общества, сдерживающие его самоопределение, неизбежно приведут к еще большим негативным последствиям для общества в целом, в том числе и в отношении к власти. Обращает на себя внимание тот факт, что многое в современной России в этом ключе воспроизводит советский опыт.

Для сохранения общественно-политической стабильности требуется использовать некие компенсаторные факторы «недоправового» государства и «недогражданского» (не полностью оформившегося) общества. Они должны минимизировать конфликты и их негативные последствия в непосредственно проблемных сферах и быть максимально представлены в прилегающих к ним областях жизнедеятельности социума. К ним могут быть отнесены следующие

достаточно известные факторы: переориентация массового сознания с внутренних проблем общества на внешнюю политику; ведение небольших победоносных войн; создание в стране чувства единого военного лагеря в условиях враждебного окружения; создание образа врага как внешнего, так и внутреннего (образование массовых организаций поддержки государственной политики в виде народных фронтов и т.п.); декларирование государством масштабной борьбы с коррупцией и ее ведение под контролем чиновничества как группы риска; создание эффекта перегруженности массового сознания избыточной и не необходимой информацией во всех сферах жизнедеятельности, перенос внимания с социально-экономических и управленческих проблем на проблемы в сфере культуры, спорте и т.п.; провоцирование пассивности масс и ее возведение в ранг особенностей, объясняемых национальным менталитетом; проведение общественных конкурсов, референдумов, опросов общественного мнения по второстепенным вопросам с тиражируемыми результатами; балансирование состояниями уверенности и неуверенности в социальном положении слоев и групп населения и т.д. Совокупными результатами четвертьвековой

практики формирования гражданского общества являются разнонаправленные процессы и состояния социальных субъектов, среди которых гипертрофированно увеличенный низший класс, незначительный средний класс, наличие праздного класса, низкая предпринимательская активность населения; ориентированность молодежи на государственную службу и получение образования не связанного со сферой производства и гарантирующего высокий социальный статус; низкий уровень противодействия произволу чиновников; высокая политическая сплоченность населения по отношению к внешнеполитическим угрозам; разобщенность населения как результат усложнившейся межгрупповой и межличностной коммуникации в условиях развития конкуренции.

Все рассмотренные выше проблемы, составляющие суть коллизий становления гражданского общества в России, не смотря на последовавшую в последнее десятилетие структурирование гражданского общества, а также, огромную работу по созданию правовой базы, регулирующей деятельность государства, борьбу с коррупцией, остаются в стране и сегодня.

¹Цит. по: Интервью с Джеффри Саксом, 15 июня 2000 года.

<https://pandoraopen.ru/2017-08-06/chubajs-celyu-privatizacii-bylo-unichtozhenie-kommunizma/>

² См., подробно: Торстейн Бунде Веблен Теория праздного класса. М., 2016. - 368с.

@ А.Л. Золкин. 2018

Russian civilization in the Eurasian cultural space

Российская цивилизация в евразийском культурном пространстве

Andrey Lvovich Zolkin,
a professor for the department of philosophy of
Moscow University of the MIA of Russia named
after V. Y. Kikotdoctor of philosophical sciences,
associate Professor

Андрей Львович Золкин,
профессор кафедры философии
Московский университет МВД России им. В.Я.
Кикотя, доктор философских наук, доцент
E-mail: az20042004@mail.ru

Annotation. The article considers the problem of civilizational sovereignty of Russia, the possibilities of development of Russia in the Eurasian cultural space.

Keywords: civilization, culture, sovereignty, cultural space, eurasianism, geopolitics

Аннотация. В статье рассматривается проблема цивилизационного суверенитета России, анализируются возможности развития России в евразийском культурном пространстве.

Ключевые слова: цивилизация, культура, суверенитет, культурное пространство, евразийство, геополитика

Для цитирования: Золкин А.Л. Российская цивилизация в евразийском культурном пространстве. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 41-44.

Традиционная для русской философии полемика славянофилов и западников в настоящее время претерпела существенные изменения. Если прежде речь шла лишь о самоопределении России по отношению к Западу как к лидеру мирового развития, то в настоящее время актуальность приобрел поиск полноценной культурной альтернативы западному универсализму. Эта альтернатива связана с осмыслением идеи цивилизационного суверенитета России и культурного потенциала евразийского пути развития.

Для отстаивания идеи цивилизационного суверенитета России необходимо осознать, что европейская культура не представляет собой универсальную культуру всего человечества, она есть создание ограниченной группы народов, имевших специфическую историю¹. Европейская культура ничем не совершеннее, не «выше» всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо «высших» и «низших» культур и народов вообще нет, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга.

Идея цивилизационного суверенитета основана на признании принципа свободы общества следовать своим историческим путем в любом направлении и создавать любые социально-политические и социокультурные формы²; на отвержении всех форм расизма, в том числе расизма культурного, экономического, технологического, цивилизационного; на признании множественности высших жизненных ценностей, покушение на которые должно повлечь за собой санкции всех политических и стратегических инстанций, признающих многополярный миропорядок. Идея цивилизационного суверенитета подразумевает признание особой роли России в мировом историческом процессе, а отечественная культура в единстве ее религиозных

и светских аспектов имеет значение базовой ценности для российской цивилизации³.

Современная идеология цивилизационного суверенитета должна отбросить веру в универсальность и исключительность западных ценностей, в то, что западные общества прошли в своей истории единственно возможный путь, который предстоит пройти всем остальным странам⁴. Надо отказаться от идеи, что люди всех культур, религий, цивилизаций и этносов управляются теми же антропологическими мотивами как люди Запада. Следует также пересмотреть идею безусловного превосходства капитализма над другими социально-политическими формациями, а также идею того, что либеральная демократия является единственно приемлемой формой политической организации общества. Евразийский культурный контекст отвергает веру в индивидуальную свободу и индивидуальную идентичность как высшие ценности человеческого бытия, а значит, отвергает и веру в либерализм как в исторически неизбежную идеологию.

Многополярность грядущего мироустройства предполагает глубокое осознание определенной асимметрии в развитии цивилизаций, исключающее возникновение различных форм цивилизационного расизма. Путь к культурному единству человечества в среднесрочной перспективе может мыслиться только через диалог цивилизаций, а не через распространение западноевропейских культурных принципов на все человечество.

Тема евразийского культурного пространства была поставлена крупными русскими учеными П.Н. Савицким, Г.В. Флоровским, П.П. Сувчинским, Н.С. Трубец-

ким в сборнике «Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», вышедшем в Софии в 1921 году.

Главное в истории России и в специфике русского национального духа евразийцы видели в объединении европейского и азиатского начал. Россия, по их мнению, представляет собой «особый мир», она – не Европа и не Азия, а Евразия, поэтому ее развитие есть результат, итог и путь специфического исторического и культурного синтеза, породившего «серединную», евразийскую культуру.

Россия, в глазах евразийцев, есть особый, совершенно уникальный культурно-исторический и политико-экономический мир. Настаивая на идее полицентричности культур, они отрицали всеобщий характер исторического развития, отвергали идею общечеловеческих ценностей. В частности, Н.С. Трубецкой подчеркивал, что те ценности, которые Запад выдает за общечеловеческие – суть западные, «романо-германские» ценности, а общечеловеческая культура есть всего-навсего романо-германская культура, которую Запад всеми силами старается внедрить во все остальные национально-государственные образования.

Россия не исключение. Петр I начал дело предельного нивелирования национальной самобытности, подгоняя ее под романо-германские стандарты. России же никогда никого не нужно было «догонять», нужно было стремиться быть «самой собой», а это – непросто. Россия во многом не смогла это осуществить, за что поплатилась революцией. Ибо революция есть факт, доказавший гибельность разрыва между верхами и низами российского общества. Вестернизированные верхи так и не смогли стать подлинными европейцами, зато для народа оказались совершенно чужими и чуждыми. Революция, полагали евразийцы, началась не в 1917 г., а по крайней мере с эпохи Петра I. «Как умысел, – писал П.Н. Савицкий, – русская революция есть осуществление прилагаемого к России европейского «просветительства-обличительства»⁵.

Исторически сложилось так, что Россия выполняет роль цивилизации посредника между Востоком и Западом, между Югом и Западом в мире, структурированном именно Западом. В результате, модель поведения русского человека оказывается скрытой, поскольку воспринимается как недоразвитая западная модель. В силу этого обстоятельства и основные установки сознания русского человека существенно отличаются от установок человека западной культуры, несмотря на то, что культура во многом считается общей.

Первой из предпосылок этого вывода является наличие в сугубо российской иерархии мира людей отдельного структурного уровня, которую С.Б. Переслегин называет доменом. Данное решение не может, разумеется, рассматриваться как окончательное, однако оно представляет собой попытку осмыслить феномен, который славянофилы связывали с общинностью. Причем, если община есть феномен конкретно-исторический, то домен – есть теоретический конструкт.

«Домен, – отмечает Переслегин, – представляет собой группу людей численностью обычно 10–20 человек, идущих по жизни как единое целое. Домен всегда имеет лидера, разумеется, неформального, и вся структура домена выстраивается через взаимодействие с лидером. Интересно, что связи внутри домена не носят национальной, религиозной, родовой, групповой, семейной окраски. Вернее, каждый человек связан с лидером (и с другими членами домена) по-разному: для каждой конкретной пары можно указать природу связующей силы, но придумать единое правило для всего домена невозможно. В отличие от кланов домены динамически неустойчивы: они живут ровно одно поколение».⁶

Идентичность домена является скрытой, поэтому его существование можно установить только тонкими косвенными исследованиями. Именно доменной структуре русский этнос обязан своей эластичностью, способностью быстро восстанавливаться, высоким потенциалом социокультурной восприимчивости и коммуникации.

Второй важнейшей особенностью России является трансцендентный характер русской культуры. Евроатлантическая цивилизация сначала связывает мир людей с миром вещей через рациональную деятельность, а затем мир вещей с миром идей. Для русской культуры характерно первичное связывание мира людей с миром идей через информационную деятельность, а затем с миром вещей.

Поскольку различия носят скрытый характер, то Россию можно воспринять как «неправильный Запад» и приступить к исправлению ошибок. Однако исправить ошибки, вытекающие из асимметрии цивилизационной парадигмы, практически невозможно, поскольку при любых операциях с русским социумом будет восстанавливаться доменная структура общества и трансцендентный характер его существования.

В своем главном сочинении «Россия и Европа» (1869) Н.Я. Данилевский выдвинул идею существования «культурно-исторических типов», которые в ходе истории, подобно живым организмам, находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с окружающей природной средой. Они проходят те же стадии, что и биологические особи, – зарождения, расцвета и гибели, сохраняя свою неповторимую индивидуальность и проявляя себя с разной степенью зрелости в четырех сферах: религиозной, собственно культурной, политической и общественно-экономической. Н.Я. Данилевский выдвинул свою теорию структуры и динамики культурно-исторических типов для того, чтобы рассмотреть более узкую проблему взаимоотношений Восток (Россия) – Запад (Европа). Неоднозначность этих отношений отражена в следующих словах ученого: «Европа видит в России и славянстве не только чуждую, но и враждебную силу...»⁷.

Он утверждал, что рациональных оснований для подобной враждебности не существует: Россия никогда не нападала на Европу, которая в свою очередь неоднократно вторгалась в Россию. Реальную причину

возникновения указанного антагонизма ученый видел в том, что Россия и Европа принадлежат к различным культурно-историческим типам.

На наш взгляд, проблема заключается не просто в различии культурно-исторических типов, маркируемых, в частности, религией. Различие заключается в том, что российская и западноевропейская культура имеют различную семиотическую природу. В силу этого, природу евразийского культурного пространства следует искать не в усилении внимания к восточным влияниям на русскую культуру, а в обнаружении значимых различий в отношении к миру в российской и западноевропейской культурах.

Ю.М. Лотман указывал, что освоение мира путем превращения его в текст, «культуризация» его в принципе допускает два противоположных подхода⁸. Первый подход исходит из того, что мир является текстом. Он представляет собой осмысленное сообщение. Культурное освоение мира человеком — изучение его языка, дешифровка этого текста, перевод его на доступный человеку язык. Второй подход предполагает, что мир — не текст. Он не имеет смысла. Соответственно и культуризация заключается в придании миру структуры культуры. Таков кантианский взгляд на соотношение мысли и действительности. В ином отношении аналогичны концепции культурного освоения «варварского» мира путем внесения в него структуры цивилизации (освоение ойкумены — культурное греками, военно-государственное — Римом, религиозное — христианством). В этом случае мы имеем дело не с переводом текста, а с превращением не-текста в текст.

Второй подход к миру характерен для западноевропейской цивилизации. В этом подходе один из истоков западноевропейского колониализма и неоколониализма. Разумеется, в западной культуре, в частности, в средневековой, барочной и романтической культурах мы можем видеть и первый подход. Но именно второй подход характеризует стратегические устремления западной культуры. Характерно, что Мартин Хайдеггер в поздний период своей деятельности занимался деконструкцией западной философской традиции, которую называл метафизикой, а также учил «прислушиваться» к бытию через особый образ интерпретированную романтическую и постромантическую поэзию и досократическую философию.

Подлинное философствование, полагал Хайдеггер, должно упразднить все возможные способы мыслить сущее вне его бытийных основ, а это значит, что необходимо упразднить господство субъекта в познании и культуре и, следовательно, саму антропологическую стратегию, на которую с эпохи Декарта опирается традиция классической метафизики. Если новая антропология и возможна, то по другую сторону от метафизической традиции представления человека в качестве универсального образа и срединной меры бытия сущего. Поскольку тогда сущим оказывается то, что постигается, исходя из субъекта; в нем оно собирается, обнаруживает себя и сосредотачивается. «И если мир становится образом, — утверждает Хайдеггер, — то это

значит, что сущее в его целокупности полагается, как нечто такое, с чем сообразуется человек и что он хочет поэтому иметь перед собою и поставить перед собою и, тем самым решительно пред-поставить перед собою. ... Когда дело доходит до образа мира, выпадает существенное решение о сущем в целом. Бытие сущего начинают тогда искать и находить в представленности сущего»⁹.

Такое миропонимание делает мерилем сущего человека, а новоевропейская наука, вобравшая в себя дух гуманизма, превращает мир в картину и делает ее предметом покорения. Научно-техническое отчуждение, вытекающее из обращения мира в картину, предстает глобально-человеческим феноменом, чреватым гигантоманией, стремлением манипулировать действительностью во всех ее проявлениях. Однако человек, утверждает Хайдеггер, отнюдь не предназначен к реализации своей субъективности в деле покорения действительности. «Человек, — пишет философ, — не господин сущего. Человек пастух бытия»¹⁰.

Сегодня пути цивилизационного и культурного развития Запада и России начинают расходиться. Различия фиксируются даже не на уровне политического и экономического развития, а на философском уровне понимания бытия. Абстрактные построения, созданные на основе обобщения локального исторического опыта, при попытке применения в другой системе исторических координат приводят лишь к крушению социально-политической системы, к хаосу, нигилизму и разочарованию.

Первый подход к миру как к тексту и есть евразийский подход к культуре. Доказательством может служить тот факт, что Россия сохранила в своем составе множество народов, их этнические и культурные традиции. Таким образом, Россия относилась к «мирам» этих народов как к текстам, которые имеют свой смысл. Россия и к Европе относится как к тексту, пытается понять его смысл уже несколько столетий, не замечая того, что Европа относится к России как к не-тексту по преимуществу. В этой асимметрии заключается одна из причин той враждебности Европы к России, о которой писал еще Н.Я. Данилевский как о загадочном, необъяснимом феномене. Но самое парадоксальное заключается в том, что и сама Россия под влиянием западной идеологии сама к себе перестала относиться как к тексту, считая себя не-текстом, подлежащим культурной колонизации со стороны европейских смыслов.

Таким образом, фундаментальная проблема заключается в том, что Россия стремится построить культуру, которая противоречит цивилизационным основаниям ее существования. Непонимание цивилизационных особенностей развития России, идеализация западноевропейских политико-правовых институтов приводит ко многим странностям российского нигилизма. Русская интеллигенция начинает отрицать собственную государственность, поскольку не понимает ее реальности. В частности, российская государственность и правовая традиция реальны в том смысле, что имеют свои исторические особенности сравнительно с запад-

ноевропейской политико-правовой и культурной традицией.

Эти особенности во многом определяются цивилизационной парадигмой. Необходимо «расчистить» российскую цивилизацию от наслоений западной культурной метафизики, порожденной ее колонизаторской семиотикой.

С геополитической точки зрения, в основе асимметрии российской и западной цивилизаций лежит глобальный дуализм, а именно дуализм «цивилизаций Суши» и «цивилизаций Моря». Геополитическое соперничество сегодня также воспринимается как следствие своего рода «географической судьбы». Но проблема заключается не просто в особенностях исторического и культурного различия, а также географического положения.

Ситуация выглядит сложнее, поскольку то, что сегодня называют европейскими ценностями в своей основе не является историческими и культурными ценностями Европы. Эти ценности представляют собой философски универсализированные ценности «цивилизаций Моря», которые не соответствуют культурной эволюции той Европы, которую можно отнести к «цивилизации Суши». Принадлежность к «цивилизации Моря» определяется не наличием флота, а определенной установкой «с точки зрения Моря», то-есть стрем-

лением видеть мир «глазами Моря». Море же отличается от Суши рядом параметров, и в первую очередь, большей степенью отчуждения. Человек, который находится в море, пребывает в чуждой ему среде. Животные, которые живут в море, не подлежат приручению, в то время как животные, которые находятся на суше, становятся домашними.¹¹

Морские цивилизации, как правило, имеют торговый характер, они динамичны, расчетливы, изобретательны, предприимчивы, но «беспочвенны» и в целом прагматичны и беспринципны. Цивилизации суши развиваются медленнее, они иерархичны, традиционны, их этика защищает верность, жертвенность, активный подвиг. Понимание подобных различий является основой цивилизационного развития страны в евразийском культурном пространстве. Проблема развития в евразийском культурном пространстве заключается не в абстрактном противопоставлении России Европе, и даже не в переориентации на Восток, а в осознании цивилизационной асимметрии, которая не преодолевается слепым копированием образа жизни и ценностей морских цивилизаций. «Особый» путь развития все равно придется искать, для того, чтобы компенсировать слабые стороны «цивилизации Суши», не потеряв ее сильные стороны.

¹ Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016. С. 877–903.

² Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке // Философские исследования и современность: Вып. 6. М., 2017. С. 323–351.

³ Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016. С. 837–854.

⁴ Кризис как фактор социального развития: история и современность // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016. С. 855–876.

⁵ Савицкий П.Н. Два мира // На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2. Берлин, 1922. С.17.

⁶ Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., СПб., 2007. С. 126.

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 52.

⁸ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. 2010. С.399.

⁹ Хайдеггер М. Время картины мира // Работы и размышления разных лет. М., 1993. С.147.

¹⁰ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993. С.328.

¹¹ Дугин А.Г. Логос и мифос. М., 2010. С.160.

@ P.C. Kalenik. 2018

Health-saving technologies and health saving of pedagogical employees of educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia

Здоровьесберегающие технологии и здоровье-сбережение педагогических работников образовательных организаций МВД России

R.S. Kalenik,

Vladivostok branch of Dal'nevostochnyy Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Post-Graduate of the Chair of Pedagogy educational and scientific complex of psychology performance of the of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Kikot

Роман Станиславович Каленик,

Владивостокский филиал ДВЮИ МВД России, г. Владивосток, адъюнкт кафедры педагогики УНК ПСД МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. In article the technique, the main stages and results of the experienced and experimental work on forming which is carried out by the author at pedagogical employees of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs system of Russia of competences of a health-saving are described.

Keywords: Health-saving, valueology, healthy lifestyle, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pedagogical workers, organizational and pedagogical maintenance, health saving environment, health saving technologies

Аннотация. В статье описаны техника, главные стадии и результаты опытной и экспериментальной работы над формированием, которое выполнено автором в педагогических сотрудниках учебных заведений Министерства системы Внутренних дел России знаний экономики здоровья.

Ключевые слова: экономия здоровья, здоровый образ жизни, учебные заведения Министерства Внутренних дел России, педагогических рабочих, организационного и педагогического обслуживания, медицинской окружающей среды сохраняющего, медицинских технологий экономики

Для цитирования: Каленик Р.С. Здоровьесберегающие технологии и здоровье-сбережение педагогических работников образовательных организаций МВД России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 45-47.

В последние годы в педагогической литературе стало много говорить о здоровьесберегающих технологиях, появляются авторские программы и проекты по их формированию и внедрению в образовательную среду, однако, при этом не сформирован какой-либо общий подход к содержанию данного понятия.

В частности, О.Р. Кокорина связывает здоровьесберегающие технологии с решением узких здоровьесохранительных задач. К здоровьесберегающим технологиям, по её мнению, относятся педагогические приемы, методы, технологии, которые не наносят прямого или косвенного вреда здоровью учащихся и педагогов и обеспечивают им безопасные условия пребывания, обучения и работы в образовательном учреждении [4, с. 32, 41-48]. Ковров В.В. предлагает трактовать психолого-педагогические технологи, программы, методы, которые направлены на воспитание у учащихся культуры здоровья, личностных качеств, способствующих его сохранению и укреплению, формирование представления о здоровье как ценности, мотивацию на ведение здорового образа жизни не только как здоровьесформирующие

образовательные технологии, но и образовательные технологии, обеспечивающие психолого-педагогическую безопасность в образовательной организации [2, с. . 86-91].

Н.В. Седых в своем исследовании также установила, что разработанные педагогические технологии, направленные на формирование основ здорового образа жизни школьников, дифференцируются по двум взаимосвязанным и взаимообусловленным направлениям – здоровьесберегающему и здоровьесформирующему [6, с. 19].

По мнению В.Д. Сонькина, под здоровьесберегающими технологиями следует понимать комплекс взаимодействия следующих факторов: условия обучения в школе (отсутствие стресса, адекватность требований, методик обучения и воспитания), рациональная организация учебного процесса, соответствие учебной и физической нагрузки возрастным особенностям ребенка, необходимый, достаточный и рационально организованный двигательный режим [8, с. 17].

А.И. Зарипова предлагает понимание здоровьесберегающей технологии как комплекса техно-

логического обеспечения социокультурной готовности, которая понимается как интегральная качественная характеристика среды жизнедеятельности населения, основывающаяся на экономическом развитии региона, его экологическом состоянии, климатогеографических и медико-демографических особенностях, развитии физической культуры. В свою очередь, по мнению данного автора, здоровьесформирующая технология – это комплекс технологического обеспечения биосоциальной готовности личности к развитию физической культуры, который понимается как интегральная качественная характеристика личности, проявляющаяся через состояние общественного здоровья (уровень и характер заболеваемости), физического здоровья (физическое развитие, функциональное состояние систем организма, физическая работоспособность и подготовленность) и мотивации к здоровому образу жизни и двигательной активности [1, с. 54-55].

Ю.В. Кобяков в своем исследовании использует сходное рассматриваемому нами понятию – «здоровьеразвивающая технология». По мнению автора, здоровьеразвивающая технология физического воспитания – это модель совместной педагогической деятельности педагога и обучающегося по проектированию, организации и реализации индивидуального режима двигательной активности обучающегося, опирающаяся на сопутствующие технологии, междисциплинарный подход, направленная на профилактику заболеваний, укрепление, развитие и совершенствование здоровья [3, с. 31].

В этой связи интересно определение здоровьесберегающей деятельности, предложенное С.Н. Тихомировым, в котором оно описывается как: «деятельность, которая направлена на сохранение и упрочение здоровья участников образовательного процесса, на формирование здорового образа жизни обучающихся и всего коллектива), на создание здоровьесберегающего пространства образовательной организации», т.е. деятельность, направленная на создание оптимальных условий для сохранения, укрепления и формирования здоровья всех участников образовательного процесса в образовательном учреждении. Важно, что этим автором описаны и ситуации профессиональных заболеваний и расстройств педагогических работников [9, с. 115, гл. 7].

Такое разнообразие мнений и подходов к понятию «здоровьесберегающая технология», на наш взгляд, объясняется неоднозначным пониманием в социо-гуманитарной среде самого термина «технология», который заимствован из сферы точных наук.

Таким образом, изначально данный термин подразумевает информацию о деятельности, необходимую для достижения определенного результата, т.е. совокупность взаимосвязанных методов, способов, приемов предметной деятельности [7]. В этой связи не верными представляются приведенные выше трактовки здоровьесберегающей технологии как среды (Зарипова А.И., Тихомиров С.Н.) или усло-

вий деятельности (Сонькин В.Д.), что подтверждается изучением энциклопедической литературы [1, 9, 8]. Нормативное определение данного термина содержится в Указе Президента РФ от 20.08.2007 г. № 1083: технология – это специальная информация, необходимая для разработки, производства или использования контролируемой продукции [10].

Энциклопедический словарь по психологии и педагогике определяет термин «технология» как применение открытий, процедур и принципов систематического исследования для выявления и решения проблем. В педагогике под технологией в узком смысле понимается совокупность (система) правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности, а в широком смысле – сфера целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.) [5].

Итак, проведенный анализ, приводит нас к выводу, что под здоровьесберегающими технологиями в рамках предмета нашего исследования следует понимать информационную модель деятельности в сфере сохранения физического, психологического, социального и морально-нравственного здоровья педагогических работников системы МВД России.

Субъектами такой деятельности могут выступать, во-первых, сами педагоги (при условии усвоения и мотивированного восприятия данной информации), а, во-вторых, должностные лица отделов по работе с личным составом, учебно-методических подразделений, лица, ответственные за проведение профессиональной служебной и физической подготовки др.

Во втором случае мы будем вести речь об организационно-педагогическом сопровождении здоровьесберегающих технологий (здоровьесберегающей деятельности). Деятельность данных субъектов осуществляется в рамках специфической среды образовательных учреждений системы МВД России (во многом детерминируется этой средой). При этом, мы полагаем, что вышеназванная здоровьесберегающая среда представляет собой комплекс внешних условий, содействующих сохранению физического, психологического, социального и морально-нравственного здоровья участников учебного процесса, в том числе, педагогов. Данный комплекс можно представить, как сочетание социальных (управленческих, организационных, оздоровительных, психологических и т.д.), экологических (санитарно-гигиенических) и материально-технических условий.

Системная реализация здоровьесберегающего аспекта образовательного процесса требует осуществления комплексного организационно-педагогического сопровождения, предполагает взаимодействие всех служб и подразделений (тыловых, кадровых, медицинских, методических и т.д.), при координирующей роли руководства образовательного учреждения [2, с. 87-89].

Таким образом, основными направлениями организационно-педагогического сопровождения формирования условий здоровьесбережения педагогических работников образовательных организаций МВД России являются: информационно-методическое (внедрение здоровьесберегающих технологий); программное (программа формирования здоровьесберегающей среды).

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Зарипова А.И. Комплексное организационно-педагогическое сопровождение формирования здоровьесберегающей среды школы: дисс. ... канд. пед. наук., Уфа, 2011. Zaripova A.I. Comprehensive organizational and pedagogical support of formation of the health saving environment of school: yew. ... edging. пед. sciences., Ufa, 2011.
2. Ковров В.В. Технологический подход в организации процесса воспитания в школе// Научные исследования и образование. 2016. № 4 (24). С. 86-91. Kovrov V.V. Technological approach in the organization of process of education at school//Scientific research and education. 2016. No. 4 (24). Page 86-91.
3. Кобяков Ю.П. Проектирование и реализация здоровьесберегающей технологии физического воспитания студентов вузов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. Kobyakov Yu.P. Design and realization of health saving technology of physical training of students of higher education institutions: автореф. yew.... Dr.s пед. sciences. М, 2006.
4. Кокорина О.Р. Здоровьесбережение личности в условиях высшего педагогического образования: дисс. ... док. пед. наук. М., 2012. Kokorina O.R. Health-saving of the personality in the conditions of the higher pedagogical education: yew. ... dock. пед. sciences. М, 2012.
5. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://dic.academic.ru>. The encyclopedic dictionary on psychology and pedagogics. 2013. [electronic resource] / access Mode: <http://dic.academic.ru>.
6. Седых Н.В. Педагогическая система формирования основ здорового образа жизни детей в дошкольных образовательных учреждениях: автореф. дис... д-ра пед. наук. Волгоград, 2006. Gray-haired N.V. The pedagogical system of formation of bases of a healthy lifestyle of children in preschool educational institutions: автореф. yew... Dr.s пед. sciences. Volgograd, 2006.
7. Смирнов Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. М., 2006. Smirnov N.K. Health saving educational technologies and psychology of health at school. М, 2006.
8. Сонькин В.Д. Мониторинг эксперимента (библиотека модернизации образования). М., 2003. Sonkin V. D. Monitoring of an experiment (library of modernization of education). М, 2003.
9. Тихомиров С.Н. Введение в педагогическую деятельность: курс лекций / Москва, 2016 Tikhomirov S.N. Introduction to pedagogical activity: course of lectures / Moscow, 2016
10. Указ Президента РФ от 20.08.2007 г. № 1083 «Об утверждении Списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю» // Собрание законодательства РФ. 27.08.2007. № 35. ст. 4288. The decree of the Russian President from 8/20/2007 of No. 1083 "About the approval of the List of the microorganisms, toxins, the equipment and technologies which are subject to export control"//the Collection of the legislation of the Russian Federation. 8/27/2007. No. 35. Art. 4288.

@ В.В. Кафтан. 2018

Spiritual-value choice in the context of the «conflict of civilizations»

Духовно-ценностный выбор в условиях «конфликта цивилизаций»

Vitaliy Viktorovich Kaftan,
Doctor of philosophy, associate professor,
professor of political science at the Department of
Financial University under the Government of the
Russian Federation

Виталий Викторович Кафтан,
профессор департамента политологии, доктор
философских наук, доцент Финансовый уни-
верситет при Правительстве РФ

Annotation. Spiritual-value choice occupies a special place in the election of civilizational identity and self-determination of a person. Spiritually-value choice based is free, responsible and decisive choose from several alternatives of an ideally based course of action, based on moral, moral qualities, ideals and persuasion of the individual. To humanity today are recommended two directions of civilizational development, which can be conditionally represented in the form of a utopian reality: the consumer society proposed by the Western value system and imposed by religious extremists and Nazis of all stripes is a society of fear and violence. New value guidelines are formed under the influence of socio-communicative technologies.

Keywords: civilization, values, value system, spiritual-value choice, social-communicative technologies, soft power, cultural imprinting, consciousness war, value inversion

Аннотация. Духовно-ценностный выбор занимает особое место в избрании цивилизационной идентичности и самоопределении человека. Такого рода выбор представляет собой свободное, ответственное и решительное избрание из нескольких альтернатив идеально обоснованного варианта действий, основанное на морально-нравственных качествах, идеалах и убеждения личности. Сегодня человечеству настоятельно рекомендуется два направления цивилизационного развития, которые условно можно представить в виде утопической реальности: предлагаемое западной ценностной системой – общество потребления и навязываемое религиозными экстремистами и нацистами всех мастей – общество страха и насилия. Новые ценностные ориентиры формируются под влиянием социально-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: цивилизация, ценности, система ценностей, духовно-ценностный выбор, социально-коммуникативные технологии, мягкая сила, культурный импринтинг, концентриальная война, ценностная инверсия

Для цитирования. Кафтан В.В. Духовно-ценностный выбор в условиях «конфликта цивилизаций». Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 48-53.

Общественные отношения во многом определяются наличием особых духовно-ценностных ориентиров. Ценность – это значимость объектов окружающего мира для человека, группы людей или общества в целом, представляет собой не свойство самих объектов, а результат их вовлеченности в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей человека. Система ценностей выступает миром значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное существование, так как именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл.

Духовные ценности оказывают серьезное влияние на цивилизационное развитие. Так, по мнению английского историка А. Тойнби, при резком изменении условий жизни («Вызове») в государстве (климат, экономика, враги), оно должно дать адекватный «Ответ», перестроиться и изменить образ жизни. Не-

которые общества выделяют из своей среды «творческое меньшинство» (пророки, жрецы, философы, ученые, политики), которое осознает «вызов» среды и способно дать на него удовлетворительный ответ, примером собственного бескорыстного служения увлечь за собой косную массу (пролетариат). Когда элита не способна дать эффективного ответа пролетариату, тогда начинается ценностный надлом цивилизации. В этот период творческая позиция элиты и доверие к ней пролетариата сменяются «душевным самотеком», «расколом души». Продолжая жизнь и действовать так, как будто «вызова» нет, как будто ничего не произошло, государство движется к пропасти и в конечном итоге гибнет.

Тойнби отмечал: «В ходе своей экспансии современная западная секулярная цивилизация превратилась в буквальном смысле слова во всемирную, охватив своей сетью все остальные живущие цивилизации и все примитивные обществ.¹

По сути дела, ей противостояла только православная цивилизация во главе с Россией.

Американский мыслитель С. Хантингтон выступил с идеей «конфликта цивилизаций». По его мнению, источниками противоречий между цивилизациями являются различия не в экономической и политической системах общества, а прежде всего в духовной сфере, в культуре и религии. Экономическая модернизация общества размывает духовные ценности и традиции, ослабляет роль государства в жизни социума, образовавшаяся брешь заполняется религиозными фундаменталистскими движениями². Главными противниками в грядущей «войне цивилизаций» будут выступать Западный мир с одной стороны и исламско-конфуцианский (восточный) блок с другой. Фронтами будущих войн являются «разломы» между цивилизациями: Югославия, Сирия (возможно Россия в будущем).

Т. Блэр, бывший премьер-министр Великобритании назвал войну в Афганистане и Ираке, у истоков которой он стоял вместе с экс-президентом США Дж. Бушем «битвой за глобальные ценности». Это «война особого свойства, в которой невозможно победить обычными средствами... Мы сможем победить, только показав всему миру, что наши ценности имеют качественное преимущество по сравнению с альтернативными ценностями, продемонстрировав наше беспристрастное и открытое стремление сделать их общедоступными... Нам предстоит доказать, что наши ценности не западные и тем более не американские или англо-саксонские, они принадлежат всему человечеству, носят универсальный характер и должны стать правым делом гражданина мира... Наши ценности служат нам ориентиром, олицетворяющим прогресс человечества на протяжении веков. На каждом этапе нам приходилось отстаивать их. И в преддверии новой эры наступило время снова вступить за них в схватку»³.

В настоящее время происходит беспрецедентное столкновение различных ценностных оснований в экономической, политической, социальной и особенно духовной сферах общественной жизни. Еще в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» (2009). утверждалось, что «ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»⁴, ныне ценностный конфликт разгорается все сильнее.

В Стратегии национальной безопасности (2015) заявлено, что одними из главных угроз являются: «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа РФ путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции

массовой культуры) ..., попытки фальсификации российской и мировой истории...»⁵.

Президент США Барак Обама и глава Европейского совета Дональд Туск на встрече 9 марта 2015 г. в Вашингтоне заявили об угрозе со стороны России фундаментальным ценностям Запада. Д. Туск указал на то, что: «Сегодня мы являемся свидетелями того, как ставятся под сомнение наши фундаментальные ценности, свобода, процветание, либеральная демократия и геополитический порядок. Наши противники полны решимости ослабить основы политического сообщества западного мира»⁶.

Между тем, еще 12 декабря 2013 г. задолго до украинского Евромайдана и начала политической конфронтации, в своем Послании Федеральному Собранию, президент РФ В.В. Путин характеризовал современный культурно ценностный конфликт следующим образом: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей... проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлечённых идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии... в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»⁷.

Современный мир характеризуется наличием большого количества различных идентичностей и каждый член общества находится перед выбором своей цели в жизни, места в обществе, а также своей морально-нравственной позиции по отношению к другим людям и ко всему социуму. В этом отношении особое место в самоопределении человека занимает духовно-ценностный выбор.

Духовно-ценностный выбор представляет собой свободное, ответственное и решительное избрание из нескольких альтернатив идеально обоснованного варианта действий, являющегося проявлением морально-нравственных качеств, идеалов и убеждений личности (честности, верности, долга, мужества)⁸.

Большой интерес представляет собой сопоставление российской и западной ценностных систем. Опираясь на статью В.А. Лепехина, попробуем сравнить основные ценности данных цивилизаций (табл. 1)⁹.

Российская ценностная система	Западная ценностная система
многополярный мир	глобализм
многообразие самобытностей	универсальность
равенство цивилизаций	превосходство Запада
духовное развитие	материальное благоденствие
соборность	политический плюрализм
сохранение различий пола	всеобщее гендерное равенство
традиционная семья	разрушение семьи
коллективизм	индивидуализм
вера	агностицизм, атеизм и секуляризация
правда	политкорректность
любовь	абсолютизация сексуального влечения
свобода для реализации творческого потенциала	свобода от любых социальных обременений
справедливость	правовая легитимация

Из представленного сравнения хорошо видно, что по многим позициям духовные ценности российской и западной цивилизаций имеют диаметрально противоположную направленность.

Современные исламские радикалы, ратуя за создание Всемирного халифата как цивилизационного проекта, утверждают, будто возврат к шариатскому эгалитаризму и правилам общественной жизни, обязательным для «истинных» мусульман – действенный способ борьбы против коррупции, эксплуатации, преступности и других недугов западной либералистической и материалистической ценностной системы, против которой «истинные защитники ислама» должны перейти в наступление и нанести упреждающие удары по самим центрам западной экспансии.

Воплощением проекта исламистской глобализации является деятельность так называемого «Исламского Государства» (ИГ) по созданию «Всемирного исламского халифата». На сегодняшний день ИГ является самой богатой террористической организацией в мире и имеет различные каналы поступления финансов. Имеется множество задокументированных свидетельств, в том числе от Викиликс и откровений Э. Сноудена, о помощи ИГИЛ силами антитеррористической коалиции во главе с США: от подготовки боевиков западными инструкторами до снабжения оружием и боеприпасами.

В ряды ИГ по данным сирийского муфтията активно вербуются представители 83 стран мира, каждый день в нее вливаются сотни новых рекрутов. По раз-

ным данным в рядах ИГИЛ насчитывается от 30 до 300 тысяч боевиков¹⁰.

Идеологи ИГ пытаются привлекать новых адептов опираясь на привлекательные для них ценностные ориентиры. Так, они опираются на крайне негативное отношение к финансовым махинациям, имеющимся в Коране, во 2 суре (Корова), в 276 аяте: «Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это – за то, что они говорили: «Ведь торговля – то же, что рост». А Аллах разрешил торговлю и запретил рост. К кому приходит увещание от его Господа и он удержится, тому (прощено), что предшествовало: дело его принадлежит Аллаху; а кто повторит, те – обитатели огня, они в нем вечно пребывают!»¹¹.

Абсолютизируя указанные принципы, ИГ удалось трансформировать денежную систему своего квазигосударства, активно используя закят (традиционный налог на верующих для помощи бедным) и садаку (ежегодное собрание верующими милостыни, 1/40 часть дохода) не только для организации террористической деятельности, но и поддержки нуждающихся. Введя в качестве расчетного средства золотой динар, используя схему финансирования исламских благотворительных фондов счет муараба для перечисления на него определенного процента от каждой инвестиционной операции на благотворительные нужды, структуры по управлению активами мушарака (совместные предприятия) и муараба (компании, которые исламский банк покупает и продает с целью извлечения прибыли), ислами-

стам удастся создать привлекательный образ борцов с мировым финансовым гнетом¹².

Следует отметить, что в России и других странах постсоветского пространства сегодня как никогда остро стоит проблема грабительских краткосрочных кредитов и коллекторов, выбивающих долги, не оказывающихся ни перед физическим насилием по отношению к должникам, ни даже совершением преступлений против их детей. Понятно, что в данных условиях привлекательность ИГ только возрастает.

Необходимо согласиться с В.И. Самохваловой, что цивилизационные проекты подобные западному и исламистскому ведут к манипуляции сознанием человека с помощью осуществления практики «неразличения правды и лжи, черного и белого, ибо на самом деле все относительно... Подобные спекуляции на относительности всего – всех ценностей, истины, добра, красоты – дезориентируют человека и рождают у него неуверенность в своей способности правильно понять мир и ориентироваться в нем»¹³.

По сути, в настоящее время человечеству предлагается для духовно-ценностного выбора два направления развития, которые опираясь на идеи К. Мангейма, условно можно представить в виде утопической реальности: предлагаемое западной ценностной системой – общество потребления (воплощение антиутопии «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли) и навязываемое религиозными экстремистами и нацистами всех мастей – общество страха и насилия (реализация антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла).

На выбор тех или иных ценностей каждым человеком в значительной степени влияет развитие информационной сферы, что в свою очередь способствует формированию новых ценностных ориентиров. Если ранее внутренняя конфликтность между различными ценностными идеалами носила естественный диалектический характер, то ныне это соперничество во многом инициировано искусственно, с помощью применения новейших информационно-коммуникативных средств.

Социально-коммуникативная технология – это опирающаяся на определенный план (программу действий) целенаправленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией социального субъекта, направленная на изменение его мировоззренческих ориентиров, морально-нравственных идеалов и духовных традиций и представляющая собой систему процедур, операций и приемов использования социальных сил, средств и ресурсов, обеспечивающую решение этой задачи.

Рассмотрим некоторые, наиболее актуальные социально-коммуникативные технологии дискредитации духовно-ценностного выбора.

Технология не прямых действий восходит к военной стратегии, которая была разработана в Китае еще в V в. до н.э. полководцем Сунь Цзы и главной целью ставила «достижение победы над противником, не сражаясь с ним» и необходимость «побеждать врага замыслом». Среди советов Сунь Цзы, который считал войну – путем обмана, наиболее актуальны сегодня следующие:

- разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника;
- подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор общественности;
- разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны;
- подстрекайте молодежь против стариков;
- делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов¹⁴.

Технология «мягкой силы» («soft power»), разработанная Джозефом Наем, который считал недостаточно результативной традиционную политику «жесткой силы» (экономические и военные санкции), применяемая США на мировой арене.

В основе мягкой силы – привлекательность тех или иных идей, культурные и политические ценности, институты, которые способны притягивать других, «хотеть того, чего хотите вы»¹⁵. К их числу можно отнести «общечеловеческие ценности»: демократические выборы, многопартийность, права человека, свободу, благотворительность (план Маршалла), культурные ценности (музыка, фильмы, литература, язык), потребительские ценности (джинсы, еда и напитки, инновационная техника).

С 2005 г. власти Украины стремились искусственно и радикально изменить ценностно-мировоззренческие установки своих граждан в отношении этнической и культурной идентичности, зародившейся в Древней Руси и оформившейся в общих с народами России формах государственности – Российской империи и СССР. Под флагом приобщения к западной культуре производились попытки трансформировать все символы, традиции, ритуалы и представления, как идеальные, так и вещественные, которые возникли в результате совместного русско-украинского исторического, культурного и государственно-политического опыта.

Пересмотру подвергались как знаковые исторические события – традиционные символы русско-украинского культурно-цивилизационного единства, так и ценности, образ жизни, ритуалы (9 Мая), которые стали общим русско-украинским достоянием, неотъемлемой составляющей образа жизни двух народов. Яркими примерами могут служить создание культа ОУН-УПА, фальсификация истории голода (Голодомор) в 1932-1933 гг., героизация гетмана Мазепы и т.д.

Технология ценностной инверсии представляет собой разрушение связи времен, устойчивой межпоколенной преемственности в оценке смысла жизни, отношения к труду, личного будущего. Американский политолог В. Харман считал, что отказ огромного количества молодых людей от ценностей прошлого, должен привести к «культурной революции», что приведет к радикальной переоценке всех аспектов национальной политики.

3 сентября 2015 г. в центре Львова состоялась показательная акция «Вибей „совок“ из мозга». Участники действия периодически били металлическими кувалда-

ми большой пенопластовый мозг с воткнутыми в него пластиковыми совками. Акция, по замыслу организаторов, символизировала освобождение сознания украинцев от старых советских привычек. «Выбрали формат выбивания „совков“ из мозга, поскольку считаем, что во многих украинцах еще остались старые советские привычки ждать, пока власть или кто-то другой решит их проблемы»¹⁶, – рассказал председатель львовской городской организации «ДемАльянса» Р. Фогель.

Молодой человек, не помнящий ничего из истории своего коллектива (народа, страны, семьи), выпадает из этого коллектива и становится совершенно незащищен против манипуляции. Это – важное условие для возможности подлогов и подмен предмета утверждений. Если люди быстро забывают реальность, то всякую проблему можно представить ложно, вне реального контекста. Если разрушить историческое сознание, народ останется не только без прошлого, но и без будущего. Поэтому в столкновении цивилизаций, государств, идеологий, противоборствующие стороны много внимания уделяют дискредитации истории противной стороны, буквально борясь за умы и души каждого человека.

Технология культурного импринга (от англ. *imprint* – оставлять след) – ненасильственное запечатление человеком культурных образцов в процессе воспитания и образования. Усваивая от близких людей в семье и в процессе вторичной социализации в школе, вузе те или иные истины, социально-культурные традиции и идеологии – человек часто на долгие годы остается их последователем.

28 сентября 2016 г. экс-редактор журнала *Forbes-Украина* В. Федорин на конференции в Киеве заявил, что: «Русская культура в том виде как она сейчас национализирована Российской Федерацией, она как мы понимаем служит основанием крайне опасного взгляда на мир, означает ли это имманентное свойство русской культуры? Я думаю, что нет, я полагаю, что перекодирование если хотите русской культуры оно могло бы сыграть в этом позитивную роль, просто пересказав бы эту русскую имперскую культуру современным взрослым европейским языком. И в связи с этим возможно... имело бы смысл подумать о том, чтобы привлекать в Украину студентов из России и учить, рассказывать этим студентам, показывать им современный европейский взгляд на русскую культуру, русскую литературу. Если мы хотим когда-либо прийти к миру с Российской Федерацией без такого перепрограммирования мы ничего не достигнем...»¹⁷.

В основе технологии концентриальной войны (от лат. *conscientia* – сознание) лежит поражение носителей определенных типов сознания, уничтожение человеческой способности к свободной ценностной идентичности.

Если человеку не дать возможности самоопределения, то он не сможет выстраивать свой образ, перестает видеть себя глазами других людей, в том числе и глазами славных предков, своих гениев и святых, и в конечном счете теряет форму и строй сознания¹⁸.

Интернет-образ «Рашка-квадратный ватник» появился в 2012 г. в социальной сети «ВКонтакте», его автором является Антон Чадский. В основе – американский мультипликационный образ – Спанч Боб (Губка Боб-Квадратные Штаны)¹⁹.

Квадратный ватник» представляет собой набор стереотипов, существующих в отношении России и русских: алкоголизм, «квасной» патриотизм, «православие головного мозга» (ПГМ), «рабский менталитет», любовь к власти и ненависть к Западу. Атрибутом ватника является водка «Путинка». В 2014 г. образ подхватили проукраински и прозападно настроенные россияне, используя его по отношению к любым людям, высказывающим пророссийскую точку зрения.

Чадский считает, что «Рашка» своей культуры не имеет и подпитывается за границей, между тем, как, по его мнению, «Запад – воплощение прогресса, движения вперед, творчества и уважения к личности... Запад несет демократию бомб. Все верно и правильно. Свергая очередного тирана и насаждая западное государственное и общественное устройство в странах третьего мира, Запад не может достичь моментального результата – слишком архаичны эти «государства» – бывшие колонии. Слишком косны, религиозны, необразованные, чтоб воспринять наши ценности. Но великая миссия Запада и заключается в том, что, ломая многовековые устои примитивных народов, он способствует зарождению новой системы, основанной на уважении к личности... со временем, там сформируется нормальная политическая традиция и страна вступит на демократический путь...»²⁰.

Между тем, несмотря на определенные успехи в применении указанных технологий на Украине, все же опыт привития западных культурных ценностей в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии показывает, что процессы такого рода ценностной деконструкции идут очень трудно. Бывший генеральный секретарь ООН К. Аннан, покидая свой пост 11 декабря 2006 года отметил: «когда США нарушают собственные идеалы демократии (права человека, коллективная ответственность, глобальная солидарность, верховенство закона) их друзья по всему миру чувствуют себя в растерянности»²¹. Как выразился по этому поводу экс-президент Франции Ж. Ширак: «навязанные ценности всегда хранят привкус унижения»²².

Противостояние указанным технологиям возможно на пути сохранения и развития возможностей духовно-ценностного выбора, который представляет собой триединый процесс формирования взаимосвязи личности с прошлым, настоящим и будущим.

Исторический выбор происходит в процессе понимания и принятия прошлого в самосознании человека. Это означает воздействие на все общество и всех его членов исторической памяти, традиций, идущих из прошлого, проверенных временем и испытаниям, выпадавшим России на всех вехах ее развития.

Выбор настоящего – это насыщение ценностного пространства образами современников, воплощающих лучшие нравственные качества отечественной

культуры, влияние наличного бытия личности на ее ценностное самоопределение, совокупное воздействие социальной мега-, мезо- и микросреды на жизненную позицию личности.

Выбор будущего представляет собой воздействие на личность жизненных целей и ориентиров, т.е. иде-

альных сущностей, которые будучи весьма желанными, пока еще отсутствуют в действительности, и для реализации, которых необходимы усилия, действия, напряжение сил. Это предполагает предварительное проектное видение будущего в форме национальной идеи.

-
- ¹ Цит. по: Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. М., 2001. С. 142.
- ² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 23-27.
- ³ Блэр Т. Битва за глобальные ценности // Россия в глобальной политике. 2007. № 1.
- ⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
- ⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 дек.
- ⁶ Туск назвал единство ЕС и США условием обеспечения демократии и безопасности в мире. URL: <https://news.mail.ru/politics/21321000/>
- ⁷ Послание Президента России Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
- ⁸ См. подробнее: Кафтан В.В., Петрий П.В. Аксиология воинского служения. М., 2017. С. 57-58.
- ⁹ См.: Лепехин В. Запад: русских нужно уничтожать, потому что у них «неправильные» ценности // RusNext.ru. URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1458481104
- ¹⁰ Мюрд Э. ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? М., 2016. С. 245.
- ¹¹ Цит. по: Коран (перевод смыслов) И.Ю. Крачковский. Ростов на/Д, 2009. С. 21.
- ¹² См. подробнее: Кафтан В.В. Противостояние терроризму. М., 2015. С. 136-137.
- ¹³ Самохвалова В.И. Глобальный мир. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». М., 2002. Вып. 11. 116 с.
- ¹⁴ Цит. по: Крысько В.Г. Секреты психологической войны: цели, задачи, методы, формы, опыт. Мн., 1999. С. 6-7.
- ¹⁵ Най Дж. Гибкая власть. М., 2006. С. 31.
- ¹⁶ Власюк Г. У центрі Львова активісти вибивали «совок» із гігантського пінопластового мозку // Zaxid.net. 2015. 3 сент. URL: http://zaxid.net/news/show_News.do?u_tsentri_lvova_aktivisti_vibivali_sovok_iz_gigantskogo_pinoplastovogo_mozku&objectId=1364228.
- ¹⁷ Озвучен план перекодировки Украиной русской культуры и студентов из России // Полит Навигатор. URL: https://www.youtube.com/watch?v=4Ef_jr411VM
- ¹⁸ Громыко Ю. Консциентальное оружие и консциентальные войны // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782>
- ¹⁹ Рашка – квадратный ватник (официальный паблик). Первый патриотический паблик России. URL: http://vk.com/public_rushka
- ²⁰ Чадский А. России быть не должно. 2015. 28 янв. URL: <https://rufabula.com/author/anton-chadsky/307>
- ²¹ Аннан К. Права человека и правовые нормы жизненно важны для глобальной безопасности и процветания // Взгляд. 2006. 12 дек.
- ²² Цит. по: Кургиян С.Е. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. М.: МОФ ЭТЦ, 2011. С. 69.

@ А.И. Костин. 2018

Russian civilization and the global crisis

Российская цивилизация и глобальный кризис

Anatoly Ivanovich Kostin

doctor of philosophical Sciences,
 Professor, Department of comparative politics,
 faculty of political science of
 MSU named after M. V. Lomonosov
E-mail: ankost_@mail.ru

Анатолий Иванович Костин

доктор философских наук, профессор,
 кафедра сравнительной политологии
 факультета политологии МГУ
 имени М.В. Ломоносова (Россия),
E-mail: ankost_@mail.ru

Annotation: The article discusses the foundations of Russian civilization, emphasizes that the specificity of civilization is determined by social factors, including the special place of the strategy of sustainable development of society.

Keywords: civilization, Russian civilization, civilizational foundations, sustainable development society, public ideal, geopolitics

Аннотация. В статье рассматриваются основы российской цивилизации, подчеркивается, что специфику цивилизации определяют социальные факторы, среди которых особое место стратегии устойчивого развития общества.

Ключевые слова: цивилизация, российская цивилизация, цивилизационные основы, устойчивое развитие общества, общественный идеал, геополитика

Для цитирования: Костин А.И. Российская цивилизация и глобальный кризис. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 54- 56.

Кризисные процессы на разных уровнях и в разных сферах глобальных изменений в значительной степени предопределили неэффективность стратегии устойчивого развития. Прогнозируемый ныне нарастающий процесс глобального потепления активизировали исследования ученых наиболее перспективных регионов планеты, которые в будущем могут стать спасением для жизни многих климатических беженцев, а также значительного числа видов животных и растений. К таким регионам относят север Сибири и материковую Канаду. По мнению ученых, в результате глобального потепления к 2070 году на 70% таежных территорий севернее 49 градусов климат станет более влажным. При этом на этих землях удлинится период вегетации. На землях южнее этой отметки климат станет более жарким и сухим, это приведет к гибели растений и миграции животных на север. В результате тайга может стать домом для множества видов животных и растений, а также новым местом расселения человека¹.

Вместе с тем, по имеющимся прогнозам, через 50 лет четверть России уйдет под воду². В зоне риска окажутся Красноярский край, Якутия, Республика Коми, Мурманск и Архангельск. Специалисты Лаборатории физики климата и окружающей среды Уральского Федерального университета сделали неутешительный прогноз - к 2070 году часть территории восьми российских регионов окажется под водой. Совместно с академиком из Франции, Германии и Японии они смоделировали климатические изменения, которые коснутся арктической части страны в ближайшие 50 лет. К таким последствиям приведет таяние вечной мерзлоты, и в зоне риска, в частности, оказались Архангельская и Мурманская области, Ямало-Ненецкий

округ, Якутия, Республика Коми, Красноярский край - территория площадью до 4 270 тыс. кв. км - примерно одна четвертая от общей площади страны.

«По данным мониторинга на различных международных станциях, температуры мерзлого слоя в Арктике сильно изменились. Раньше это было до минус 10°C, теперь до 5°C ниже нуля. Как только будет до плюс 1°C, мерзлотный грунт растает, и все рухнет», - отмечают специалисты. Первыми, уверены ученые, от таяния вечной мерзлоты пострадают регионы Западной Сибири, где ее слой пока наиболее тонкий. В зоне самого высокого риска окажутся города Ямала: Салехард, Новый Уренгой, что поставит под удар нефтедобывающую структуру в этих регионах.

Вечная мерзлота — это подземный лед и холод, проникающие в глубину земли на сотни метров и существующие в течение длительного времени. Отрицательная температура и наличие подземного льда являются специфическими признаками этого климатического явления. Вечная мерзлота занимает 65% территории России.

В геополитическом плане это может привести к новым испытаниям для выживания российской цивилизации. Для российской и любой другой цивилизации перспективы развития неразрывно связаны с устойчивым экологическим состоянием, демографическим ростом и здоровьем населения. В условиях нарастания остроты глобальных проблем вызывает беспокойство современное состояние здравоохранения в мире. В этой связи вспоминают, что при переходе от традиционного сельского к современному городскому образу жизни происходит переход от «естественного отбора» (т.е. выживания сильнейших «особей») к искусственному, при котором жизнь

дается по усмотрению родителей и поддерживается средствами медицины.

Это происходит независимо от жизнеспособности индивида, причем увеличивается вероятность воспроизводства нездорового потомства. На это накладывается множество социальных и экономических факторов и тенденций, конечным итогом которых является стремительно растущая пропорция физически и психически неполноценных людей, бесплодных или способных производить лишь ущербное потомство.

В связи с этим создается угроза самому генофонду человеческого вида, поскольку деградация не может происходить бесконечно. В результате научно-технического прогресса генофонд человека как вида *Homo sapiens* оказался под угрозой «порчи и поломки» с непредсказуемыми, а может быть, даже катастрофическими последствиями этому также способствует резкое увеличение нервно-психических стрессовых нагрузок на организм человека. Как отмечал австрийский ученый О. Прокоп, в Западной Европе примерно 2% населения составляют люди, психически неполноценные, примерно 5% населения — это психопаты³.

Глобальные демографические тенденции, как правило, оцениваются с позиции демографического перехода, под которым понимается процесс стабилизации народонаселения, переход численности населения Земли в целом или какой-либо страны в отдельности от экспоненциального роста (демографического взрыва) к сокращению (депопуляции). Многие исследователи отмечают, что население практически всех стран (Франция, Швеция, Россия, США, Германия, Маврикий и др.) сначала растет, проходит через максимум и затем начинает неуклонно снижаться.

При этом максимумы у разных стран наблюдаются в разное время. У России самый резкий прирост (2%) был в начале XX в., у развивающихся стран — во второй половине столетия (3-4% в год).

В новейших исследованиях предполагается, что к концу XXI в. численность населения Земли стабилизируется на уровне 10-12 млрд. В настоящее время население мира растет только за счет развивающихся стран. Среди наиболее успешных результатов проведения активной демографической политики называют опыт Китая⁴.

Эксперты называют ряд факторов, которые обеспечили успех «китайского подхода». Во-первых, социальные изменения в Китае особенно быстро и эффективно происходили в системе общественного здравоохранения. Уровень смертности снижался значительно быстрее, чем, например, в Индии. В итоге стимулировалось понижение рождаемости. Во-вторых, в условиях китайской политической системы власть компартии распространяется на все административные уровни. Такая система позволяет быстро осуществлять директивы в демографической области, что облегчается в результате эффективной пропаганды. В-третьих, была сформирована эффективная система оказания медицинской помощи и распространения различных методов контроля за рождаемостью (включая аборты). В-четвертых, китайское общество, возможно, оказалось более восприимчивым к политике ограниче-

ния рождаемости. В других странах Восточной Азии, в той или иной степени связанных с Китаем, также было достигнуто ощутимое снижение уровня рождаемости. Оно было обусловлено различными социальными, экономическими обстоятельствами. В их число включают Японию, Тайвань, Южную Корею, Сингапур и Гонконг. С 1974 по 1991 г. число стран, принявших программы помощи планированию семьи, в процентном отношении возросло с 55 до 76%.

Наиболее значимые демографические проблемы в развитых государствах касаются главным образом двух областей: во-первых, низкой рождаемости и процесса старения; во-вторых, международной миграции. Они в большей степени касаются Европы и Японии, чем Северной Америки, где уровень рождаемости достаточен, пенсионное обеспечение налажено, а иммиграционные процессы пока поддаются урегулированию (накоплен двухвековой опыт решения таких вопросов).

Демографическая политика многих развитых государств требует рассмотрения двух важных моментов. Первый касается проблем низкой рождаемости и методов преодоления этого феномена. Уровень фертильности, например, в 1,3 ребенка на одну женщину, наблюдавшийся в ряде стран (Германия, Италия, Испания и др.), через некоторое время должен был привести к негативным последствиям.

Второй момент связан с международной миграцией и с необходимостью принятия новой системы регулирования этих процессов взамен политики «закрытых дверей». Эта система должна принимать в расчет возможные потребности в рабочих руках иммигрантов в ближайшие десятилетия, предусматривать механизм их адаптации, а также интеграции иммигрантов с учетом их социальной мобильности⁵.

В 1990-е годы в период проведения экономических реформ и перехода к рыночной экономике обострилась проблема депопуляции (естественной убыли населения) в России, обусловленной низкой рождаемостью и повышенной смертностью. Кризис, охвативший Россию, самым негативным образом отразился на демографических процессах. Сокращалась рождаемость, постоянно ухудшалось здоровье населения и возрастала смертность, что означало неуклонное снижение уровня воспроизводства населения. С 1992 г. наблюдалась естественная убыль населения в общенациональном масштабе. Некоторое сокращение числа умерших в 1996 г. в сравнении с предшествующим годом не изменило общей тенденции из-за продолжающегося падения числа родившихся, которое к 1996 г. оказалось самым низким за весь период после Второй мировой войны.

Депопуляция отмечается в ряде других стран, в том числе в странах ближнего зарубежья (Украине, Белоруссии), но для России ее последствия наиболее ощутимы. Прогнозы предсказывают продолжение депопуляции в последующие десятилетия XXI в. Депопуляция в РФ обладает несколькими чертами, имеющими принципиальный характер: она носит всероссийский характер, является этнической проблемой, носит долгосрочный характер и происходит под «двойным давлением» (под воздействи-

ем низкой даже по меркам промышленно развитых стран рождаемости и характерной для самых слаборазвитых стран высокой смертности). За 1992-1996 гг. население России сократилось на 3,5 млн человек (на 2,3%)¹.

Депопуляция затронула в первую очередь русский народ, образующий основной государствообразующий этнос, но ее не избежали и многие малые народы: коми, мордва, карелы, удмурты и т.д. С 1993 г. отмечается неуклонное возрастание смертности, которое с 1995-1996 гг., после замедления снижения рождаемости, стало решающим фактором депопуляции².

В докладе Центра демографии и экологии человека говорится: «Особенно невыгодно для России сравнение с США... Сокращение населения России на 4,4 млн человек за 10 лет приходится рассматривать на фоне небывалого прироста населения США — на 32,7 млн человек за 10 лет между переписями 1990 и 2000 гг. — самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории этой страны.

Согласно прогнозу ООН, число ее жителей будет увеличиваться и впредь. США, которые в 1950 г. находились на 3-м месте в мире (если не считать СССР), сохраняют свое третье место и в 2050 году, тогда как Россия за те же сто лет передвинется с 4-го на 17-е место³.

Опыт России показывает, как подчеркивают исследователи Центра демографии ИСПИ РАН, что при «наличии политической воли» необходимые средства для решения той или иной задачи принципиальной важности всегда изыскиваются.

В качестве направлений выхода из демографического кризиса предлагаются следующие: проводить активную пронаталистскую политику и повысить рождаемость до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения; осуществить программу в области развития медицины, здравоохранения, оздоровления окружающей среды, условий труда с целью снижения смертности, минимизации издержек процесса воспроизводства населения; использовать миграционный потенциал стран нового зарубежья для компенсации депопуляционных потерь.

Аналоги решения проблем по всем названным направлениям имеются в мировой практике.

Международное сотрудничество в этой сфере характеризуется ориентацией на устойчивый демографический рост. Оно определяется следующими политико-организационными особенностями: основано на широком взаи-

модействии и взаимопонимании по вопросам о характере проблем народонаселения; ведущую роль играет многостороннее сотрудничество по линии ООН; характер многих программ и проектов носит непосредственно гуманитарный характер; сотрудничество в этих областях позволяет при скромных затратах добиться важных результатов.

К концу второго десятилетия текущего столетия демографическая ситуация в России снова обостряется, необходимо не допустить снижения численности населения страны в ближайшие 10 лет⁴.

Обострение демографической ситуации в РФ эксперты считают предсказуемой тенденцией. Имеется в виду спад во время Великой Отечественной войны, и примерно такой же спад в середине 90-х годов в связи с огромными проблемами, которые возникли в экономике, и, по сути, развалом в социальной сфере.

В ходе Координационного совета по реализации национальной стратегии действий в интересах детей российский Президент призвал «принять комплекс мер, которые позволят стабилизировать, не допустить снижения численности населения России в предстоящее десятилетие» — фактически перезагрузить демографическую политику⁵.

На первый план выходит поддержка многодетных семей, а также семей со скромными доходами, создание дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребенка. Особое внимание необходимо уделять молодым семьям.

Так, Президент предлагает ввести с 2018 года ежемесячные выплаты молодым семьям при рождении первого ребенка до достижения им полутора лет. Сумма будет исчисляться из размера прожиточного минимума ребенка, установленного в регионе. Кроме того, в России могут продлить программу материнского капитала до 31 декабря 2021 года, а также расширить сферу его применения. Маткапитал можно будет использовать и на оплату услуг дошкольного образования — на уход и присмотр за ребенком с двухмесячного возраста.

Нынешнее успешное развитие России это необходимый ресурс для новых поколений россиян, для будущего расцвета российской цивилизации. В современных условиях возрастает роль России в формировании нового миропорядка. Обеспечение цивилизационной идентичности РФ, позволит успешно преодолеть модернизационные риски текущего исторического периода.

¹ Сибирь спасет Землю от глобального потепления

<http://www.dni.ru/tech/2016/6/20/339760.html>

² <http://mir24.tv/news/Science/15734411>

³ См.: Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М., 2005; Митихина И.А., Митихин В.Г., Ястребов В.С., Лиманкин О.В. Психическое здоровье народов мира: эпидимический аспект (зарубежные исследования 2000-2010 гг.) //Журнал неврологии и психиатрии. 2011, №6.

⁴ Jonson S. P. World Population and the United Nations. Cambridge, 1987.

⁵ United Nations Secretariat. Evolution of Population Policy since 1984. A Global Perspective // UNITED NATIONS. Population Policies and Programmes. N.Y., 1993.

⁶ См.: Рыбаковский Л. Л., Захарова О. Д. Демографическая ситуация в России. Геополитические аспекты // РАН. Ин-т соц-полит, исслед. Центр демографии. М., 1997; Население России на рубеже XX-XXI веков: Проблемы и перспективы / Под ред. В. А. Ионцева и А. А. Саградова. М, 2002.

⁷ Там же

⁸ См. недавнее заявление президента РФ Владимира Путина: <http://www.ntv.ru/novosti/1956183/16354>

⁹ См. там же.

@ В.А. Лепехин, А.А. Рязанцев. 2018

Features of anthropogenesis and sports as a sublimation of the inherent properties of bodily

Особенности антропогенеза и спорт как сублимация имманентных свойств телесного

Vladimir Anatolyevich Lepchin,
Ph.D, Director of the Institute Director of EAЕU

Владимир Анатольевич Лепехин,
кандидат философских наук,
директор Института ЕАЭС

Alexander Alexandrovich Ryazantsev,
Master of sports, FC Zenit

Александр Александрович Рязанцев,
Мастер спорта, ФК Зенит

Annotation. The article is devoted to the modern problems and peculiarities of anthropogenesis in the context of the development of sport as a sublimation of the immanent properties of the bodily. The analysis is based on both historical and modern scientific research.

Keywords: sport, civilization, anthropogenesis, anthropocentric approach, spiritual, corporeality, sublimation, aggression

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам и особенностям антропогенеза в контексте развития спорта как сублимации имманентных свойств телесного. Анализ основан как на исторических, так и на современных научных изысканиях.

Ключевые слова: спорт, цивилизация, антропогенез, антропоцентрический подход, духовное, телесность, сублимация, агрессия

Для цитирования: Лепехин В.А., Рязанцев А.А. Особенности антропогенеза и спорт как сублимация имманентных свойств телесного. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 57-60.

В системе физических свойств человека особое место занимает агрессия как объективная реакция телесного на внешние вызовы и угрозы, в том числе, со стороны других индивидов. В свою очередь, духовное развитие современного человека изначально было направлено преимущественно на преодоление его агрессивных состояний. В этом, в частности, всегда состояла одна из главных задач социализации индивидов и их воспитания. На сдерживание агрессивной по своей сути природы человека изначально были направлены основные христианские ценности, а также морально-нравственные постулаты иных религий. Эту же функцию призваны выполнять спортивные состязания.

В современной мировой философии все более актуальным становится антропоцентрический подход в изучении и анализе любых феноменов, включая самого человека. При этом антропоцентризм имеет свои акценты: психофизические, метафизические, социетальные, ценностные и проч., нередко лишаящие предмет исследования (человека) требуемой системности и взаимосвязанности.

Между тем, неразрывные взаимопреплетение и единство духовного (интеллектуального, нравственного) и телесного (природного, психофизического) образует в каждом конкретном индивиде или же группе лю-

дей уникальное и неповторимое сочетание, определяемое формулой, представляющей собой диалектические единство, взаимосвязь и борьбу противоположностей. Феномены духовного и телесно-физического могут находиться как в гармонии, так и в противоречии друг с другом.

Под духовным мы в данном случае понимаем всю совокупность приобретенных человеком в процессе своей мыслительной и социальной деятельности качеств: морально-волевых, нравственных, интеллектуальных, социокультурных. Под телесным – всё, что относится к материальной природе человека, к его биологии и свойствам как, прежде всего, одной из разновидностей гоминидов, «очищенной» от признаков и качеств, связанных с сознанием человека. И если телесное суть одно из воплощений физического, то есть естественно-природного, имманентного состояния человека, то духовное, нравственное и интеллектуальное – результат его развития как процесса преодоления зависимостей индивида от природных предопределенностей.

Граница между этими двумя феноменами, группыми свойств и качеств человеческого существа весьма зыбка, но именно эта граница, разделяющая и, одновременно, соединяющая в единое целое духовное и

телесное в человеке, является индивидуальным «рисунком» каждого индивида и дает представление о том, чего в нём больше – духовного или телесного, рационального или эмоционального, сознательного и бессознательного, индивидуального и социально-обусловленного, «низменного» и «возвышенного».

В свою очередь, анализ всех этих свойств дает представление о характере жизненных мотиваций человека, что позволяет сделать выводы о типе личности.

На необходимость поиска и достижения гармонии между духовным и телесным обращали внимание уже философы Античности, например, великий Платон. При этом считается, что в древности большее значение имели физические способности человека и его внешний облик, и только по мере развития человеческого общества возрастало значение морально-волевых и интеллектуальных качеств личности, а также манер поведения, социальных статусов и т.п.

Сегодня мало кто сомневается в том, что вожаками в сообществах приматов, а затем и вождями людских племен первоначально становились самые физически сильные особи, и только по мере эволюции человека в его сообществах стало возрастать значение умных, волевых, высокоморальных и иных индивидов, не обязательно обладающих выдающимися физическими (телесными) данными. Однако, в какой-то момент времени всемирный антропогенез утратил первоначальную логику: на вершине социальных пирамид оказались не вожди и герои и даже не жрецы и социальная аристократия, а почти повсеместно – владельцы каких-то активов (торговцы, промышленники, финансисты и т.п.), и подобранные ими для осуществления управленческих функций чиновники и политики. [1]

Одновременно с этим в современном информационно-технотронном обществе вновь возросла роль телесно-физического фактора, хотя и в ином смысле, чем в предшествующей истории. В условиях развития потребительского общества и связанных с ним индустрий продажи образов – рекламы, модельного бизнеса, индустрии секса, кино, телевизионных и иных шоу и т.п. – телесный фактор вновь выходит на первый план, но уже не в функции чисто физических способностей (силы, ловкости и проч.), но в собственно телесной версии: абсолютизации значения тела как формы, как самоценного объекта купли-продажи и капитализации. Подобный тренд дал основания, например, известному французскому писателю Мишелю Уэльбеку выдвинуть теорию о том, что место человека в современных социальных иерархиях определяется, в первую очередь, его сексуальной привлекательностью. [2]

Рост значения телесного, то есть физического фактора в современном антропогенезе заставляет ряд ученых полагать, что человечество вступило в полосу деэволюции. Некоторые западные ученые вообще договорились до того, что биологическая природа человека, связанная с его низменными потребностями, например, с агрессией суть его истинная природа, в то время как попытки социализации человека бесполезны. Так, известный нидерландский этолог Николас

Тинберген считает, что «человек - единственный вид на нашей планете, который является убийцей всемирного масштаба, и единственное существо, плохо приспособленное к своему собственному сообществу. Человек, по его мнению, подобен многим видам животных тем, что он борется внутри собственного вида, но отличается от них тем, что его борьба разрушительна». По мнению Тинбергена, «ни культура, ни образование, ни воспитание не в состоянии положить конец или даже сколько-нибудь серьёзно минимизировать агрессивность человека». [3]

Собственно говоря, дискуссия по поводу того, может ли человек разумный справиться со своими животными потребностями, рефлексам и страстями и должен ли он ограничивать в себе телесно-физическое становится одним из ключевых предметов исследований не только для современных теологов, этологов, антропологов и психологов, но также социологов, биополитиков и вообще – политологов и политических философов. И от того, как человечество ответит на этот вопрос, зависит дальнейшая его эволюция.

Древний человек ответил на него путем создания соответствующей ценностной матрицы (матриц) в виде религиозных норм, из которых выросли соответствующие этические, а затем и правовые системы. И на протяжении последних двух тысяч лет в системе названных матриц доминировала христианская ценностная доктрина.

На сдерживание агрессивной по своей сути природы человека и перенаправление его психо-физической энергии на разного рода социальные цели изначально были направлены также морально-нравственные постулаты иных монотеистических религий.

В средние века к морально-нравственным регуляторам человечество добавило такой регулятор «низменных» страстей, как разум – рациональный подход и основанные на нем философско-антропологические и философско-политические концепции (марксизм, экзистенциализм, позитивизм, персонализм, неопозитивизм и проч.). Однако же оба этих регулятора в современном постхристианском обществе оказались в серьезном кризисе.

Главные заповеди Христа, как известно, касаются любви. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь». Еще одна заповедь, подобная ей – «возлюби ближнего твоего, как самого себя». (Мф. 22:37-40)

Переводя христианские этические постулаты-заповеди на язык современной антропологии, можно сказать, что Библия стала для человечества первым и весьма эффективным СИСТЕМНЫМ инструментом преодоления человеком своей природной, то есть животной детерминированности. Христианство прямо противопоставило телесно-физическому духовно-нравственное, агрессии – любовь к ближнему, половому влечению – любовь к партнеру. И так было вплоть до 21 века – до нашего времени, в котором происходит тотальная секуляризация общественных отношений, сопрово-

ждающаяся «освобождением» человека от христианской (и иной религиозной) морали и, следовательно, от базовых регуляторов поведения.

Дехристианизация современного общества и его секуляризация минимизируют значение духовных регуляторов поведения человека при одновременном росте значения телесного фактора. Отсюда – растущая актуальность проблемы поиска новых, адекватных времени способов, факторов и механизмов сдерживания человеческих страстей и обуздания первичных инстинктов.

Сегодня человечество получило возможность вернуться к своей физической, животной природе, а вслед за этим нормой становится, в первую очередь, такое его качество, как агрессивность.

Нормами становятся и другие «низменные» потребности человека, его эгоизм и иррациональность поведения, граничащие с девиантностью и асоциальностью поступков и деструктивностью сознания. И здесь следует напомнить, что именно агрессивная природа человека и его естественно-природная предрасположенность к насилию стали причиной поиска человечеством соответствующего противоядия, которое было найдено в монотеистических религиях, в заповедях любви, в своего рода АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ (или развороте) человечества к духу, который стал главным критерием уровня развития человека, основой его подлинной экзистенции. [4]

Агрессия как объективная реакция телесного на внешние вызовы и угрозы, в том числе, со стороны других индивидов занимает особое место в системе психофизических свойств человека. В свою очередь, духовное развитие индивида изначально было направлено преимущественно на преодоление его реактивных состояний. В этом, в частности, всегда состояла одна из главных задач социализации индивидов и их воспитания.

Большинство современных этологов рассматривают агрессивное поведение человека как его спонтанную врожденную, имманентную реакцию, поскольку полагают, что агрессивность человека предопределена одним из базовых инстинктов животного мира – инстинктом выживания, а потому де воспитывать человека, то есть менять его природу, практически бесполезно. А между тем, один из основоположников современной этологии, известный австрийский ученый и Нобелевский лауреат Конрад Лоренц в свое время отметил, что насколько для человеческого индивида свойственна агрессия, настолько же для него свойственна и обратная реакция – стремление противостоять агрессии и создавать механизмы, запрещающие уничтожение себе подобных. [5] Вопрос – что конкретно можно противопоставить агрессии, кроме христианской (индуистской, исламской и т.п.) морали, а также силы разума?

Этот вопрос все чаще становится предметом исследований в рамках самых разных научных дисциплин.

Природа врожденной агрессивности человека, её причины, в принципе, изучены довольно подробно, однако остается открытым вопрос о том, существует

ли позитивная альтернатива такой человеческой природе. Как минимизировать насилие в современном обществе, тем более что в современном технологичном мире насилие представляет уже глобальную угрозу не только отдельным индивидам и социальным группам, но самому человеческому виду и планете Земля как таковой?

Большинство зарубежных исследователей-этологов полагает, что минимизировать имманентную агрессивность человека можно посредством разного рода сублимаций – перенаправлением агрессивных энергий в управляемое русло. На этом, в частности, построены различные психоаналитические теории агрессивности, в рамках которых считается, что накапливающаяся энергия «агрессивного драйва» время от времени должна получать «разрядку» в высвобождении этой энергии. И чтобы в обществе не происходило неконтролируемого насилия, нужно, чтобы агрессия постоянно выплескивалась и, тем самым, разряжалась.

Психоаналитики предлагают использовать с этой целью наблюдения за жестокими действиями (например, художественные фильмы в жанре хоррор или документальные фильмы об охоте хищников), разрушение неодушевленных предметов (например, манекенов, изображающих конкретных людей), компьютерные игры-страшилки, участие в спортивных состязаниях и разного рода экстремальные занятия, способствующие выбору адреналина, достижение доминирующих позиций в работе, сексе, семье, политической карьере, etc.).

С нашей же точки зрения, большинство предлагаемых вариантов «сублимации» человеческой агрессивности не только не способствуют минимизации агрессивности, но, напротив, поощряют её.

Подробный анализ способов сублимации агрессии, как и оценок эффективности их применения, – предмет специальных междисциплинарных исследований. В данной же работе мы предлагаем обратить внимание на такой действительно эффективный способ контролируемой разрядки агрессивной энергии, как спорт.

Греческие Олимпиады и иные спортивные состязания были одним из величайших изобретений древнего человека, так как позволяли решать некие споры без войны. Бойцовские поединки нередко останавливали неизбежные массовые кровопролития. И даже битвы гладиаторов на арене, будучи сами по себе кровавым действием, носили отчасти терапевтический характер, так как снижали степень агрессивности в обществе.

В этом смысле минимизация войн при одновременном развитии массового спорта могло бы и, с нашей точки зрения, должно стать своеобразным стержнем и оптимальной моделью эволюции человеческого общества. При условии сохранения, конечно же, таких важных регуляторов агрессивной природы человека, как традиционная (христианская) этика и разум (наука).

К сожалению, слом названных регуляторов – христианской этики и объективности научного знания – в современном западном обществе и подмена их квази-идеологическими доктринами «абсолютной свободы» и «исключительности» отдельных стран, наций и цивили-

лизаций, то есть, по сути, отказ от традиционной этики и погружение в иррациональность возвращает человечество в эпоху варварства. Что сказывается в итоге и на спорте, все чаще и настойчивее используемом западными странами для наживы и продвижения своих утилитарных политических интересов.

В качестве примера здесь можно привести последние события, связанные с избирательной и политически мотивированной дискриминацией российских спортсменов в рамках олимпийских и паралимпийских состязаний. Таким образом, сегодня возникает опасность, что спорт может утратить функцию сублимации агрессивной энергии, поскольку он сам становится объектом имманентных агрессивных устремлений конкретных индивидов и социальных групп.

Выход из этой ситуации мы видим в развитии альтернативных Олимпиаде трансрегиональных и планетарных состязаний. И этот тренд уже существует и набирает силу. Все популярнее становятся всевозможные национальные (незападные) виды спорта и такие форматы международных состязаний, как Евразийские игры, Арктические игры, Всемирные Игры кочевников, Исламские игры и т.п. В Российской Федерации создан Координационный совет по развитию и популяризации национальных видов спорта при Всемирном русском народном собрании и соответствующие КЦ в Дальнево-

сточном, Сибирском, Поволжском и Центральном федеральных округах. [6]

Еще одна альтернатива политизации мирового спорта – реформа международного олимпийского движения и исполкома МОК. [7]

В конечном счете, генеральным направлением сохранения человечеством баланса между телесным (психофизическим) и духовным должно стать сохранение традиционных ценностей, которые так или иначе основаны на христианских и иных религиозных морально-нравственных доктринах и постулатах. Вторым же, вспомогательным, дополнительным, но весьма важным направлением этого процесса должны стать массовизация спорта и приобщение людей к занятиям физической культурой, что позволяет сублимировать их природную, психофизическую энергию, трансформировать естественную агрессивность индивидов в их стремление одержать победу в спортивном состязании. [8]

Вывод: спорт способен в той или иной степени если не заместить, то органично дополнить различные духовно-нравственные факторы и феномены как в функции управления телесным, так и в роли базового регулятора различных экспансивных состояний индивида, включая его природную агрессивность.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Лепехин В.А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы. // Социально-гуманитарное обозрение, №2, 2016, с.116-123.
2. Бельский В.Ю. Цивилизационные вызовы и противоречия в мобилизирующемся мире. // Международный журнал «Социально-гуманитарное обозрение» №1, С.13-16, 2016. Lepyokhin V. A. "An anthropological revolution" in the context of civilization development of Russia and Europe. // Social and humanitarian review, No. 2, 2016, page 116-123.
3. Belsky V.Yu. Civilization calls and contradictions in the mobilized world. // International magazine "Sotsialno-gumanitarnoye Obozreniye" No. 1, S. 13-16, 2016.
4. Мишель Уэльбек. Элементарные частицы. – М., Иностранка, БСГ-пресс, 2001. Michel Houellebecq. Elementary particles. – M., Foreigner, BSG-press, 2001.
5. Пилецкий С.Г. Философский анализ предпосылок агрессивности человека в свете современной науки. // Автореферат диссертации. – Ярославль, 2015, с.21. Piletsky S. G. The philosophical analysis of prerequisites of aggression of the person in the light of modern science. // Abstract of the thesis. – Yaroslavl, 2015, page 21.
6. Лепехин В.А. Антропологический переворот. // Философские науки, № 4, 2016, с.149-152. См. также: Lepyokhin V. A. Anthropocentric world as the antithesis of a global utopia. In: Report at the International scientific conference "Zinoviev readings V". 27.10.2015. Available at: <http://zinoviev.info/wps/archives/883> (in Russian).
7. Lorenz K. 1967. On Aggression/ K.Lorenz// Tr. by Majory Kerr Wilson. – N.Y. – 306 p.
8. Лепехин В.А. Развитие национальных видов спорта как ответ России МОК и WADA. – Эл. доступ: <https://vrns.ru/expert-center/4689/> Lepyokhin V. A. Development of national sports as answer of Russia of the IOC and WADA. – Al. access: <https://vrns.ru/expert-center/4689/>
9. Тимаков В.В. Олимпийское движение — инструмент западного доминирования. Как доктрина «высших и низших народов» живёт и побеждает в МОК. // Руснект, 09.02.2018. - Эл. доступ: http://rusnext.ru/recent_opinions/1518208700. Timakov V.V. the Olympic Movement — the instrument of the western domination. As the doctrine of "the highest and lowest people" lives and wins the IOC. // Руснект, 2/9/2018. - Al. access: http://rusnext.ru/recent_opinions/1518208700.
10. Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Рязанцев А.А. Россия нуждается в новой философии спорта. Цивилизационный аспект проблемы. // Социально-гуманитарное обозрение, № 4, 2017, с.35-38. Belsky V.Yu., Lepyokhin V.A. Ryazantsev A.A. Russia needs new philosophy of sport. Civilization aspect of a problem. // Social and humanitarian review, No. 4, 2017, page 35-38.

@ Д.Г. Лощаков. 2018

The question of the Russian civilizational code

К вопросу о российском цивилизационном коде

Dmitry Georgievitch Loshakov,
docent of the Department of Sociology and
Political Science at the Moscow University of
Russian Ministry of Internal Affairs
named after V. J. Kikot, PhD in Philosophy, docent

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени
В. Я. Кикотя, кандидат философских наук,
доцент

Annotation. This article analyzes the possible negative consequences of such features of the Russian civilization as “the nexus of a strong state and a poor, dependent population”, which accompanies the entire history, starting with the “Moscow Kingdom”.

Keywords: civilization, civilizational code, the traditional type of legitimacy, socio-cultural division of society, social anomie, corruption

Аннотация. Статья посвящена анализу возможных негативных последствий такой особенности российской цивилизации как «неразрывная связь сильного государства и бедного, несамостоятельного населения», которая сопровождает всю отечественную историю, начиная с «московского царства».

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный код, традиционный тип легитимности, социально-культурный раскол общества, социальная аномия, коррупция

Для цитирования: Лощаков Д.Г. К вопросу о российском цивилизационном коде. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 61-64.

Об особенностях российской цивилизации обычно говорят в превосходной степени, ссылаясь на ее уникальную тысячелетнюю историю. Однако, определенные черты российского цивилизационного кода вызывают не столько восхищение, сколько тревогу. Речь идет о неразрывной связи сильного государства и бедного, несамостоятельного населения, которая сопровождает всю российскую историю, начиная с «московского царства».

Естественность и необходимость для российского общества сильного государства очевидна, и главные аргументы в эту пользу были сформулированы еще в XIX - начале XX века русскими философами и историками. Что касается второй половины названной связки, - бедного, несамостоятельного населения, - то она выглядит гораздо менее естественной.

Основу политической и социальной стабильности российского общества всегда составлял традиционный тип легитимности. Последний хорошо работает в так называемые нормальные периоды истории, при наличии в обществе социально ориентированных и ответственных политических элит. В противном случае, отстраненность населения от принятия политических решений превращается в мину замедленного действия, которая способна взорвать общество, когда массы лишаются доверия к власти или привычного руководства сверху.

Российское общество всегда держалось на сильной государственной власти, которая объединяла и направ-

ляла его разнородные в социальном и культурном отношении составляющие. Однако резкое ослабление этой власти периодически переводило наше общество в полуживотное состояние, из которого страна выбиралась или каким-то чудом, как это было в Смутное время, или через массовое кровопускание, когда новая, еще более жесткая власть, наводила порядок методами массового террора (период становления советской власти).

В 1990-е гг. опять произошло нечто подобное – слабость и своекорыстие новой государственной власти поставили российское общество на грань распада, - но нам опять фантастически повезло, и страна каким-то чудом выкарабкалась из очередной смуты, не став добычей сильных конкурентов.

Представляется, что указанная черта российского цивилизационного кода - сильное государство и бедное, несамостоятельное население – имеет явно суицидальный характер и требует срочной корректировки. В очередной критический момент чуда может не случиться и уникальная российская цивилизация станет достоянием истории.

Сегодня эта опасность продолжает оставаться актуальной. Россия более-менее благополучно выбралась из стихии 1990-х гг., однако политическая и экономическая системы, сложившиеся в тот период, продолжают подтачивать наше общество изнутри. Сегодня даже правоведа-государственники говорят о наличии социально-культурного раскола общества на богатых и бедных, приближенных и удаленных от власти и о

возможности социального взрыва, который неизбежно отбросит страну назад, если не будет удовлетворен запрос населения на социальную справедливость¹.

Для российского цивилизационного кода всегда было характерно доминирование коллективных норм и ценностей (общинных, сословных, классовых, государственных) над индивидуальными, которое наиболее отчетливо проявилось в советское время. Общепринятый стандарт того периода заключался в том, что индивид мог расти и развиваться только в рамках коллектива, будучи полезным коллективу и благодаря успехам коллектива.

В общем виде такой подход не может вызывать никаких возражений - приоритет общественного над индивидуальным является условием существования социума, – однако в советский период иерархия коллективных интересов была выстроена в узком коридоре государственной, общеобязательной, марксистско-ленинской идеологии, которая не давала какого-либо иного выбора, а по сути служила прикрытием корпоративных интересов партийно-государственной номенклатуры.

Любые попытки идти каким-либо иным путем, по сравнению с официально санкционированным, осуждались и встречали жесткие санкции со стороны соответствующих структур. Гонения на теневиков, шабашников, лиц свободных профессий, кампании против тунеядства – тому подтверждение. Стереотипы того времени - «коллектив всегда прав» и «незаменимых у нас нет» - возводились в статус непреложных нравственных истин.

Умаление индивидуального личностного выбора в угоду коллективным интересам приводило к тому, что население приучалось к исполнительности, дисциплинированности и порой, даже инициативности в рамках санкционированного курса, однако в ситуациях, требующих самостоятельного выбора и принятия ответственности на себя чаще всего оказывалось не на высоте.

Разумеется, и в советское время не все граждане желали ходить общим строем. Российское население, вопреки пропагандистским мифам, никогда особенно не любило свое государство и не упускало возможности поживиться за его счет. В советские времена стремление граждан «перехитрить систему» приобрело широкие масштабы в период так называемого застоя. Оно проявлялось в разных формах: от мелкого воровства по месту работы и поиска лазеек в существующем законодательстве до преднамеренных и организованных противоправных действий. Однако, в советское время это явление не представляло угрозы социальной стабильности общества. «Двойное сознание» и повышенное внимание к формальной стороне поведения было типичным и для широких масс населения и для самой партийно-хозяйственной элиты.

В 1990-е гг. произошел сбой цивилизационного кода... рамки государственно-идеологического коридора вместе с угрозой санкций за их нарушение исчезли, и казалось бы появилась возможность перехода от коллективизма авторитарно-административного типа к его более совершенным, основанным на самоуправлении формам... Однако ни новое российское государство, ни население оказались к этому не готовы. Российское общество второй раз за XX столетие погрузилось в состояние социальной аномии, которая сопровождалась атмосферой социальной апатии и вседозволенности.

Причина случившегося, по мнению Р.В. Рывкиной², состоит в том, что на протяжении XX века общественное сознание России претерпело два радикальных слома, которые соответствовали двум переходным эпохам: 1) при переходе от дореволюционной капиталистической России к советской и 2) при переходе от советской России к олигархически-криминальной России 1990-х гг.

Первый слом длился около четверти века - с революции 1917г. и до ухода поколений, сформировавшихся в досоветский период. Суть этого слома - «сбрасывание» ценностей, характерных для дореволюционной России (отчасти национальных, отчасти - общечеловеческих) и усвоение новых, советских, составлявших основу социалистической идеологии.

Второй слом произошел в середине 1990-х годов, когда люди, сформировавшиеся в духе социалистических идей, начали вытеснять их из своего сознания, принимая идеологию иной, капиталистической системы. Второй слом оказался не менее болезненным, чем первый, так как к его началу ценности советского этапа российской истории уже вошли в культуру нескольких поколений.

Таким образом, на протяжении XX века в российском обществе произошла последовательная дискредитация двух систем ценностей, которые были в соответствующие периоды истории глубоко усвоены обществом. Следствием этой двойной дискредитации и стала аллергия населения на какую-либо идеологию, духовные реалии, выходящие за рамки повседневных забот и потребностей.

Отказ от системы советских ценностей, произошедший в эпоху Ельцина, не был возвратом к традиционным дореволюционным ценностям. Экономическая свобода резко усилила те теневые процессы, которые хотя и были в СССР, но жестко контролировались. Однако в условиях либерализации экономики, протекавшей в атмосфере вседозволенности, эти процессы приобрели массовый и криминальный характер.

Государство 1990-х гг. увлеченно занималось своими собственными делами - разделом и переделом власти и собственности между группами новой элиты, которая неоднократно и демонстративно использовала новые возможности рынка и демократии в своих узко

корпоративных интересах. Утрата населением своих сбережений, антинародный характер ваучерной приватизации и дефолт 1998 г. - наиболее яркие тому подтверждения. Государство того периода превратилось по сути в коммерческую организацию по освоению траншей международного валютного фонда и поиску способов облегчить карманы своего собственного населения.

Прежние низовые органы государственного управления (местные городские и сельские Советы народных депутатов) оказались нежизнеспособны и в отличие от крестьянской общины начала XX века, которая оказывала реальное сопротивление новой советской власти, распались вместе с центральной властью. То же произошло и со всеми низовыми первичными общественными организациями - партийными, профсоюзными, комсомольскими и др., - которые при всей их идеологизированности, всегда несли на себе целый ряд функций местного самоуправления, воспитывая у граждан чувство ответственности за происходящее и умение принимать самостоятельные решения. Идея А.И. Солженицына о ключевом значении для России местного самоуправления, с которой он тщетно пытался в тот период достучаться до сильных мира сего и сознания граждан, казалась слишком приземленной по сравнению с высокими идеалами свободы и демократии.

Будучи лишено руководства сверху и государственной системы социального обеспечения население оказалось предоставленным самому себе. Наступил очередной период безвременья - каждый выживал как может. Широкие массы населения, уровень жизни которых с началом реформ упал в разы, в ходе вынужденного поискового поведения, неожиданно для себя обнаружили, что свои потребности можно удовлетворять не только посредством общественно-полезной деятельности, но и за счет ближнего и даже за счет общества в целом. Российское общество захлестнула волна инновационного поведения антисоциальной направленности, которая стала представлять уже реальную угрозу национальной безопасности.

Значительная доля активного населения старалась достичь своих личных целей не «благодаря», а «вопреки» системе, по принципу «хапнул – и бежать». Большинство предпринимателей открывали дело с расчетом на быструю прибыль, а не на долговременные вложения; массы людей, включая учащихся и пенсионеров, были вовлечены во все виды незаконной торговли, контрабанды, уклонения от налогов и других гражданских обязанностей. Показательно, что такое поведение нередко воспринималось окружающими с одобрением и даже с завистью по отношению к тем, кому удалось перехитрить систему.

Сегодня мы живем в другом обществе... восставлена вертикаль федеральной власти, государство занимается решением социальных вопросов, однако в

стране по-прежнему доминирует коллективизм административно-командного типа в сочетании с корпоративизмом антисоциальной коррупционной направленности.

Социальная структура современного российского общества, несмотря на все позитивные изменения 2000-х гг. остается такой же как в 1990-е гг. Низший класс, составляющий не менее 70% населения, по-прежнему полностью зависит от государства, а средний класс (самостоятельная часть населения) на протяжении почти трёх десятилетий никак не может выйти за рамки 30%.

Масштабные опросы, проведенные Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН в 2000 -2015 гг. показывают, что доля граждан, считающих, что современное российское государство выражает и защищает в первую очередь интересы богатых и государственной бюрократии составляет стабильные 60-80% опрошенных на протяжении всего указанного периода. Те же, кто считает, что российское государство защищает интересы всех граждан России, большую часть указанного периода составляли 4-9% и лишь в последние несколько лет их доля выросла примерно до 20%³, что объясняется успехами не столько внутренней политики власти, сколько международными событиями. Те же исследования фиксируют сохранение значительной неприязни и противоречий между богатыми и бедными, низшими и высшими классами российского общества, которые отмечают примерно те же 60-80% опрошенных⁴.

В России сформировался целый класс новой бюрократической номенклатуры, который, не являясь формально господствующим, на деле держит в своих руках все основные рычаги власти и препятствует приходу в государственные структуры эффективных управленцев. Суды, Прокуратура, ОВД, ФСБ, которые по своим функциям предназначены для борьбы с коррупцией, оказываются малоэффективными. Об этом говорит хотя бы тот факт, что на фоне развернувшейся в стране масштабной борьбы с коррупцией, средний размер взятки в России в 2016 году вырос на 75% по сравнению с 2015 г. и составил 328 тыс. руб.⁵

Специалисты ВНИИ МВД России констатируют: «Уровень распространенности коррупции и степени ее выявления и пресечения по-прежнему неадекватны... В структуре коррупционной преступности такие ее общественно опасные проявления, как организованные формы, коррупция в высших эшелонах власти, особенно в крупных и особо крупных размерах, по-прежнему не отражают истинных масштабов этого явления»⁶. Несоответствие реальных масштабов российской коррупции и эффективности усилий по борьбе с ней, стало главной причиной массовых протестных выступлений граждан в марте и июне 2017 г.

Резко снизить масштабы российской коррупции, превратив ее из системного явления в локальное, воз-

можно только в ходе радикальной перестройки всего государственного и политического управления в стране. Однако, парадоксальность современной российской ситуации состоит в том, что в силу неразвитости среднего класса и гражданского общества главным субъектом, двигателем названной перестройки может стать только само государство, которому в его нынешнем состоянии сделать это весьма затруднительно. Надежда только на появление группы политической элиты, которая возьмет на себя смелость решения этой задачи и будет располагать достаточными для этого властными ресурсами.

Приведенные цифры и факты говорят о том, что в стране на протяжении многих лет сохраняется сложившийся в 1990-е гг. социально-культурный раскол

общества на составляющий основную массу населения низший класс и немногочисленную государственно-олигархическую элиту. Названный раскол является потенциальным предвестником будущих смутных времен.

Возможную судьбу России наглядно демонстрирует современная Украина, у которой тоже были свои «90-е гг.», но которой повезло меньше. В отличие от России, Украина не смогла противостоять процессам разложения политической власти и маргинализации населения и ее затащило в воронку политической и социальной деградации. Россия в очередной раз выстояла, но является ли запас ее цивилизационной прочности бесконечным и стоит ли ей в очередной раз испытывать свою судьбу?!

¹ См. В.В. Лапаева. Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития. Социологические исследования, 2016, №7, с.72,75 и др.

² См. Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // Социологические исследования, 1997, №4, с.75-76.

³ См. В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина, И.С. Шушпанов. Экспресс-информация «Как живешь Россия?» – М.: ФГБУН – ИСПИ РАН, 2016. с.36-37.

⁴ См. там же, с.28-29

⁵ См.: Интервью начальника ГУЭБиПК МВД России А.А. Курносенко газете «Коммерсант». URL: <http://kommersant.ru/doc/3242655>

⁶ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. ВНИИ МВД РФ, с. 25-26, URL: https://внии.мвд.рф/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi

@ Н.Н. Гусев. М.В. Огнева.2018

Problems of inclusion of young people in the system of social stratification of the Russian society

Проблемы включения молодых людей в систему социальной стратификации российского общества

Nikolay Nikolaevich Gusev,
Ph.D, docent, docent of the Department
of Sociology and Political Science of Moscow
University of the MIA of Russia named after V.Ya.
Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России им.
В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Margarita Victorovna Ogneva,
Candidate of Law, senior fellow ensure
scientific cooperation NIO UNU and RID of
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya.Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Маргарита Викторовна Огнева,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела
обеспечения научного сотрудничества
НиО УОН и РИД Московского университета
МВД Россиим. В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Annotation. The article covers the basics of social differentiation youth in modern Russian society, showing the channels of social mobility and accessibility for different status groups of the youth community. The various factors affecting the inclusion of youth in the social structure of Russian society.

Keywords: youth, young people, the system of social stratification, social differentiation among young people, the channels of social mobility of young people

Аннотация. В статье раскрываются основы социальной дифференциации молодежи в современном российском обществе, показываются каналы социальной мобильности и доступность для различных статусных групп молодежной общности. Анализируются различные факторы, влияющие на включение молодежи в социальную структуру российского общества.

Ключевые слова: молодежь, молодые люди, система социальной стратификации, социальная дифференциация в молодежной среде, каналы социальной мобильности молодежи

Для цитирования: Гусев Н.Н., Огнева М.В. Проблемы включения молодых людей в систему социальной стратификации российского общества. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 65- 69.

Социальная дифференциация в молодежной среде, проявляясь в самом начале жизненного пути, во многом определяет дальнейший социальный путь молодого человека. Основой процесса дифференциации являются социальные условия, находящиеся в прямой зависимости от типа и размера населенного пункта (мегаполис, средний, малый город), а также региона проживания, так как именно степень развитости инфраструктуры, коммуникаций, особенностей культуры определяют возможности выбора молодого человека и способов его самореализации.

Нельзя не отметить, что социальная структура и состав молодежи является своеобразным отражением классово-слоевой структуры общества.

Социальная дифференциация молодежи в современном российском обществе детерминирована ресурсными возможностями родительской семьи и зави-

сит от социального происхождения, статуса родительской семьи, включенности в структуру общества и ее основные сферы для обретения собственного статуса. Критериями расслоения молодежи, как и для других социальных групп, выступают доход, собственность, власть, образование, т.е. расслоение молодежи протекает по типичным стратификационным параметрам, а индикаторами служат конкретные показатели данных параметров (уровень, размер, формы и прочее).

В зависимости от степени доступности и обладания общественными ресурсами фиксируется социальное неравенство между основных ее групп. При этом структуру молодежной группы представить не всегда возможно иерархическим образом, т.к. в современном обществе существует множество, зачастую взаимосвязанных, критериев.

Социальное расслоение прослеживается через сферы образования, труда, досуга. Дифференцированный подход к молодежи позволяет акцентировать внимание на неоднородности ее внутреннего социально-слоевого состава, включающего молодежь студенческую, рабочую, сельскую, городскую, «бунтующую», неформальную и др.

Молодежь как социально-демографическая группа отличается гетерогенным внутренним составом. Процесс расслоения молодежи в условиях усложнения современного социального пространства, обусловленный различными факторами, протекает на основе одновременно действующих критериев и выделяемых на их основе индикаторов в различных тесно соприкасающихся социальных полях.

Экономическое поле России сегодня выступает доминирующим над остальными и оказывает влияние на положение молодых людей не только в других социальных сферах (полях), но и определяет общий (совокупный) социальный статус в обществе. Основными критериями данного социального подпространства являются денежный доход (индикаторами являются уровень, размер дохода), отношение к собственности (имущественный статус), структура расходов, связанная с потребительским статусом (уровень и объемы потребляемых товаров и услуг). Расслоение молодежи в материально-экономическом поле носит полярный характер, распределяет на социальные слои между полюсами «имущие» - «неимущие», «обеспеченные» - «необеспеченные», «бедные» - «богатые».

Среди возможных взаимосвязей выделяются, как внутри данного поля - между доходом, наличием собственности (имущественный статус) и потребительским статусом, так и по отношению к другим социальным подпространствам - в частности, уровень дохода как ведущий индикатор материально-экономического поля определяет позицию в политическом пространстве (отношение к политике, формы участия, место в системе политико-властных отношений), образовательный и профессионально-должностной статус, формы досугового поведения, а также оказывает влияние на такие параметры, как социальные настроения, систему ценностей молодых индивидов.

В политическом пространстве России, где главным критерием выступает власть, процесс расслоения молодежи описывается комплексом показателей, начиная от особенностей политических предпочтений и ориентаций и заканчивая степенью включенности в процесс политико-властных отношений. Индикаторами политического статуса молодого человека выступают «отношение к политике», формы политического участия, характеризующиеся включенностью в поле политики страны как агента политического процесса - позиция «избиратель», «член партии, движения», «лидер политической партии, движения» и т.п. Положение в струк-

туре власти определяется в зависимости от степени и объема владения политическим капиталом (ресурсами). Расслоение здесь, таким образом, фиксируется по характеру политических убеждений и мнений, а также разбросом занимаемых политических позиций, объеме накопленного опыта политической деятельности.

Положение молодежи в поле политике позволяет проследить следующие взаимосвязи политической позиции (по индикаторам отношение к политике, формы участия, включение в процесс политико-властных отношений) со сферой деятельности молодых людей (род занятий), уровнем их дохода, уровнем образования (возможно, и его профильностью). Также и внутри политического подпространства выбор форм политической активности меняет отношение «интереса» к политической сфере, и наоборот.

При рассмотрении молодежи в сфере образовательного поля, в котором образование является критерием дифференциации и объединяющего старших школьников, учащихся ПТУ, вузов (студенчество), молодых ученых, необходимо отметить, что каждая из данных групп может рассматриваться как отдельный слой молодежи относительно обладания образовательного капитала (уровня и вида получаемого образования, его престижности), а также по отношению к данной сфере, социальной значимости получаемого образования. Наряду с этими индикаторами социальное расслоение в образовательной сфере фиксируется на основе различных параметров, исходя из наложения других полей (особенно за последнее время доминирует материально-экономический фактор) В данном подпространстве наблюдаются тесные взаимосвязи образовательного статуса со статусом родительской семьи (уровень дохода, уровень образования родителей), раскрывающие образовательный капитал современных молодых людей России.

Ведущим индикатором позиции в профессиональной структуре выступает принадлежность к профессии, престиж данной профессии (оценка со стороны «других»), место работы, характер труда, определяющими профессионально-должностной статус молодых людей. В данном поле важное значение придается следующим корреляциям между основными индикаторами социальных полей: доход - место работы, образование - место работы (сфера деятельности), род занятий, место работы - досуг.

В условиях трансформации российского общества отмечается сильная степень дифференциации досуга современной молодежи. В основном это выражается в формах проведения, отражающих досуговые интересы и предпочтения, характер содержания и направленность.

Изучение социального расслоения молодежи в поле досуга предполагает рассмотрение таких параметров, как бюджет свободного времени, его объем, формы (ос-

новные досуговые занятия), досуговые предпочтения и структура досугового потребления, что является индикаторами положения в сфере досуга. Данные характеристики демонстрируют «стили жизни» отдельных групп и слоев молодежи («золотая», «неформальная» и пр.). Нельзя не отметить наличие взаимосвязи между формами проведения досуга, его содержательности и социальным статусом современных молодых людей (размер дохода, уровень образования, род занятий, профессиональная принадлежность).

Совокупный социальный статус молодых индивидов в итоге формируется на основе позиций в основных подпространствах общества, выделяемых группой различных индикаторов и их комбинациями в силу наложения полей друг на друга при доминировании экономического подпространства над остальными. В зависимости от этого стратификационная модель молодежи включает три слоя.

Верхний молодежный слой формируют молодые люди с уровнем дохода выше среднего - это молодые управленцы и предприниматели, «золотая» молодежь. В силу своего «успешного» социального статуса отличаются наличием не только высокого собственного дохода (плюс дохода и возможностей родителей), но и большим объемом доступности и обладания социальными ресурсами, определяющими их высокий, по сравнению с другими группами, уровень жизненных шансов при социальной мобильности. Здесь наиболее высок и уровень притязаний («амбиций») на качество образования, профессиональный ранг, формы проведения досуга, а также на социальное положение в социуме. Как правило, как и все слои, они наследуют статус (слой) своих родителей.

Средний слой, приравненный к категории «среднеобеспеченная молодежь», представлен в целом студенчеством ВУЗов, а также старшими школьниками и работающей молодежью из среднеобеспеченных семей, что выражается на их потребительских моделях поведения.

В низший социальный слой («материально слабообеспеченная молодежь») сегодня входят молодежь из бедных семей, молодые рабочие (заводов, предприятий не частного сектора), отчасти военнослужащие, молодежь села, интеллигенция (молодые ученые, преподаватели, врачи), молодежь социально ущемленных слоев, девианты, бездомные, безработные, инвалиды, люмпены, «неформалы», многие из них могут также рассматриваться как «маргиналы» между выше обозначенными слоями. Низший социальный слой отличается особой социальной уязвимостью, ограниченностью социальных возможностей, крайне слабой социальной мобильностью. Жизненные шансы такого слоя для социального продвижения не высокие, ограничены материальными ресурсами, в связи с чем наблюдается низкая реализация жизненных планов, накладывающая

отпечаток на социальные настроения данного слоя, характер притязаний. Этот слой находится в состоянии социальной депривации (лишения) социальных благ и ресурсов общества.

При анализе социальной дифференциации молодежи в современном российском обществе важное значение приобретает исследование данной проблемы на региональном уровне. Существенные различия фиксируются не только между регионами страны, но и внутри региона - на уровне «город-село», проявляющиеся как качественно разные, полярные формы организации социального пространства, выступающие основой для социального неравенства молодого поколения на этапе жизненного старта.

Таким образом, процесс расслоения молодежи в современном российском обществе носит процессуальный характер, начало которого приходится на перестроечный период развития российского общества и продолжает усиливаться в настоящее время, и характеризуется «мозаичностью» социально-слоевого состава молодежи.

Социальная дифференциация молодежной среды во многом обуславливает возможности молодых индивидов по практическому выстраиванию жизненной карьеры и использованию вертикальной социальной мобильности.

Методологической основой для формирования теории социальной мобильности или социального передвижения молодежи служит теория социальной стратификации, выдвигающая критерии деления общества на социальные слои.

Социальная мобильность представляет собой совокупность социальных перемещений людей, т.е. изменений индивидом или группой социального статуса, места, занимаемого в стратификационной структуре общества, т.е. переход из одного класса в другой, из одной внутриклассовой группы в другую, социальные перемещения между поколениями

Социальная мобильность молодежи в жизни любого иерархически выстроенного общества органически связана с его стратификацией, чьи конкретные формы являются разнообразными и многочисленными (экономическая, политическая, профессиональная и др.)

Если не существует барьеров для социальных достижений, можно ожидать большую социальную мобильность, когда некоторые личности быстро поднимаются и получают высокие статусы. Но между слоями и классами, как правило, существуют барьеры, мешающие свободному переходу индивидов из одной статусной группы в другую. Один из самых главных барьеров возникает из-за того, что социальные классы обладают субкультурами, готовящими детей представителей каждого класса для участия в специфической субкультуре, в которой они социализированы, прививающими навыки своей субкультуры.

Феномен и процесс социальной мобильности, или циркуляции описал П.А. Сорокин. В частности, он отмечал, что поскольку вертикальная мобильность присутствует в той или иной степени в любом обществе и поскольку между слоями должны существовать некие «мембраны», «отверстия», «лестницы», «лифты» или «пути», по которым индивиды могут перемещаться вверх или вниз из одного слоя в другой, то правомерно было бы исследовать вопрос о том, каковы же в действительности эти каналы социальной циркуляции выполняют различные институты¹.

Изучение молодежи в контексте процесса социальной мобильности позволяет заметить, что молодежь социально дифференцирована и расслоена. В современном российском обществе более заметными становятся различия между группами внутри молодёжи. К традиционным социально-дифференцирующим признакам (по формам занятости, по характеру и содержанию труда) добавляются новые, более значимые. Это социокультурные, этнонациональные, социально-пространственные, регионально-поселенческие, материально-имущественные признаки.

Усиление социальной дифференциации молодежи в условиях развивающегося общества имеет свои положительные особенности, так как появляются структурные возможности для реализации многоплановых групповых интересов, что в конечном итоге предполагает интеграцию.

По Сорокину, важнейшими из ряда этих социальных институтов являются: образование, армия, церковь, брак, политические, профессиональные организации, организации по созданию материальных ценностей. Институту образования свойственны функции социального и культурного изменения путем содействия научному прогрессу и повышению образовательного уровня населения, использования интеллектуального потенциала общества, создания научно-технического потенциала, общему прогрессу общества.

В современном обществе высшая профессиональная школа представляет один из наиболее важных каналов вертикальной циркуляции, причем это проявляется в самых разнообразных формах.

Уровень интереса к высшему образованию очень высок и мало зависит от социальной среды и от территориального положения учебных заведений. Характер же мотивации к получению высшего образования, разумеется, различается в зависимости от социального контекста.

В последние десятилетия в сфере образования резко обозначились процессы регионализации, рост числа филиалов и связанных с ними профильных классов средней школы, отвечающие на спрос общества на образование. В то же время усиливается процесс дифференциации системы высшего образования, разделения вузов на престижные, элитные и все остальные, что ча-

стично совпадает с региональным делением и вообще с процессами, идущими в обществе в целом.

Здесь следует отметить одну важную тенденцию, которая все больше определяет лицо вузов – ежегодное нарастание среди выпускников, людей, получающих второе высшее образование. Многие молодые люди, связывают перспективы улучшения качества жизни, повышения личностного статуса с повышением уровня образования. Как гарантии для успешного карьерного роста, одного высшего образования уже становится мало. Часть студентов, обучаясь в высшем учебном заведении, получает дополнительное второе образование, другая же часть в процессе работы, осознавая недостаток своих знаний, вновь приходит в вуз, чтобы повысить свой образовательный уровень.

В крупных городах высшее образование обладает самостоятельной ценностью и является необходимым знаком получения, поддержания и повышения социального статуса. Для молодых горожан высшее образование – одна из составляющих успешного жизненного пути, наряду с другими ресурсами, обеспеченными им средой.

Существует такая же большая группа абитуриентов и студентов, для которых получение высшего образования становится единственным каналом социальной мобильности и дальнейшего трудоустройства. Эта группа обычно сильно мотивирована на поступление в вуз. Ее представителям свойственно или четкое представление о сфере своих профессиональных/образовательных интересов, или ярко выраженное желание «вырваться» из наличной жизненной ситуации.

Нельзя не отметить того факта, что для части молодежи в наше время получение высшего образования является некой социальной гарантией отсрочки от службы в армии, что стало средоточием сильнейших эмоциональных напряжений и предметом спекуляции и торга со стороны гражданского общества и государства.

Для представителей низкостатусных групп (особенно для тех, чей статус снизился за последнее десятилетие), жителей небольших городов и сел проблема доступа их детей к получению высшего образования является одной из самых болезненных. Они не обладают ни достаточными материальными ресурсами, ни связями, поэтому их детям для получения высшего образования необходимо либо сначала оканчивать колледж, техникум, а уже потом вуз; либо идти работать и лишь затем, накопив необходимый капитал, поступать в вуз на «договорное место».

Значительное влияние на вертикальную мобильность оказывает еще одна из проблем образования – это переход высшего образования от элитарного к массовому. Конечно, с одной стороны, сейчас очень престижно заявлять о своем высшем образовании, об окончании того или иного вуза – университета или академии. Но в российском образовании повторяются

глобальные мировые тенденции превращения высшего образования из элитного в массовое. Его получают не только выпускники элитных колледжей, но и большая часть молодых людей, закончивших обычные средние школы.

Социальные перемещения индивидов имеют объективные показатели: занятие новой должности, увеличение доходов, приобретение собственности и т.д. Но изменение объективных показателей в жизни индивидов не означает, что автоматически изменится их социальное положение. Для того, чтобы полностью изменить социальный статус, у молодых людей часто возникает проблема вхождения в новую субкультуру группы с более высоким статусом, а также связанная с этим проблема взаимодействия и общения с представителями новой социальной среды. Для преодоления культурного барьера и барьера взаимодействия и общения необходимо изменить прежний образ жизни, сформировать для себя новые образцы типичного статусного поведения, изменить социальное окружение.

Многочисленные исследования показывают, что социальная мобильность происходит интенсивно в переходных, быстро развивающихся обществах. Стабилизация же социальной жизни приводит к снижению темпов социальной мобильности. Эти две тенденции непосредственно сказываются на молодежи и закладывают будущие параметры социальной динамики: чем выше мобильность молодежи, тем выше ее дальнейшая социальная активность.

В современной России на фоне мирового системного экономического кризиса действуют одновременно обе тенденции, проявляя свою зависимость от различных экономических ресурсов, состояния бизнеса, конъюнктуры рынков, мер, предпринимаемых государством. В этих условиях формирование жизненных планов, профессиональный выбор молодых людей происходит в ситуации социальной, политической, идеологической неопределенности, а их включение в систему социальной стратификации российского общества детерминировано в значительной степени, зависящим от складывающейся ситуации набором факторов.

¹ См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество/Общ. ред. сост. и предисл. А.Ю. Сагомонов: Пер. с англ. - М.: Политиздат. 1992. с.560.

@ В.В. Плотников. 2018

Methodological issues study deployment extremism

Методологическое развертывание проблемы исследования экстремизма

Vladimir Valerievich Plotnikov,
 Doctor of Sociology, Associate Professor of
 the Department of Philosophy and Sociology,
 Krasnodar University of the Ministry of Internal
 Affairs of the Russian Federation

Владимир Валериевич Плотников,
 доктор социологических наук, доцент кафедры
 философии и социологии Краснодарского Уни-
 верситета МВД РФ
E-mail: inkognito13@inbox.ru

Annotation. The article investigates the problem of extremism, taking into account the specifics of modern society, which is in a state of global transformation. From the author's point of view, for a comprehensive study of extremism, methods such as a systemic synergetic approach, functional analysis, a phenomenological method, and general scientific methods are required: analytical and synthetic and the method of comparative analysis. In addition, the study uses a historical approach, at the level of which reflects the dynamics of changes in the structure of society

Keywords: extremism, system method, phenomenological method, society, state security

Аннотация. в статье производится исследование проблемы экстремизма с учетом специфики современного общества, пребывающего в состоянии глобальной трансформации. С точки зрения автора, для всестороннего исследования экстремизма требуется применения таких методов, как системный синергетический подход, функциональный анализ, феноменологический метод, а также общенаучных методов: аналитического и синтетического и метода сравнительного анализа. Помимо этого, в исследовании применяется исторический подход, на уровне которого производится отражение динамики изменения структуры общества.

Ключевые слова: экстремизм, системный метод, феноменологический метод, общество, государственная безопасность

Для цитирования: Плотников В.В. Методологическое развертывание проблемы исследования экстремизма. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 70- 74.

Проблема исследования экстремизма многоаспектна. Так, например, различные точки соприкосновения просматриваются в области философского дискурса [2, 6], в социологии [3, 4], криминологии [5] политологии [1, 7] и других наук. Мы предлагаем еще одну специфическую методологическую позицию, суть которой сводима к синтезу социоструктурного, институционального и феноменологического исследования проблемы экстремизма.

Одной из задач социального знания является оптимизация процессов общественного развития. Это связано как со своевременной постановкой актуальных вопросов, так и с выработкой адекватной методологии их разрешения. На современном этапе развития общества одной из серьезнейших проблем является бурное развитие экстремизма. Данное явление, имеющее исторические аналоги в других эпохах, имеет, однако, особую специфику, не позволяющую отождествлять экстремистскую деятельность с протестной (вплоть до радикальных проявлений) деятельностью, имевшей место на протяжении истории человечества. Как таковой экстремизм представляет собой следствие недостаточной эффективности общественной регуляции.

Существенным отличием экстремизма от других форм протестной деятельности является то, что экстремизм отрицает законные процедуры влияния на характер общественной структуры, которые получили глубокое развитие в рамках новейшей истории общества.

Различие между экстремизмом и, например, революционной деятельностью состоит в том, что революционная деятельность представляет собой отражение кризиса социальной парадигмы, в то время как развитие экстремизма означает кризис самих процессов внутренней саморегуляции общества, реализуемой в рамках демократического типа правления. Отсюда проистекает потребность в таком исследовании экстремизма, которое вскрывало бы не только декларируемые мотивы субъектов экстремистской деятельности (неприятие представителей других этносов, религиозная нетерпимость), но и принципы, в соответствии с которыми подобное социальное нарушение становится возможным. Это приводит к необходимости определения важнейших оснований нарушения внутренних процессов регуляции в обществе. В связи с этим актуализируется важность общего структурного анализа социальной структуры, а также обзора изменений в условиях

протекания социальных процессов, обозначившихся в последние десятилетия. Таким образом, обнаруживается непосредственная взаимосвязь между основными социальными процессами, характером их протекания, институциональной принадлежностью, степенью эффективности, с одной стороны, и тенденциями развития социальной деструктивности, с другой.

Для понимания глубинных оснований интенсификации проблемы экстремизма в обществе проявилась целесообразность рассмотрения основных изменений в условиях формирования, развития и трансформации общественной структуры, произошедших в рамках современного исторического этапа и хронологически совпадающих с периодом всплеска экстремистской деятельности.

Поскольку нарушение социального баланса (и как следствие, нарушение внутренних процессов саморегуляции в обществе) связано с деформацией его структуры, а также дефицитом адаптивных возможностей, важным шагом в раскрытии проблемы экстремизма является анализ трансформации общественной структуры (побочным продуктом которой может являться возникновение локальных социальных нарушений), сформировавшей современную ситуацию.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие общетеоретические выводы. На общем уровне структурный баланс общества определяется эффективностью основных социальных институтов и способом их взаимодействия. Состояние современного общества определяется двумя важными процессами – дифференциации и интеграции общественной структуры. Эти процессы связаны с утратой универсальности, независимости существования малых человеческих сообществ, совершенствованием системы разделения труда, ростом многообразия товаров и услуг, потребляемых человеком, и т. д. Усложнение социальной структуры сопрягается с ростом взаимосвязи отдельных элементов общества. Эта тенденция имеет длительную историю развития, однако небывалого размаха она достигла в XX веке, что связано с бурным подъемом науки и техники, в частности – транспорта и цифровых средств коммуникации. Результатом этой стороны технического прогресса стала существенная интенсификация социальных процессов сразу на нескольких уровнях общественной жизни.

Повышение динамики трансформации общественной структуры, а также ее качественное усложнение делают все более затруднительным процесс адаптации общества к возникающим изменениям. Закономерным следствием этого процесса является возникновение структурного дисбаланса в обществе. На этом уровне выделяются две основные формы структурного дисбаланса в обществе – дисфункция и гиперфункция социальных институтов. Гиперфункция социального института представляет собой ситуацию, в рамках которой в обществе происходит смещение структурного баланса в пользу какой-либо значимой сферы социальной жизни. В результате на уровне гиперфункционального социального института имеет место функциональное

замещение смежных сфер социальной жизни, что негативно сказывается на их состоянии.

Как гиперфункция социальных институтов, так и их локальная дисфункция представляют собой мощные факторы развития социальной деструктивности. В рамках современных процессов глобализации одной из ведущих тенденций становится выход отдельных институциональных образований на транс-территориальный уровень, что приводит к существенному ограничению возможностей государства по регуляции внутренних процессов. При этом тесная взаимосвязь между локальными обществами проявляется не только на уровне конструктивного распределения ролей, но и на уровне активного воздействия со стороны мирового сообщества на характер протекания внутренних процессов в рамках отдельных государств. В результате имеет место интенсификация деструктивных факторов, приводящих к нарушению социальной стабильности и, в частности, обособлению или функциональному ослаблению отдельных общественных институтов.

Нарушение функциональности одного социального института определяется структурными нарушениями в другом, что является одной из причин затруднений в локализации и устранении источника социальных проблем. По этой причине анализ общественной структуры требует применения комплексного системного подхода, учитывающего не только специфику основных социальных институтов, но также и момент их взаимосвязи.

Помимо структурно-функционального аспекта проблемы большое значение имеет специфика социальной реальности, в рамках которой разворачивается деятельность отдельных людей. От характера процесса социализации, а также транслируемых в его рамках мировоззренческих установок в существенной мере зависит способ отношения членов общества к социальным процессам. Наличие отдельных социальных проблем еще не является отправной точкой формирования негативного отношения к обществу. Однако выход на уровень сознательной рефлексии нереализованных потребностей людей приводит к возникновению общественного резонанса, одним из проявлений которого является значительный рост уровня социальной напряженности.

Не следует, однако, считать, что высокий уровень способностей по критическому осмыслению общественной реальности представляет собой негативный фактор. Речь идет скорее о том, что абстрактное осознание отдельных социальных проблем, без отражения их включенности в общую структуру общественных процессов, может привести к росту социальной напряженности, в силу непонимания субъектом познания общей картины ситуации в обществе.

Оптимизация процессов формирования конструктивных установок социального сознания в данном случае является одним из приоритетных направлений социальной регуляции, поскольку речь идет не просто о поддержке существующей власти, но и о понимании

людьми сущности политических, экономических процессов, изменений в законодательстве и т. д.

Проблема экстремизма находится в непосредственной взаимосвязи с вопросом о структуре общественных отношений и степени их адекватности. Развитие деструктивных тенденций определяется широким спектром факторов (с чем отчасти связано многообразие форм экстремизма), к числу которых относятся: степень сбалансированности общественной структуры, уровень и формы общественного сознания, а также степень эффективности деятельности правоохранительных органов, направленной на пресечение уже существующих очагов социальной деструктивности.

Адекватное противодействие экстремизму требует соблюдения ряда условий, к числу которых относятся: формирование устойчивой теоретико-методологической базы, на основании которой возможно отражение основных (в том числе и деструктивных) тенденций социального развития, прогностическая деятельность, на основании которой возможна эффективная профилактика экстремизма, а также оптимизация общественной структуры, определяющая общее повышение защитных функций общества.

Являясь сложным социально-политическим феноменом, экстремизм противоречит социальной структуре и в то же время сам представляет систему отношений и действий, примером чего служит такая форма, как радикально настроенные группы населения. Феномен экстремизма может проявляться посредством функционирования деструктивных социальных групп, в то же время проявление экстремизма на уровне индивидуального межличностного общения невозможно.

Таким образом, экстремизм представляет собой групповой социальный феномен и может быть познаваем не на статическом уровне криминогенности обстановки, а скорее в каузальной динамике групповых и межгрупповых связей. Для исследования перспективны такие направления изучения экстремизма, как анализ факторов развития проблемы на уровне структуры и социального сознания. При таких условиях отражается культурно-информационная сторона вопроса. Наиболее значимым в рамках исследования выступает анализ состояния общественной структуры, так как экстремизм, по сути, является разрушением структуры социальных отношений. Подобный анализ является основой для создания целостной картины экстремизма, тем самым способствуя созданию эффективной системы борьбы с ним.

В настоящее время существенной проблемой является концептуализация экстремизма, что объясняется двумя особенностями социального феномена экстремизма. В первую очередь, это тот факт, что при стремительном развитии общественной системы и ее принципиальных трансформациях (глобализация, информатизация и т. д.), объяснения феномена экстремизма в середине или конце XX века не являются актуальными в настоящее время. В то же время исследования феномена экстремизма проводятся в рамках различных научных направлений, что приводит к рассмотрению в ис-

следуемом объекте разнообразных аспектов, представляющих интерес для конкретных дисциплин. Тем не менее целостное исследование экстремизма как общественного явления до сих пор отсутствует. Фрагментарное знание об экстремизме, полученное при исследовании лишь одного аспекта, не может привести к выработке адекватной системы противодействия ему, поэтому изучение этого социального явления требует отражения индивидуальных, групповых, общесоциальных факторов его развития. По своей сути экстремизм феноменален, что для достижения эффективных результатов требует применения к его изучению инструментов феноменологии. В то же время экстремизм представляет собой структурный процесс, который протекает на уровне общества, поэтому актуализируется приоритет функционалистского и институционального подходов к его исследованию.

Социальные трансформации вывели на трансграничный уровень не только политический, но и прочие социальные институты. Трансграничные системы являются естественным результатом развития и самоорганизации социальных институтов. Основные векторы развития мирового сообщества формируются путем усложнения социального процесса, приводящего к возникновению крупных образований в структуре социальных институтов.

На новый уровень выходит и процесс специализации (в первую очередь это отражается на экономической сфере). Достижению наибольшей экономической эффективности способствует тенденция к распределению видов экономической деятельности по территориальному критерию. В итоге в рамках отдельного общества происходит смещение социального процесса в приоритетную для мирового сообщества сторону. Здесь стоит отметить взаимообусловленность экономической и политической сфер, что диктует необходимость принимать данный фактор во внимание при исследовании феномена экстремизма и выявлять экстремистские тенденции как в сфере политики, так и в экономике.

В современном обществе дисфункция определенного социального института может привести к нежизнеспособности локальных социальных систем, так как представляет собой системный процесс. В то же время социальная дисфункция проявляется во времени, поэтому ее влияние на социальную систему может дать о себе знать через десятилетия. Для снятия проблемы деструктивности социальных процессов необходим мониторинг и противодействие социальной дисфункции. Являясь относительным понятием, эффективность социального института отражает функциональное взаимодействие частного, общего и глобального характера.

Принимая во внимание концепцию самоорганизующейся глобальной социальной системы, эффективность можно определять путем оценки системных связей и отношений между социальными институтами в рамках конкретной социальной системы. В случае, если нарушена функциональность отдельного социального института, последствия определяют изменения как всей социальной системы, так и ее отдельных

элементов. Таким образом, актуализируется изучение системных оснований проявления экстремизма в современном обществе.

Гиперфункция социальных институтов напрямую зависит от социальной дисфункции и представляет собой либо реакцию на нее, либо ее следствие. При исследовании дисфункции социальных институтов гиперфункция может служить маркером, так как представляет собой замещение содержания ослабленных, разрушенных социальных институтов.

В рамках локальной системы гиперфункция может оцениваться с двух точек зрения: как результат развития самостоятельного государства (устойчивая гиперфункция – специализация государства, временная – кризис, функциональное замещение) и как результат проникновения ценностей другой системы (более развитой, либо более крупной). В современных условиях можно выделить два типа проявления гиперфункции в обществе, представляющих собой противостояние двух систем, – западной и традиционной. Для западной системы характерна гиперфункция политики, экономики, образования и права, в традиционной системе гиперфункцией обладают институты семьи и религии.

Для локальной системы характерно противостояние внешней среде, которое может проявляться такими способами, как захватничество и самосохранение. При этом захватническая система, приобретая новое пространство, рискует собственной самоидентичностью, а система, не стремящаяся к захватничеству, вынуждена вырабатывать механизмы самозащиты. Для системы также характерен такой процесс, как переход внутренних проблем на внешний уровень, и наоборот. Соотнесенность внутренних и внешних процессов становится причиной появления дисфункции, гиперфункции и деструкции социальных институтов. В то же время сам процесс глобализации, по сути, не деструктивен, а наоборот – помогает повышению эффективности некоторых сфер социальной жизни.

В то же время процесс перехода и адаптации общества может привести к дисфункции социальных институтов. Так как именно на переходном этапе общество становится наиболее уязвимым для деструктивных воздействий, то одной из первостепенных задач государства становится оптимизация и регулирование социальных процессов, что и является показателем силы общества и его внутренней устойчивости. Экстремизм здесь являет собой такое состояние социальной группы, в котором эта группа представляет интересы внешней системы, будучи частью локальной социальной системы.

Специфика отражения социальной реальности в сознании общества способствует прояснению феномена экстремизма. Традиционный тип социального мировоззрения подразумевает пассивное восприятие социальных норм и установок. В то время как для инновационного мировоззрения характерно индивидуальное осмысление реальности, что ограничивает семейную и религиозную социализацию. Мировоззрение формирует социальный институт образования (дающий базовые

установки), а также средства массовой информации (дающие материал для критического осмысления). В российском обществе на настоящий момент актуализировалось противоречие социальных установок и ценностных оснований. Это сформировало ситуацию, когда окончательно неустановленная приоритетность традиционной или инновационной модели поведения приводит к стремлению к активной позиции, с одной стороны, но в то же время к пассивному традиционалистскому восприятию социальных изменений (выраженному в смещении вектора ответственности на абстрактные силы), с другой.

Экстремизм, являясь объектом социальной реальности, обладает рядом характеристик:

- являясь сложным явлением, не определенным понятийно, но представленным обрывочно на уровне социального сознания, экстремизм приводит к возникновению такого деструктивного феномена, как неосознанное вовлечение в экстремистскую активность отдельных представителей социума;
- важным направлением в процессе противодействия развитию экстремизма в обществе выступает предотвращение появления деструктивных материалов в СМИ, так как степень подверженности экстремистским установкам отдельных членов общества зависит от степени развитости социального сознания;
- для оценки государственной политики по противодействию угрозе экстремизма используют ряд факторов, таких как общий уровень доверия к власти, степень осознанности социального мировоззрения членов социума, их понимание специфики экстремизма как феномена;
- важным условием успеха в борьбе с экстремизмом является формирование системы мер по противодействию деструктивным процессам в обществе в сфере формирования социальных установок его членов.

Эффективность стратегии противодействия угрозе экстремизма в современной России зависит не только в активном действии со стороны правоохранительных органов, но и в выработке комплекса методов оптимизации социального процесса для повышения защитных возможностей общества.

Экстремизм представляет собой феномен группового сознания, существенно отличающийся от традиционного криминального оценкой противоправности действий, которая в случае экстремизма не существует: экстремист уверен в своей правоте и стремлении к справедливости.

На современном этапе развития общества можно говорить о тесной взаимосвязи между социальным сознанием членов общества и деятельностью СМИ. Информационные сообщения, публикуемые в СМИ и на Интернет-ресурсах, формируют среди членов общества определенное отношение к отдельным сферам социальной реальности.

В результате исследования медиапредставленности феномена экстремизма в современном российском обществе мы получили следующие результаты. Контент-анализ более 90 000 публикаций, упоминающих

проблематику экстремизма в период с 01.01.2002 по 30.06.2015 года, показал, что менее 10 процентов сообщений (6940) соответствует отражению проблемного поля.

Большинство публикаций при этом упоминает экстремистскую проблематику как понятный, само собой разумеющийся феномен современного общества. Другими словами, в современном обществе экстремизм, экстремисты, экстремистские организации представлены как интенциональные объекты социального сознания (без осмысления и раскрытия содержания).

Сообщения, имеющие лейтмотивом проблему экстремизма, неоднородны по своему содержанию, но подобно с социальными событиями экстремизм в них приобретает качественную определенность, актуализирует различные стороны проблемы.

Согласно викимонологическому анализу масс-медиа, в качестве жертв экстремизма чаще имеются в виду жертвы терактов, противостоят экстремизму Президент, силовые структуры и их представители. Интересен с точки зрения исследования тот факт, что государство, народ и вовлеченные в экстремизм лица в масс-медиа значительно реже представляются жертвами экстремизма.

Институциональный анализ контента масс-медиа (6571 сообщение на уровне телевидения в период с 01.01.2002 по 30.06.2015, охват исследования – федеральный и региональный) показал, что представленность феномена экстремизма в медиапространстве в контексте институциональной взаимосвязи неоднородна и содержит вполне конкретные тенденции. За отчетный период наибольшую актуальность приобретает правовой аспект видения проблематики экстремизма (2267 сообщений), на втором и третьем месте (без яв-

ного преимущества) политическая (1588 сообщений) и религиозная (1358 сообщений) проблематики. В то же время в контексте институтов экономики и образования сообщений значительно меньше (706 и 654 – соответственно), тогда как в контексте института семьи – всего лишь 178.

В результате можно судить о том, что на протяжении отчетного периода феномен экстремизма как медиадетерминанта социального сознания актуализировался в связи с правовой, религиозной и политической проблематикой. Такие сферы, как экономика, образование и семья, рассматриваются значительно реже и не имеют явно представленного контекста.

Опрос экспертов показал несоответствие образа экстремизма в социальном сознании реальным факторам проявления феномена экстремизма.

Среди факторов, способствующих стабилизации современного российского общества, эксперты отметили поддержку и развитие институтов образования, семьи и религии. Также эксперты отметили тот факт, что неудовлетворенность экономическими условиями усложняет ситуацию в стране.

На данный момент в результате экономизации российского общества возникла гиперфункция института экономики, что ориентирует социальное сознание на уровень благосостояния как принципиальный показатель эффективности государства.

На данный момент это представляет наибольшую опасность с точки зрения возникновения экстремистских тенденций. Поэтому столь важно на сегодняшний день поддержание пострадавших от экономизации общества социальных институтов, среди которых приоритетными являются наука и образование.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Бельский В.Ю. Технологии противодействия молодежному экстремизму в условиях глобализации // Избранные научные труды Москва, 2017. С. 19-23. Belsky V.Yu. Technology of counteracting youth extremism in the context of globalization // Selected scientific works Moscow, 2017. S. 19-23.
2. Карнаушенко Л.В. Факторы деформации правосознания россиян на современном этапе // Общество и право. 2014. №2. Karnaushenko, L.V. Factors of deformation of legal consciousness of the Russians at the present stage // Society and law. 2014. No. 2.
3. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. Kubyakin O.E. Youth extremism in the globalized information and communication environment of social life: the dis. ... d-ra soc. sciences. Krasnodar, 2012.
4. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014. Kulikov E.M. Rumors as an element of network communication in the Internet space of modern Russia: dis. ... d-ra soc. Sciences. Krasnodar, 2014.
5. Некрасов Д.Е. Расово-этнический экстремизм (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. Nekrasov D.E. Racial-ethnic extremism (criminological aspect): dis. ... candidate. the faculty of law. Sciences. Ryazan, 2006.
6. Сальников Е.В. Принятие экстремизма обществом: поливариантность утопий. // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 7-12. Salnikov E.V. Acceptance of extremism by society: the polyvariance of utopias. // Philosophy of law. 2015. No. 2 (69). Pp. 7-12.
7. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. Upornikov R.V. Political and legal technologies of the information counter extremism in Russia: Avtoref. dis. ... candidate. the faculty of law. Sciences. Rostov n/D., 2007.

@ И.В. Полозова. 2018

Features of the Russian civilization and conditions of its revival**Особенности российской цивилизации и условия её возрождения**

Irina Vladimirovna Polozova,
 doctor of philosophical sciences,
 professor in the department of sociology
 and political science of the Moscow University
 of the Ministry of internal Affairs of Russia
 named after V. J. Kikot,
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,
 доктор философских наук,
 профессор кафедры социологии и
 политологии Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Annotation. The article discusses the foundations of Russian civilization, emphasizes that the specificity of civilization is determined by spiritual factors, among which Orthodoxy has a special place. The conditions of revival of the Russian civilization are highlighted, among which the restoration of spiritual traditions and social ideals occupies a special place.

Keywords: civilization, Russian civilization, civilizational foundations, cultural tradition, social ideal, type of education

Аннотация. В статье рассматриваются основы российской цивилизации, подчеркивается, что специфику цивилизации определяют духовные факторы, среди которых особое место принадлежит православию. Выделяются условия возрождения российской цивилизации, среди которых особое место занимает восстановление духовных традиций и общественных идеалов.

Ключевые слова: цивилизация, российская цивилизация, цивилизационные основы, культурная традиция, общественный идеал, тип образованности

Для цитирования: Полозова И.В. Особенности российской цивилизации и условия её возрождения. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 75-77.

Осмысление особенностей российской цивилизации изначально являлось одной из центральных проблем русской мысли. Цивилизационный подход сохраняет свою актуальность и поныне. По словам Патриарха Кирилла, «Россия — это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат»¹.

Среди множества толкований термина «цивилизация», по-видимому, преобладает идущее от немецкого мыслителя О.Шпенглера, представляющее цивилизацию как стадию развития общества, связанную, прежде всего, с высоким уровнем науки и техники, на которой находится данное общество. Данное понимание исходит из внешних параметров оценки жизни общества, таких, как уровень комфортности или развитие технологий. И, как показал О.Шпенглер, наступление такой технической цивилизации означает упадок духа, создавшего народ и его культуру.

Русская философская и политическая мысль исходит из иного понятия цивилизации, тождественного культурно-историческому типу, в основе которого лежат, прежде всего, духовные представления общества. Начиная от митрополита Илариона и инока Филофея с его теорией Третьего Рима, смысл российской ци-

вилизации виделся, прежде всего, в сохранении православия в его чистоте и неповрежденности. В качестве глубинной основы русской цивилизации выступает православная религия, связанная с исканиями истины и правды у русского народа.

Выдающийся отечественный мыслитель А.С.Хомяков видел в качестве цивилизационных основ России «всецелый разум» и «живую истину», соборность как свободное единство церкви и общинный характер русской жизни. Первоосновой характера русского народа он считал его духовную целостность и подлинное смирение, и полагал что лишь на данной основе возможно осуществить подлинную христианскую жизнь, явить миру общество православное, общественную правду во Христе. Российская цивилизация имеет, кроме того, и общественный идеал, который является идеалом святости.

Согласно взглядам, другого крупного отечественного мыслителя Н.Я.Данилевского, основой цивилизации является, в первую очередь, «деятельность религиозная, объемлющая собою отношения человека к Богу, твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека»².

Н.Я.Данилевский указывает на особое значение для российского культурно-исторического типа религиозного основания: «Религия составляла самое суще-

ственное, господствующее... содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей.»³.

По Данилевскому, религиозная основа является основой российской цивилизации как объективно, в силу исторических причин, благодаря историческому жребии русских быть хранителями православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, так и со стороны субъективной, проявляющейся в особенной жажде ими религиозной истины. Проявления религиозности русского типа составляют как консервативность, не допускающую ни малейших перемен во внешней форме святыни, так и способность к религиозно-философскому мышлению.

Таким образом, русская философская мысль представляет результаты вдумчивого осознания основ русской православной цивилизации, каковыми являются, в первую очередь, её духовные, православные корни. Именно православие для русской культуры является идейным центром, сохраняющим идентичность общества, целостность русского этноса. Основанная на православии русская цивилизация призвана служить оплотом православной веры, осуществить христианскую жизнь, общественную правду во Христе.

В качестве условий возрождения российской цивилизации следует назвать **следующие задачи**:

Задача первая: возрождение православных традиций

Слово традиция происходит от лат. traditio, восходящего к глаголу tradere, означающего «передавать». Традиция – это консервативный элемент культуры, задающий и обуславливающий её устойчивость, то, что в неизменном виде передается из поколения в поколение. Каждый культурно-исторический тип основывается на традициях, которые во многом определяют культуру, государственность, быт, уклад, экономику. При этом именно религия является основой всей многосложной системы традиций.

Традиция также определяет условия, в которых воспитывается и реализуется личность. Человек формируется на основе традиций, закрепленных на уровне быта и образа жизни народа. В рамках традиции, поэтому, формируется определенный тип личности. Вне традиции народ является нежизнеспособным. Утрата духовно-нравственных традиций, объединяющих народ, приводит в действие механизм автономной морали, постепенно разлагающий общественную жизнь.

Традиция, поэтому, является формой самосохранения народа. Становление русского народа было неотделимо от принятия им христианской религии, а его духовная жизнь всецело определялась православными традициями. Поэтому, принципиальным для сохранения русского культурно-исторического типа является возрождение традиционных ценностей православия, отрицание которых ставит российскую цивилизацию на грань гибели.

Задача вторая: дальнейшее укрепление российской государственности

Русский философ и выдающийся публицист нашего времени А.С. Панарин проанализировал проблемы, стоящие перед российской цивилизацией в современном мире. Он выявил угрозу со стороны западного мира, формулируемую в виде следующей дилеммы:

«Либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своем традиционном виде она представляет вызов «цивилизированному человечеству», а также, надо полагать, собственному «цивилизированному» меньшинству»⁴.

И для того, чтобы противостоять давлению западного мира и сохранить свою самобытность, ибо для России стать западной страной означает утрату цивилизационной специфики и по сути, окончание её существования в качестве отдельной цивилизации, необходимо укрепление власти и силы государства, его военной мощи, сохранение исторической памяти, воспитание патриотизма.

Задача третья: преодоление раскола в российском обществе

Другая проблема современной России заключается в том, что наше общество во многом является расколотым. Народ разделяется по отношению к основным цивилизационным ценностям и оценке исторического пути России. Так, определенная часть нашего народа разделяет ценности западной цивилизации, значительная часть, особенно старшее поколение, сохраняет приверженность идеям советского периода. Исследования ВЦИОМ, проведенные в 2017 году, посвященные оценке событий Октябрьской революции, показали, что в отношении к событиям столетнего прошлого общество является поляризованным⁵. Но, кроме того, по мнению архимандрита Георгия Шестуна, и православный народ оказался разделенным на две части. Многие из тех, кто исходя из исторических традиций и нравственных ориентиров, считает себя православными с точки зрения своей принадлежащими к российской цивилизации, остается оторванным от православных корней, от практики веры, богослужбной жизни. Отдалившись от духовных основ своей цивилизации, они не могут в полной мере открыть для себя всю глубину смыслового пространства отечественной традиции, а значит, сохранить ее и передать следующим поколениям.

С другой стороны, те члены общества, кто приобщен к Церкви, нередко отказываются от исполнения ее цивилизационной миссии. Они замыкаются внутри церковной ограды и резко начинают противопоставлять себя «миру, лежащему во зле». К сожалению, такие ревностные христиане также не могут передать духовный смысл Православной цивилизации. У этой категории верующих теряется полнота восприятия родной культуры, уклада жизни, сопричастности Православной цивилизации как культурно-историческому типу. Такие люди тоже не могут передавать потомкам православную культуру, потому что они оторваны от исторического бытия России, от жизни государства, великого культурного слоя.

Данный раскол в обществе обусловлен наследием длительного атеистического периода, отвергающим цивилизационную миссию Церкви. Задачи, поставленные атеистическим государством: культурная революция и формирование нового (советского) человека, – носили антицивилизационный характер. Все сферы жизни и деятельности человека были отлучены от Церкви, от родной традиции и духовных корней. Это сопровождалось беспрецедентным насилием, на организацию которого была направлена вся мощь государственной машины. Существовавшие прежде структуры Церкви,

позволяющие ей осуществлять цивилизационную миссию, были разрушены.

Поэтому, сегодня получается, что, несмотря на формальную принадлежность к православию большинства современного населения России, люди являются раздельными. Одни не могут хранить и передавать традиции, потому что отгородились от мира, другие – потому что не имеют для этого понимания и сил, поскольку не живут духовной жизнью. Вместе с тем, оба этих жизненных вектора нашего общества должны встретиться, чтобы взаимообогатить друг друга.

Воцерковить людей, отождествляющих себя с Православием, и вернуть в родную цивилизацию воцерковленных людей является, поэтому, важной задачей нашего времени. Церковь сегодня стремится разрешить существующее противоречие, воссоединив воедино в сознании и практике народа, в повседневной жизни принадлежность к Православной цивилизации с принадлежностью к Православной Церкви.

Задача четвертая: осуществление нравственного закона и восстановление общественного идеала святости

Наследием драматического XX века является искажение ценностного порядка, определяющего духовное измерение общества. Ныне общество потребления диктует свои эталоны и вкусы, нередко диаметрально противоположные истинным ценностям. Происходит деформация ценностного ряда, что сказывается трагически на жизни множества наших соотечественников. Необходимо сформировать в общественной жизни верную шкалу ценностей, правильный «порядок любви», который заключается в удержании в сознании людей закона добра и Божественной правды как ориентира исторического развития народов и цивилизаций.

Традиционно высшей ценностью человечества являлось священное, сакральное, связанное с Божественным присутствием. Поэтому, важной задачей является возрождение в обществе идеала святости. Православие создало общественно значимый воспитательный идеал – святость как тип личности, с которым соизмеряет себя всякий человек, и который практически реализуется жизнью в Церкви. Примером такого идеала могут служить, например, образы преп. Сергия Радонежского, благоверного князя Александра Невского и других.

Задача пятая: подготовка кадров для православной цивилизации

Православная цивилизация строится людьми, и для её возрождения должны быть подготовлены соответствующие кадры, которые играют роль «закваски» по отношению к православной цивилизации.

Задача шестая – создать новый тип образованности, предполагающий одновременно думающего и верующего человека, человека с «верующим разумом».

По мнению И.В.Киреевского, главное отличие православного мышления заключается в том, что «оно стремится самый источник разума, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою»⁶.

По его словам, для достижения данной задачи необходимо собрать воедино разрозненные силы нашей души, не признавать отвлеченной логической способности за единственный орган познания истины, но обрести в глубине души внутренний корень разума, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума.

Свободное развитие естественных законов разума не может быть вредно для веры мыслящего человека. Вера не слепое понятие, но она является высшей разумностью, живительной силой для ума. Для веры развитие естественного разума служит только ступенью, и, превышая обыкновенное состояние ума, она вразумляет его, что он отклонился от своей первичной цельности, и этим вразумлением побуждает к возвращению на степень высшей деятельности. Ибо верующий знает, что для цельной истины нужна цельность разума, и искание этой цельности составляет постоянную задачу его мышления.

Находясь на высшей степени мышления, истинно верующий легко может понять все системы мышления, исходящие из низших степеней разума, и видеть их ограниченность и вместе относительную истинность. Но для мышления, находящегося на низшей степени, высшая непонятна и представляется неразумием. Таков закон человеческого ума вообще.

Такой верующий разум сохраняется в писаниях святых отцов православной церкви, труды которых, как живые искры, готовы засветить путеводительный фонарь для разума, ищущего истины.

Таким образом, согласно православной традиции в области познания, высшим способом мышления является целостный разум, согласный с верою.

Задача седьмая – формирование подлинной национальной элиты

Приобщение к подлинным ценностям православной цивилизации способствует формированию, воспитанию носителей современной национальной идеи, национальной элиты. Именно подлинная национальная элита является проводником идей и ценностей православной цивилизации с тем, чтобы способствовать укреплению и распространению православной веры, а также осуществить христианскую солидарность, явить миру общество православное, общественную правду во Христе.

¹ Речь Патриарха Кирилла от 31 октября 2013 г. на заседании XVII Всемирного Русского Народного Собора по теме «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа», <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html>

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е — М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. — с 577.

³ Там же, с.577

⁴ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире// Панарин А.С. Православная цивилизация/ сост, предис. В.Н. Расторгуев/ отв.ред.О.А. Платонов М, Институт русской цивилизации, 2014, с.52.

⁵ Октябрьская революция: 1917-2017 // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>

⁶ Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии//Полное собрание сочинений И.В.Киреевского в 2-х томах, М., Типография Императорского Московского Университета, 1911, т.1, с.249

@ В.В. Плотников. 2018

A few words about the contribution Leibniz in the development of scientific journalism

Несколько слов о вкладе Лейбница в развитие научной публицистики

Vladimir Valerievich Plotnikov,
Doctor of Sociology, Associate Professor of
the Department of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation

Владимир Валериевич Плотников,
доктор социологических наук, доцент кафедры
философии и социологии Краснодарского Уни-
верситета МВД РФ
E-mail: inkognito13@inbox.ru

Annotation. The text of the article explores the relationship between the natural sciences and the interpretive disciplines or spheres (one of which is journalism). The gap between reality and its representation, between knowledge and action creates a distorted picture of the world, causes an imbalance in the work of many structures, hindering the development of society. The author proceeds from the position according to which the new European legal system as a phenomenon can be considered a prototype of a true analytical art that does not lose its significance in our time.

The article substantiates that the questions of the universal language and the sufficient basis for the events taking place in Leibniz's journalism from the point of view of finding the principles of development common to all sciences is no less urgent for legal journalism: solving the problems of interaction of social, natural and technical sciences - issues of epistemology and logic, methodology and clarity of language is also a necessary part of the journalist's work.

Keywords: journalism, Leibniz system of law, the first scientific journal, society, regulation of the media institute

Аннотация. В тексте статьи исследуется взаимосвязь между естественными науками и интерпретирующими дисциплинами или сферами (одной из которых и является журналистика). Пропась между реальностью и ее представлением, между знанием и действием создает искаженную картину мира, вызывает дисбаланс работы многих структур, тормозя развитие общества. Автор исходит из позиции, согласно которой, новоевропейскую правовую систему как феномен можно считать прообразом истинного аналитического искусства, не теряющего своей значимости и в наше время.

В статье обосновывается, что вопросы универсального языка и достаточного основания происходящих событий, поднимаемые в публицистике Лейбница с точки зрения отыскания единых для всех наук принципов развития – вопрос не менее актуальный для правовой журналистики: разрешение проблем взаимодействия общественных, естественных и технических наук – вопросов гносеологии и логики, методологии и ясности языка – также необходимая часть работы журналиста.

Ключевые слова: публицистика, система права Лейбница, первый научный журнал, общество, регулирование института СМИ

Для цитирования: Плотников В.В. Несколько слов о вкладе Лейбница в развитие научной публицистики. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 78-80.

Публицистикой можно назвать периодический выход в свет трудов определенной тематики. В этом смысле, деятельность Лейбница как философа, правоведа, политика и ученого может быть по принципу названа публицистической. Однако есть основание полагать, что деятельность Лейбница как публициста простирается значительно дальше практических действий по изданию собственных трудов. Он являлся фактическим идейным генератором нового, для 17-го века явления – научно-философской публицистики. Здесь необходимо обратиться к общей ситуации на тот момент, а именно – последовательного возникновения в Европе трех ведущих на-

учных журнала. «Научные журналы, сообщавшие в своём заглавии о философской специализации, фактически были универсальными научными журналами или научными журналами с естественнонаучной специализацией. Однако они печатали философские статьи, сообщали о новостях философской жизни, рецензировали книги по философии».

Первый, «Journal des sçavans» возникает во Франции 5 января 1665-го года Второй, буквально через краткий срок создается в Англии Лондонским королевским обществом в марте того же года. Его название – «The Philosophical Transactions of the Royal Society» в последствие было сокращено до

«The Philosophical Transactions». Уникальность издания заключается в том, что на момент сейчас – это старейшее научное издание (в отличие от французского предшественника издается и по ныне). В истории европейской публицистике существует расхожее мнение по поводу самостоятельности в интенции создания подобного издания. Так пишет о том, что «в середине 17-го века. Англия была одной из тех западных стран, где прогресс научного знания шел самыми быстрыми темпами [4], что позволяет утверждать историческую необходимость возникновения издания. Третий выходит в свет в Лейпциге, в Германии под именем «Acta Eruditorum». У его основания стоит Отто Менке, хорошо знакомый с Лейбницем. Он привлекает великого философа и ученого к осмыслению нового проекта и тот, в свою очередь последовательно излагает, каким он видит научный журнал, претендующий не на Германский уровень, а на общеевропейский. Лейбниц, понимая политическую слабость раздробленной Германии (которая тогда именовалась Священной Римской Империей), изнуренной тридцатилетней войной, предложил не использовать родной язык для создания научного журнала. Но и говорить на языках более успешных стран он не считал подходящим. Идея Лейбница заключалась в лингвистической универсализации в области науки, отсюда традиция использования латыни была, по его мнению, мерой наиболее приемлемой [2].

В последствие именно в этом издании Лейбниц размещает свои первые публикации, такие как «О праве наследования» [3] и другие (пока не нашел, но они точно были!). А позже Лейбниц выходит на уровень публикаций в иностранном журнале «The Philosophical Transactions», где, собственно, и происходит его конфликт с другим выдающимся ученым своего времени – Ньютоном [1].

Будет справедливо сказать, что если не считать одной уже весьма поздней, более того, сравнительно недавней доктрины, то теория Лейбница, относящаяся к праву наследования, не только не нашла себе подражателей вовсе, но и не оказала решительно никакого влияния на науку и литературу предмета, а тем менее на законодательство. Теория Лейбница, повторяем, стоит вполне одиноко, вне связи с течением мысли и эволюцией в области философии наследственного права.

Мы имеем в виду то воззрение Лейбница, которое выражено в его знаменитом рассуждении: «Nova methodus discendae docendaeque iuris-prudentiae», бесспорно, крупнейшем из немногочисленных, впрочем, трудов нашего автора по праву и правоведению, особенно же частному.

««Nova methodus», – замечает Куно Фишер, – это последнее по времени произведение Лейбница

за его университетские годы, единственное притом за этот период, которое не предназначалось служить той или иной академической цели». Действительно, цель и повод здесь были другого рода. Данная работа должна была явиться для ее автора переходной ступенью от жизни университетской к жизни уже практической. И надо сказать, что эту свою цель работа, действительно, хорошо выполнила. Она, несомненно, облегчила автору получение искомой им должности и, следовательно, в известной степени предопределила всю будущую карьеру молодого ученого.

Эти факты упоминаются нами потому, что они далеко не безразличны для самого содержания труда Лейбница и его оценки. Дело в том, что в тесной связи с сейчас изложенными обстоятельствами и соображениями Лейбниц счел нужным проявить особую поспешность и свое сочинение написал в несколько всего дней, написал в дороге, не имея под рукою даже необходимых литературных пособий.

А такая поспешность наряду с необыкновенной молодостью автора («Nova methodus» относится к 1667-1668 гг., когда Лейбницу, только что пред тем удостоившемуся докторской степени в Альтдорфе, было от рождения немногим больше двадцати одного года) отразились на работе крайне чувствительно и повлияли на нее отнюдь не в благотворном смысле.

Правда, в своей основной части и в руководящем своем замысле сочинение остается все же выдающимся и замечательным. Объявленный молодым гением поход против завещанной методы изучения и преподавания права, – методы схоластической, не только Аристотелевской, но и значительно позднейшей, связанной с именем известного Pierre de la Ramee (он же Petrus Ramus), – этот поход во имя естественности, систематичности и научности юриспруденции был, бесспорно, и правилен, и необыкновенно важен и, конечно, дал прекрасные результаты.

Точно так же и правильным и спасительным оказалось выступление Лейбница в этой же работе и против еще другого крупного зла: против системы изучения права в так называемом легальном порядке источников римского права. Этот порядок, или говоря конкретнее, порядок размещения юридического материала в юстиниановых законодательных сборниках вызывает резкую критику и осуждение нашего философа-юриста. ««Methodi iustini-anaeae vitia», – заявляет он, – требуют обновления полного и решительного, ибо, с одной стороны, «docendae iurisprudentiae methodus» обнимает «et methodum disponendae», а с другой стороны, очевидно, что «methodum legum hodierno aevo plane non esse accomodatam».

Все это, разумеется, высоко интересно и, настаиваем, принесло огромную пользу. К искреннему,

однако, сожалению, нельзя никак утверждать того же самого о других частях или, скромнее, о других местах сочинения молодого Лейбница? – местах, имеющих прямое отношение к наследственному как раз праву.

И если впоследствии, в преклонном уже возрасте, наш философ возвращается мысленно к своему юношескому произведению, высказываясь о нем или, точнее, о некоторых заключающихся в нем взглядах и положениях не без сочувствия и даже удовольствия, то можно смело утверждать: это не те взгляды и не те положения, которые относятся к праву наследования. И обратно: когда всепреданный великому философу Христиан Вольф в своем известном предисловии к данному труду Лейбница делает то ценное признание, что его учитель в зрелые годы успел во многом изменить свое мнение и от многого, что было некогда высказано, успел отказаться достаточно решительно, то это признание, без сомнения, относится – и притом первее всего – не к иному чему как к Лейбницеву учению о том же праве наследования.

Но пора перейти к содержанию этого учения, к непосредственному ознакомлению с ним. Дважды на пространстве своего методологического произведения Лейбниц рассуждает о наследовании: в связи с субъектом права, раз, и со способами приобретения права, два.

Что касается субъекта права, то таковым согласно пониманию автора может служить не только лицо, которое в свою очередь бывает или естественное (Бог, ангел, человек) или «гражданское» (*persona civilis*), т.е. юридическое, но и вещь. «*Res quoque subiectum iuris est et obligationis*», – учит Лейбниц.

Итак, еще раз: только наследование нисходящих может притязать на более глубокое основание, только оно действительно находит себе настоящую опору и оправдание. Ни наследование боковых, ни даже наследование восходящих не может похвалиться тем же: это установление положительного права, дело рук человеческих, продукт компромисса и подчинения.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Hunter M. The Royal Society and Its Fellows, 1660-1700: The Morphology of an Early Scientific Institution. Chalfont St. Giles: British Society for the History of Science, 1982.-291 p., p. 158.
2. Laeven A. H.: The «Acta Eruditorum» under the editorship of Otto Mencke (1644—1707). The history of an international learned journal between 1682 and 1707. APA-Holland University Press, Amsterdam und Maarssen 1990, ISBN 90-302-1296-9, p. 52-55.
3. Menz G. Leibniz und die Anfänge des wissenschaftlichen Zeitschriftenwesens, *Zeitungswissenschaft* 11 (1936), p. 583.
4. Родаева М. Р. Английская наука второй половины XVII века как культурно-исторический феномен. Диссертация на соискание степени кандидата наук. Саратов 2011. Rodaeva M.R. English science of the second half of the 17th century as a cultural and historical phenomenon. Thesis for the degree of Candidate of Science. Saratov 2011.

@ С.Ф. Самойлов. 2018

Criticism of transcendental interpretation of the explaining installation of consciousness in the western european philosophical tradition

Критика трансцендентальной интерпретации объясняющей установки сознания в западноевропейской философской традиции

Sergey Fedorovich Samoylov,
Head of the Department of Philosophy and
Sociology Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia Doctor of Philosophy,
Professor

Сергей Федорович Самойлов,
Начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор

Annotation. The content of the article is devoted to the development of the transcendental philosophy of science as an alternative to the scientific and naturalistic explanation of the nature of scientific knowledge.

Keywords: transcendentalism, subjective idealism, agnosticism, scientific interpretation, metaphysics, transcendental theory of knowledge, philosophical tradition

Аннотация. Содержание статьи посвящено становлению трансцендентальной философии науки как альтернативы сциентистскому и натуралистическому объяснению природы научного познания.

Ключевые слова: трансцендентализм, субъективный идеализм, агностицизм, сциентистская интерпретация, метафизика, трансценденталистская теория познания, философская традиция

Для цитирования: Самойлов С.Ф. Критика трансцендентальной интерпретации объясняющей установки сознания в западноевропейской философской традиции. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 81-84.

Поворотным моментом в развитии новоевропейского научного мировоззрения и критики философской установки сознания явилась кантовская система, в которой был осуществлен переход от объективного к субъективному обоснованию научного знания. Рассмотрение кантовского учения в качестве философии науки сталкивается с рядом трудностей. Так в истории философии система Канта оценивается неоднозначно, например, м. Хайдеггер рассматривает ее в качестве предпосылки возникновения собственной фундаментальной онтологии, тогда как К. Р. Поппер признает ее частью проекта

Просвещения. Кроме того, в научно-исследовательской литературе кантовское учение может определяться как критический реализм, трансценденталистский феноменализм, субъективный идеализм, агностицизм и т.д. Наличие различных подходов к пониманию кантовского наследия в первую очередь связано с тем, что оно породило два во многом взаимоисключающих направления мысли: трансцендентальную философию и философию науки.

При этом сложность ситуации заключается в том, что если трансценденталистское прочтение кантовской философии рассматривает ее в качестве отправного пункта в формировании субъективистского варианта осмысляющей установки сознания, то сциентистская интерпретация, напротив, говорит о ней как об учении, давшем обоснование специально-научному знанию и предложившему новый путь преодоления метафизики.

Рассмотрим основные моменты кантовской критики осмысляющей установки сознания, исходя из сциентистской интерпретации его философии.

Уже само название основного теоретического произведения Канта «Критика чистого разума» говорит о намерении немецкого мыслителя выяснить пределы и возможности философского сознания.

Теоретической базой данной проверки служит сопоставление объясняющей установки сознания и связанного с ней научного мышления с осмысляющей установкой, служащей основанием для спекулятивной философии и теологии. По Канту, разница между этими двумя установками сознания заключается в различии раскрываемых в них предметах.

При этом истинное понимание любого рода предметности возможно только путем выяснения ее отношения к сознанию. Такой подход к обоснованию научного знания и к осуществлению научной критики философского сознания во многом является революционным, что позволило самому Канту сравнить его с коперниковским переворотом в астрономии. «До сих пор считали, что всякие наши знания должны соотноситься с предметами.

При этом, однако, кончалась неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны

сообразоваться с нашим познанием... здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя»[2].

В истории понимания структуры и характера объяснения данный «коперниковский переворот в истории» означал, что с этого момента объяснение престаёт рассматриваться в качестве установления механизмов взаимодействия различных предметов и начинает рассматриваться как результат соединения объективных предпосылок опыта с познавательными способностями человека. Тем самым объяснение из простого отражения реальности превращается в синтез априорного и апостериорного знания.

Это превращение означало коренное изменение в самой процедуре обоснования. Если ранее считалось, что науки претендуют на истинность, поскольку каждой из них соответствует определенный срез реальности, то Кант выдвинул идею, согласно которой истинность – это не только соответствие знания предметности, но и выражение общечеловеческих принципов мышления. Поэтому обоснование истинности науки, также как и критика философского мышления, должны иметься своей теоретической базой анализ надывидуальной, трансцендентальной структуры сознания.

Раскрывая специфику кантовской трансцендентальной аналитики и ее отношение к предшествующим формам обоснования науки, П. П. Гайденок отмечает: «В отличие от философов XVII века, Кант анализирует структуру субъекта не для того, чтобы скрыть источники заблуждений, а напротив, чтобы решить вопрос, что такое истинное знание. Если у Бэкона, Декарта, Лейбница субъективное начало рассматривалось как помеха, как то, что искажает и затемняет действительное положение вещей, то у Канта возникает задача установить различие субъективных и объективных элементов знания, исходя из самого субъекта и его структуры.

В самом субъекте Кант различает как бы два слоя, два уровня – эмпирический и трансцендентальный; к эмпирическому он относит индивидуально психологические особенности человека, к трансцендентальному – всеобщие определения, составляющих принадлежность homo sapiens как такового. Объективность знания, согласно учения Канта, обуславливается структурой именно трансцендентального субъекта, которая есть надывидуальное начало в человеке» [1].

Будучи связанным с раскрытием трансцендентальной структуры сознания, обоснование истинности научного знания должно продемонстрировать, во-первых, общие принципы объяснения, а во-вторых – специфику его функционирования в конкретных науках. По Канту, трансцендентальное понимание объяснения кардинальным образом отличается от телеологических и детерминистских интерпретаций. Если телеологическая

трактовка объяснения исходила из того, что раскрыв сущность процессов и явлений можно только выявив конечную цель их развития, а детерминизм полагал главным условием адекватного объяснения установление непосредственной причины возникновения изучаемого предмета, то кантовский трансцендентализм полагает, что подлинно научное объяснение должно исходить из выяснения отношения познаваемого предмета к сознанию. Тем самым теория объяснения Канта приобретает ярко выраженный гносеологический характер, отличающий ее от предшествующих теорий.

Согласно немецкому мыслителю, основной чертой научного объяснения является то, что оно осуществляется с помощью так называемых синтетических суждений априори.

Иными словами, наука является ни чистым аналитическим знанием, занятым получением новых понятий путем разделения уже имеющихся в наличии понятий, ни строго эмпирическим знанием, отражающимся только на данные органов чувств. Желая объяснить какой-либо предмет, наука вынуждена соединять априорные формы человеческого сознания с результатами внешнего созерцания, благодаря этому получаемое знание одновременно содержит как наглядность, так и логическую необходимость.

Раскрывая специфику кантовского понимания научного объяснения, А. Н. Шуман подчеркивает особое значение для трансцендентальной философии следующего вопроса: «Можно ли сказать, что всякое знание является апостериорным, а всякое априорное – аналитическим? Кант отрицательно отвечает на данный вопрос и выделяет еще один класс суждений – априорные синтетические, в которых содержание одного из понятий включает в себя содержание другого, однако подобное включение не может быть удостоверено никаким опытом, т.к. объемы субъекта и предиката лишь пересекаются.

Например, суждение «все, что происходит, имеет причину» не является аналитическим, но при этом оно выражает необходимость и строгую всеобщность – все то, что не может быть дано в опыте. Все арифметические и геометрические положения с этих позиций одновременно априорны и синтетичны. Например, сумму чисел невозможно получить, не прибегнув к созерцанию, несмотря на то, что результат правильного сложения является необходимым и всеобщим. Точно также созерцание требуется, например, для такого геометрического суждения, как «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» - количественное.

Точно также одновременно априорны и синтетичны и положения естествознания. Например, суждение «при всех изменениях телесного мира количество материи остается неизменным» не аналитично, тем не менее, оно обладает всеобщностью и необходимостью»[4].

Отказываясь отождествлять понятия «апостериорное» и «синтетическое», Кант подчеркивает, что научное сознание может объяснить только то, что оно само сконструировало. Это не означает, что мир науки пред-

ставляет собой сферу индивидуального произвола. Напротив, конструирование осуществляется, исходя из объективных и субъективных условий и, следовательно, обладает необходимостью. Вместе с тем, предметы науки не существуют сами по себе, но соотнобразуются с понятиями человеческого разума.

Понимание необходимости конструировать собственный предмет познания, как отмечает Кант в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» резко отграничивает научное знание от философского, в котором его объекты – Бог, мир, душа по-прежнему рассматриваются в качестве предзаданных, а не сконструированных.

По этому поводу он замечает, что «пример математики и естествознания, которые, благодаря быстро совершившейся в них революции... достаточно замечательны в способе мышления, которая оказалась для них столь благоприятной, и чтобы, по крайней мере, попытаться подражать им, поскольку это позволяет сходство их с метафизикой как основных на разуме знаний» [2].

Тем самым Кант, по сути, предлагает философии отказаться от собственной установки сознания, направленной на осмысление мира с помощью онтологизированных понятий и взять на вооружение научную методологию и научную установку сознания. В этом случае задача философии будет заключаться в объяснении того, каким образом того или иного рода предметность становится доступной нашему разуму, т.е. каким образом она конструируется. Отказ от использования онтологизированных понятий в процессе философствования ведет к превращению метафизики в методологию научного познания.

По замыслу Канта, объяснение, проникнув в сферу философии и поднявшись тем самым на уровень рефлексии, способно прояснить не только предметы и методы математики и естествознания, но и познавательные функции самого философского знания. При этом обнаружение объясняющих механизмов конкретных наук служит исходным пунктом для критики традиционной, спекулятивной метафизики, место которой должна занять трансценденталистская теория познания.

Объясняя всеобщность и необходимость выводов, предлагаемых математическими дисциплинами – арифметикой и геометрией – Кант утверждает, что они являются таковыми благодаря соединению априорных, общечеловеческих форм сознания с конкретными данными органов чувств.

В качестве априорных форм созерцания рассматриваются пространство и время, признаваемые немецким мыслителем достоянием субъективного бытия, именно они упорядочивают единичные ощущения, источником которых является объективная реальность – вещи-в-себе.

Соединяя внешние условия и внутренние способности человека, математика предлагает не аналитические (логические) и синтетические (опытные) суждения, но синтетические суждения априори, т.е. выводы, опирающиеся на опыт, обладающие при этом всеобщностью. Комментируя кантовское доказательство наглядности и всеобщности положений математики, П. П. Гайденко отмечает: «Исходные положения геометрии, например, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, не могут быть получены аналитически, ибо,

...из...понятия прямой нельзя логически вывести признак величины расстояния: тут имеет место синтез разных понятий, а он не может основываться на случайном, единичном опыте... Только чистая форма чувственности – пространство – позволяет нам, опираясь на созерцание, в то же время получить необходимую связь двух разных понятий.

Мы чертим прямую линию и непосредственно видим, что она есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Таким образом, рассмотрение пространства и времени не как форм бытия вещей самих по себе, а как априорных форм чувственности познающего субъекта, позволяет Канту дать обоснование объективной значимости идеальных конструкций... математики. Тем самым дается ответ на вопрос: как возможны синтетические суждения, а priori» [1].

В свою очередь всеобщность и необходимость выводов, представляемых естествознанием, обусловлена тем, что человеческий рассудок соединяет имеющиеся у него априорные формы с данными органов чувств, которые теперь предстают не в виде единичных ощущений, но в качестве целостных явлений. Задача рассудочной деятельности, на которой базируется естествознание, заключается в подведении явлений под общие законы.

Данная цель достигается с помощью категорий или чистых рассудочных понятий, которые подобно пространству и времени, являются априорными формами и потому признаются Кантом изначально пустыми и не связанными с объективной реальностью, ноуменальным бытием.

Напротив, категории рассудка, такие, как количество, качество, отношение, модальность и конкретизирующие их понятия сами формируют предметность, которая затем воспринимается обыденным сознанием в качестве предзаданной реальности. На самом же деле последняя есть синтез явлений и спонтанной деятельности рассудка.

Раскрывая специфику синтетической способности рассудка, Кант подчеркивает: «Синтез вообще, есть действие способности воображения, сменой... хотя и необходимой, функции души; Однако задача свести этот синтез к понятиям есть функция рассудка, лишь благодаря которой он доставляет нам знание в собственном смысле этого слова...»

Трансцендентальная логика учит, как сводить к понятиям не представления, а чистый синтез представлений. Для априорного познания всех предметов нам должно быть дано, во-первых, многообразие в чистом созерцании; во-вторых – синтез этого многообразного посредством способности воображения, что, однако, не дает еще знания. Сообщающие единство этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье условие для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» [2]. Таким образом, выводы естествознания являются синтетическими суждениями априори, поскольку соединяют чувственные феномены с чистыми понятиями.

Что же представляет собой естественнонаучное объяснение и каковы его границы? В первую очередь, объяснение – это бесконечный процесс соотношения мышления с чувственными данными, т.е. попытка выразить мир не таким, каким он существует сам по себе, но таким, каким его может воспринять наше сознание. Отсюда же следу-

ет, что естествознание представляет собой неразрывную связь эмпирии и теоретизирования. Именно поэтому Кант утверждает, что ощущения без понятий слепы, а понятия без ощущений пусты. Неразрывная связь рассудочной деятельности с наглядностью налагает на естествознание определенную ограниченность. Оно не может выйти за рамки описания конкретных явлений и процессов, т.е. за рамки обусловленного и предоставить человеку знание о мире в целом, поскольку, во-первых, мир как целое не дан в чувственном восприятии, а во-вторых, научное знание всегда конкретно и значит фрагментарно. На этом основании Кант отвергает попытку предшествующих научно-ориентированных мыслителей дать исчерпывающее описание мира с помощью понятий причины, качества, количества, отношения и т.п., так как данный категориальный аппарат нуждается в опоре на изменчивый эмпирический материал. Поэтому естественнонаучное объяснение мира нуждается, согласно Канту, в дополнении со стороны философского объяснения.

В задачу философского объяснения входит: во-первых, раскрытие потребностей человеческого разума в постижении абсолютного, т.е. объяснение метафизической потребности человека, во-вторых – демонстрация невозможности удовлетворения этой потребности; в-третьих, указание места философских понятий или идей в процессе познания. Уже из перечисления этих задач следует, что философское объяснение занято не описанием взаимодействия объективно существующих идеальных предметов, но демонстрацией деятельности самого сознания, что вступает в противоречие с установкой догматической философии на познание объективной действительности. Это придает философскому объяснению ярко выраженный трансценденталистский характер, что помогает преодолеть натурализм, характерный для его предшествующих научно-ориентированных форм. Кроме того, обращение к общечеловеческим структурам познавательной деятельности позволили философскому сознанию осуществить критику различных спекулятивных учений, претендующих на статус научных теорий. Тем самым трансценденталистская интерпретация философского объяснения позволила Канту указать философии на ее критическую функцию как на средство включения в процесс научного познания. Естественно, что такого рода включение означало подчинение философии научному мировоззрению.

Рассмотрим указанные выше задачи, поставленные перед трансценденталистским вариантом философского объяснения научной установки сознания более подробно.

Необходимость наличия разумной деятельности, которая надстраивалась бы над деятельностью рассудка, Кант обосновывает ограниченностью последнего, его неспособностью выйти за пределы опыта и выявить преследуемые познанием цели. Переходя от рассмотрения одного явления к другому, рассудок, согласно Канту, не может в полной мере осуществить заложенное в человеческой душе стремление к единству и потому он нуждается в направляющей деятельности разума, выражающего не обусловленное, а безусловное единство всех явлений мира. «Трансцендентальное понятие разума всегда относится только к абсолютной целокупности в синтезе условий и заканчивается не иначе как в абсолютно безусловном... В самом деле, чистый разум все предоставляет рассудку, который имеет прямое отношение к предметам созерцания... Чистый разум сохраняет за собой одну лишь абсолютную целокупность в применении рассудочных понятий и стремится довести синтетическое единство, которое мыслится в категориях до абсолютно безусловного. Поэтому такое единство можно назвать разумным единством явлений, тогда как единство, выражаемое категориями, можно назвать рассудочным единством»¹.

Таким образом, философское знание, согласно Канту, существует для того, чтобы объяснить существование многообразия явлений и процессов в целом. Такое объяснение возможно только с помощью констатации наличия принципов и начал, уже не обладающих чувственной наглядностью. Разница же между спекулятивно-философским и научно-философским способами объяснения заключается в том, что первый из них видит это единство в объективной реальности, тогда как второй обнаруживает его в самом человеческом разуме. Но в любом случае философское объяснение мира представляет собой необходимый элемент научного познания и укоренено в самой природе человека.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 456 с. Gaydenko P. P. History of the new European philosophy in her communication with science: Manual for higher education institutions. M.: PER SE; SPb.: University book, 2000. – 456 pages.
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. Kant I. Criticism of pure mind / Lane with him. – M.: Thought, 1994. – 591 pages.
3. Кохановский В. П. Основы философии науки: Учебное пособие для аспирантов/В. П. Кохановский [и др.]. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 608 с. Kokhanovsky V. P. Fundamentals of philosophy of science: Manual for graduate students/accusative Kokhanovsky [etc.]. – Prod. the 2nd. – Rostov N / D.: Phoenix, 2005. – 608 pages.
4. Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. – Мн.: Экономпресс, 2002. – 416 с. Schuman A. N. Transcendental philosophy. – Mн.: Экономпресс, 2002. – 416 pages.

¹Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1994. С. 232.

@ А.И. Сацута. 2018

Genesis and evolution of security theory and its current state**Генезис и эволюция теории безопасности и ее современное состояние**

Alexander Ilich Satsuta,
Professor of the Department of Sociology and
Political Science of Moscow Police University
named by V. Kikot, Ph.D., professor
E-mail: al.satsuta2014@yandex.ru

Александр Ильич Сацута,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России имени
В.Я.Кикотя, кандидат философских наук, про-
фессор

Annotation. The article reveals the process of origin and evolution of theoretical ideas about security as an extremely broad phenomenon of the social and natural world, modern understanding of the theory of security.

Keywords: security, views, views and ideas on security, security theory, the theory of security, the special theory of safety, theory of national security

Аннотация. Раскрываются процесс зарождения и эволюции теоретических представлений о безопасности как предельно широком явлении социального и природного мира, современное понимание теории безопасности.

Ключевые слова: безопасность, представления, взгляды и идеи о безопасности, теория безопасности, содержание теории безопасности, специальные теории безопасности, теория национальной безопасности

Для цитирования: Сацута А.И. Генезис и эволюция теории безопасности и ее современное состояние. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр.85-88.

Проблема безопасности людей, их защищённости от различных опасностей и угроз изучается и осмысливается практически с возникновения человеческой цивилизации. В трудах мыслителей Древнего Мира безопасность человеческого общества нередко рассматривалась как его защита от опасного воздействия природных явлений, как такое состояние окружающей среды индивидов и их сообществ, в которой отсутствуют опасности и угрозы им, как способность человека обеспечивать свое существование. «... Каждому виду живых существ, – отмечал М.Т. Цицерон, – природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, ... избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе все необходимое для жизни»¹. Понимание безопасности человека в древности часто не выходило за рамки обыденных представлений. Оно сводилось к отсутствию для него опасности или зла, а опасности и угрозы человеческому существованию нередко объяснялись с мифологических позиций, их причиной считалась кара богов за проступки и неблагоприятные дела людей.

Одновременно, на ранних стадиях существования человеческой цивилизации безопасность трактовалась не только, как защита людей от естественных опасностей и угроз, исходящих от «сил природы и различных несчастных случаев», но и от «злой воли людей»². Безопасность относилась к одной из жизненных потребностей людей.

А, ее обеспечение считалось важнейшей заботой отдельных индивидов, одной из главных функций общества и государства.

Преодоление царившего в обществе хаоса как угрозы человеческой жизни, считал Конфуций, возможно обеспечением социальной гармонии, опирающейся на авторитет мудрецов и государственных правителей. Необходимо и формирование совершенного человека, лишённого недоверия и вражды к людям, живущего в согласии с ними и в ладу с Космосом³. Платон в трактате «Законы» отмечал, что вражда существует не только в отношениях государства с государством, человека с человеком, но и внутри государства и человека, а главной целью государства он определял достижение внутреннего мира в обществе⁴.

В средние века, согласно словарю Робера, безопасность понималась, как спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Такое понимание безопасности не получило в дальнейшем широкого распространения и с начала XVII в. не используется

Активно развивались и обогащались концептуальные представления о безопасности, угрозам и опасностям ей и ее обеспечении в Новое время. Начиная с XVI и до начала XX веков, они складывались преимущественно под влиянием укрепления суверенитета и независимости отдельных государств, их стремления к расширению своих территорий, захвату природных и человеческих ресурсов с целью укрепления своей мощи и силы, повышения роли и статуса в системе межгосударственных отношений.

Так итальянский мыслитель Н. Макиавелли на рубеже XV – XVI вв., обращаясь к проблеме государственной безопасности в своей известной работе «Государь»

указывал на то, что государю при укреплении своего авторитета и влияния, обеспечении безопасности государства следует учитывать две опасности: исходящую изнутри, от своих подданных и снаружи, связанную с соседними государствами. Внешнюю опасность «можно предупредить с помощью хорошего войска и хороших союзников. ...Внутренний же покой ... будет непоколебим, если будет нерушимым внешний»⁵.

Позднее Т. Гоббс, отмечая, что враждебность и недоверие в отношениях между людьми являются угрозой их существованию, указывал, что для окончания «войны всех против всех», обеспечения внутреннего мира в человеческом сообществе, граждане должны подчиниться могущественному суверену (князю, королю). На международной арене суверен защищает интересы страны военными средствами, так как в системе отношений национальных государств нет правил и институтов юридического принуждения. Суверен, как внутри человеческого сообщества, так и в системе межгосударственных отношений уполномочен защищать жизнь и собственность людей от любой опасности. По сути, безопасность по Т. Гоббсу это подчинение общества суверену и защита его им от различных опасностей и угроз с помощью силы. Кроме того, Т. Гоббс, анализируя причины появления государства и его социальную роль, сформулировал мысль о том, что безопасность государства зависит от безопасности общества и безопасности отдельного индивида, это взаимосвязанные и взаимообусловленные явления⁶.

В свое время Г. Гроций, обращаясь к проблеме безопасности, подчеркивал, что не отдельные индивиды, а суверенные государства выступают главной силой обеспечения безопасности. При этом для суверенных государств общепринятые человеческие нормы должны быть определяющими во взаимоотношениях между ними. По Гроцию, безопасность - это мирное совместное сосуществование сообщества суверенных государств, каждое из которых при этом сохраняет свои особенности, возможности и условия для своего функционирования и развития в системе мировых отношений⁷. Эти идеи европейские монархи попытались реализовать с помощью заключенного ими, по итогам Венского конгресса 1814 – 1815 гг., «Священного союза», целью деятельности которого ставилось предотвращение войны и обеспечение безопасности в Европе после окончания наполеоновских войн⁸.

Проблеме безопасности в XVII – XVIII вв. значительное внимание уделяли голландский философ Б. Спиноза, французский просветитель Ж.Ж. Руссо, немецкий философ И. Кант. Б. Спиноза в «Политическом трактате» анализировал и характеризовал безопасность в контексте организации высших форм политического правления в обществе, указывал, что для безопасности государства крайне важно надлежащее управление, а безопасность определял как состояние общественного(гражданского) спокойствия в условиях реальной физической или моральной опасности⁹. Ж.Ж. Руссо, разработавший трактате « Об Общественном договоре, или

Принципы политического права» теорию народно-го суверенитета последовательно проводил идею о том, народный суверенитет важнейшее условие безопасности общества и государства, он позволяет всю общую силой защищать и ограждать личность и имущество каждого из членов ассоциации¹⁰.

Подход к И. Канта к пониманию безопасности основан на сформулированном им положении о «постоянном мире» как «моральной норме». Безопасность, по его мнению, представляет собой просвещенный политический порядок – республиканское устройство, федерализм свободных государств, система всемирного гражданства. Основным инструментом обеспечения безопасности И. Кант считал моральные нормы и обязательства, выраженные в праве. Нации – государства для обеспечения своей безопасности обязаны подчинять свои национальные интересы нормам международного права, представляющим собой моральные обязательства граждан отдельных государств по отношению ко всему человеческому сообществу¹¹.

С начала XX века в принципиально новых исторических условиях развития человеческой цивилизации, основным содержанием которых стала борьба ведущих стран за власть в мире и мировое господство, за реализацию своих национальных интересов, социально-политических идеологий и ценностей, национальную идентичность и самостоятельность, особое внимание в зарубежной науке стало уделяться коллективной и международной безопасности. Одновременно, с введением в оборот в 1904 году термина «национальная безопасность», началось осмысление этого термина, его соотношения с термином «безопасность», выяснение отражаемой им социальной реальности. Постепенно начало утверждаться и распространяться понимание того, что безопасность отдельной страны это – национальная безопасность, а ее обеспечение возможно в общей системе безопасности, с учетом безопасности других стран, для чего необходимы общие императивы-правила, которых бы придерживались все государства. Безопасность отдельного народа (национальная безопасность) стала рассматриваться как элемент безопасности человеческой цивилизации и общей безопасности как широкого явления. Получила обоснование и мысль о том, что общая система безопасности может существовать, если она основывается на объединении сил народов и государств, их взаимодействии, уважении к правам человека, на способности каждой страны к самосохранению, выживанию и развитию на основе собственных внутренних ресурсов, в условиях существующей социальной и природной среды. В конце XX в. в зарубежной науке получил распространение тезис о необходимости смены ориентиров в представлениях о гарантиях общей безопасности человечества: от баланса силы к учету, балансу и гармонизации интересов различных народов и стран.

В Советском Союзе практически до начала 80-х годов XX столетия отсутствовали публичные теоретические наработки по проблемам безопасности, хотя их активная научная проработка велась в закрытых

научно-исследовательских учреждениях КГБ, МВД, Министерства обороны. До 1982 года все, что касалось безопасности относилось только к государству. В середине 80-х годов, наряду с термином «государственная безопасность» в официальном лексиконе начало употребляться понятие «национальная безопасность», которая сводилась к безопасности отдельно взятой нации(этноса).

Во второй половине 80-х гг. на официальном уровне и в советской науке тема безопасности стала активно обсуждаться, ей стали уделять значительное внимание. Связано это с выдвинутой в то время советским политическим руководством концепцией «нового политического мышления». Она предполагала отказ от политики конфронтации государств различных социально-политических систем на мировой арене, согласование их усилий в построении эффективной коллективной системы международной безопасности. Был сделан существенный вклад в разработку и обогащение категориально-понятийного аппарата по проблеме безопасности, используемого в науке, он стал активно использоваться в науке и публицистике, сформировалось более широкое понимание сферы безопасности и ее обеспечения за счет включения в нее не только безопасности государства, но и безопасности личности и безопасности общества.

Кризисные явления в СССР, странах мировой системы социализма и социалистического содружества, сложившаяся новая геополитическая ситуация, характеризующаяся усилением позиций США в мировых делах, в конце 80-х годов потребовали новых подходов к пониманию безопасности и ее обеспечению, формирования актуальных научных знаний о безопасности. Советскими учеными, общественными и политическими деятелями этого периода обосновывалась необходимость создания единой системы обеспечения безопасности советского государства, советского общества и личности, была предпринята попытка разработать концепцию безопасности СССР. Однако эти теоретические наработки не были воплощены в жизнь и практической роли в обеспечении безопасности и сохранении СССР не сыграли¹².

С распадом СССР и образованием Российской Федерации теоретические и практические аспекты безопасности страны и ее обеспечения довольно широко ставятся и раскрываются в официальных отечественных государственных документах, работах российских ученых. При этом, с учетом национальной специфики России, учитываются и творчески используются идеи и положения по проблемам безопасности в классических и современных трудах зарубежных ученых, официальных документах иностранных государств и международных организаций. В официальных документах Российской Федерации и научных исследованиях российских ученых, с общеметодологических, научно-теоретических, политико-правовых и политико-практических позиций раскрыты различные идеи и положения о безопасности как явлении и ее обеспечении. В них характеризуется национальная безопасность России,

ее структура как конкретного социального явления, раскрыто содержание национальных интересов Российской Федерации, выделены опасности и угрозы национальной безопасности страны, условия и факторы ее обеспечения, определяются система обеспечения национальной безопасности, направления и приоритеты государственной политики обеспечения национальной безопасности.

Ставятся общеметодологические и теоретические проблемы общей и национальной безопасности, сформулированы понятия и категории, дополняющие, уточняющие и конкретизирующие понятийно-категориальный аппарат теории безопасности¹³.

Многообразие суждений, взглядов и идей о безопасности как явлении, выдвинутых и обоснованных за многовековую историю человеческой цивилизации свидетельствует о том, что безопасность это – предельно широкое социальное явление, относящееся к жизнедеятельности человека, взаимоотношениям личности, общества и государства, их взаимодействию с природной средой и другими системами.

Одновременно, как в прошлом, так и в современных условиях в контексте разработки проблем безопасности человека как социального существа, социальных образований и институтов, разрабатываются идеи о том, что безопасность относится также к состоянию и защищенности биологических, технических и других объектов и систем, от которых во многом зависит жизнедеятельность человека.

Поэтому безопасность издревле изучается не только науками об обществе, а в различных аспектах и всеми другими, институализировавшимися и получившими признание в процессе человеческой истории. Одной из первых из них была медицина. В связи с этим, в современных теоретических представлениях о безопасности как явлении фокусируется вся совокупность естественных, гуманитарных (общественных), технических, военных и других знаний, комплексно раскрывающих и характеризующих различные стороны и проявления безопасности и ее обеспечения. Они представляют сложную по содержанию, разно уровневую систему ретроспективных и современных идей и взглядов о безопасности, разработанных различными отраслевыми науками – медицина, биология, сейсмология, химия, метеорология, океанология, политология, социология, юриспруденция, информатика, физика, теория международных отношений, конфликтология и др. В единстве и взаимосвязи они и составляют общую теорию безопасности.

Сегодня общую теорию безопасности следует рассматривать как систему теоретико-методологических знаний о безопасности как явлении в самом широком смысле и его обеспечении, о закономерностях и технологиях безопасного существования и развития биологических, социальных, технических и других систем, предотвращения и нейтрализации опасностей и угроз их функционированию и развитию. Содержание теории безопасности составляют: общеметодологические и теоретико-мировоззренческие подходы к объяснению и

характеристике безопасности как явления; обобщённые теоретические идеи, взгляды и положения о безопасности, опасностях и угрозах ей; концептуальные идеи об общих контурах и моделях безопасности человеческого общества и окружающей его среды, технических, биологических и других объектов и систем, наиболее общих условиях и факторах ее обеспечения; методология и технологии исследования проблем безопасности; понятия и категории, относящиеся к области безопасности и описания явлений и процессов, отражаемых ими.

Общую теорию безопасности не следует считать универсальной теорией безопасности любого объекта и системы. Как комплексное системное теоретическое знание она является исходной методологической основой специальных теорий безопасности отдельных объектов, сторон, систем, областей и образований социального и природного миров, которые разрабатываются и формируются как отдельными науками, так и отраслями наук, или на их стыке. Специальные теории безопасности представляют собой совокупность разного объема и уровня знаний о безопасности различных по масштабу, роли и положению в системе общественных и других связей и отношений объектов, областей, сторон, сфер социального и природного миров, технических систем. Это, например, теория безопасности труда, теория противопожарной безопасности, основы безопасности жизнедеятельности человека и общества, теория геополитической безопасности, теория экономической безопасности, теория безопасности фауны и флоры, теория международной безопасности, теория безопасности технических технологических систем и т.д.

Следует также иметь в виду, что не все объекты, стороны, сферы, области общественной жизни, природного мира и технических систем нуждаются в разработке теоретических проблем их безопасности. Накопленная информация о их функционировании может использоваться в качестве практических, опытных знаний и закрепляться в специальных инструкциях, наставлениях, правилах.

Особое значение и место среди специальных теорий безопасности принадлежит теории национальной безопасности, которая исследует, объясняет и рассматривает безопасность отдельного человеческого общества (народа – лат. *nasio* – отсюда название теории). Теория национальной безопасности, по сравнению с другими специальными теориями безопасности отдельных объектов, сфер, сторон, элементов более широких систем, является теорией особого социального значения и более высокого уровня и общности – общества (народа, страны) как совокупности составляющих его социальных подсистем и социальных образований. Теорию национальной безопасности правомерно рассматривать как междисциплинарную отрасль науки, относительно самостоятельную совокупность научного знания¹⁴.

Теория безопасности, как и всякая другая система научных знаний об явлениях и процессах социального и природного мира, зародилась, эволюционировала и оформилась в процессе становления и развития человеческой цивилизации. В настоящее время она представляет институционализированную, постоянно развивающуюся комплексную систему различных по содержанию и характеру методологических и теоретических подходов, концепций, идей и положений о безопасности человеческого общества, окружающей его среды и связанных с ним систем и образований.

¹ Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 61.

² Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1873. Т. 1. С. 1.

³ См.: Конфуций. Уроки мудрости. М.: Эксмо, 2016.

⁴ См.: Платон. Законы. М.: Мысль, 1999.

⁵ Макиавелли Н. Государь/Пер. с итальянского. М.: Эксмо, 2006. С. 339.

⁶ См.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского//Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т.2. С. 112- 198.

⁷ См.: Гроций Г. О праве войны и мира: три книги в которых объясняется естественное право, право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. С. 74, 127, 159, 162.

⁸ См.: Большая Советская Энциклопедия (в 30-и т.). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-ее. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 23. С.279-280; Новая Российская Энциклопедия. В 22-и т. М.:ООО «Изд-ва «Энциклопедия», Инфра-М, 2003. Т. 14. С. 317.

⁹ См.: Спиноза Б. Избранные произведения. В 2-х т./Общ. ред. и вступ. статья В.В. Соколова. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 285- 382.

¹⁰ См.: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 151 -256.

¹¹ См.: Кант И. К вечному миру// Кант И. Сочинения. В 6-и т./Под общ. ред. В.А. Асмуса и др.М.:Мысль, 1966. Т. 6. С. 257 – 309.

¹² См.: Зеленков М.Ю. Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов. М.: Юнити Дана, 2015. С. 9-12.

¹³ См.: Бондаренко М.В. Безопасность как социальное явление: формирование понятийно-категориального аппарата. Наука и практика. Орел: ОЮИ МВД России, 2010; Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Основы обеспечения

@ O.B. Столетов. 2018

On the issue of civilizational identity in the international-political Discourse of modern Russia

К вопросу о цивилизационной идентичности в международно-политическом дискурсе современной России

Oleg Vladimirovich Stoletov,
Senior lecturer at the faculty of political science
Moscow state University named after M. V.
Lomonosov
E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru

Олег Владимирович Столетов,
старший преподаватель факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru

Annotation. The article studies the tendency of including the idea of civilizational identity in the official international political discourse of modern Russia. As a manifestation of this trend, the author considers innovations that reveal themselves in the speeches of the Russian president, in the official Russian foreign policy documents. The author analyzes the contemporary intellectual, geopolitical, macro-regional, and global and foreign policy context of the appeal of leading Russian politicians and political experts to discuss the problems of the civilizational status of Russia in the contemporary global world. Because of the study, the author outlines the key foreign policy reasons underlying the «civilizational turn» in Russian international political discourse.

Keywords: modern Russia, civilizational identity, international political discourse

Аннотация. В статье исследуется тенденция включения идеи цивилизационной идентичности в официальный международно-политический дискурс современной России. В качестве проявления этого тренда автор рассматривает новации, обнаруживающие себя в выступлениях президента России, в официальных российских внешнеполитических документах. Автор анализирует современный интеллектуальный, геополитический, макрорегиональный, глобальный и внешнеполитический контекст обращения ведущих российских политиков и политических экспертов к обсуждению проблематики цивилизационного статуса России в современном глобальном мире. В результате проведенного исследования автор формулирует ключевые причины преимущественно внешнеполитического характера, лежащие в основе «цивилизационного поворота» в российском международно-политическом дискурсе.

Ключевые слова: современная Россия, цивилизационная идентичность, международно-политический дискурс

Для цитирования: Столетов О.В. К вопросу о цивилизационной идентичности в международно-политическом дискурсе современной России. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 89-96.

В современном официальном международно-политическом дискурсе России все более важное место занимает концепт «цивилизация». Одну из первых развернутых характеристик России как «уникальной цивилизации» В.В. Путин, в тот момент занимавший пост Председателя Правительства России, дал в своей предвыборной статье 2012 года «Россия: национальный вопрос». Именно в этой статье Россия была названа «государством-цивилизацией», цивилизационная идентичность которой основана «на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности»¹. Выступая на Валдайском клубе в 2013 году президент В.В. Путин вновь назвал Россию «государством-цивилизацией». Принятая впоследствии в 2014 году

государственная программа России «Внешиполитическая деятельность» ставила задачу расширения цивилизационно-гуманитарного влияния России в мире. В Концепции внешней политики России 2016 года отмечалось, что современное глобальное развитие характеризуется обострением конкуренции, которая «все больше приобретает цивилизационный характер»². Концепция прямо не называет Россию цивилизацией, однако говорит об особой роли российского государства в развитии диалога и формировании партнерства между цивилизациями. Запрос на данную внешнеполитическую задачу в Концепции связывается с сокращением возможностей «исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике», а также все более отчетливым проявлением многообразия «культур и цивилизаций в мире»³.

Показательно, что не только президент России, но и ведущие российские политики в последние годы обратились к тезису о России как цивилизации. Выступая на пленарном заседании IV Рождественских парламентских встреч в январе 2016 года председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко охарактеризовала Россию как «уникальную цивилизацию», для которой характерны «симфония народов, культур, религиозных конфессий»⁴. Председатель партии «Справедливая Россия» С.М. Миронов, выступая на V форуме Всемирного Русского Народного Собора в ноябре 2016 года, также охарактеризовал Россию как «особую цивилизацию», в которой «сотни народов сумели создать уникальную историко-культурную общность»⁵.

Приведенные выше факты являются основанием для того, чтобы задаться вопросом о том, каковы причины целенаправленного включения в современный российский международно-политический дискурс идеи цивилизационной идентичности.

Интеллектуальный контекст

Интерес к цивилизационной проблематике в современной России возрастал постепенно. Значимая роль в этом процессе принадлежит деятельности О.М. Зиновьевой – жены выдающегося советского и российского философа, писателя и общественного деятеля А.А. Зиновьева, выступившей активным популяризатором наследия своего мужа и принявшей самое активное участие в создании Зиновьевского клуба МИА «Россия сегодня». Первая международная конференция «Зиновьевские чтения» была проведена в Московском гуманитарном университете в мае 2007 года⁶. Показательно, что мероприятие было проведено спустя несколько месяцев после Мюнхенской речи президента России В.В. Путина, произнесенной 10 февраля 2017 года на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Впоследствии в 2009 году, в официальном поздравлении, адресованном крупнейшей латвийской русскоязычной газете «Вести Сегодня», министр иностранных дел России С.В. Лавров использовал понятие «большая российская цивилизация»⁷.

Интеллектуальное осмысление цивилизационной идентичности России во второй половине 2000-х годов происходило на фоне изучения цивилизационных основ политики стран Запада, в первую очередь, США.

Достаточно показательно наименование статьи известного отечественного ученого-международника, представляющего МГИМО, А.Д. Богатурова: «Глобальные аспекты “цивилизационного” влияния США в XXI в.»¹⁰. Значимую роль в изучении повышения интереса к проблематике цивилизационного влияния со стороны стран Запада сыграли проводимые в России политологические исследования

американской по своему интеллектуальному происхождению концепции «мягкой силы», делающей основной акцент на вопросах эффективности продвижения США политических, ценностных и культурных стандартов, привлекательных для зарубежных аудиторий. Критический анализ американских подходов, соотнесение научного дискурса с международной внешнеполитической практикой Соединенных Штатов ставило насущный вопрос о выработке Россией альтернативы «мягкому» («soft») и «умному» («smart») американскому влиянию, способной дать ответ вызовам глобализации¹¹. Поэтому обращение к цивилизационному измерению глобальных политических процессов можно рассматривать как попытку России подойти с позиций своего интеллектуального наследия к осмыслению современных технологий мирополитического влияния.

В качестве цивилизации Россию позиционирует известный российский политик и эксперт В.А. Никонов. Показательна следующая характеристика, которую В.А. Никонов дает России: «Россия не является ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада. Это стержневое государство самостоятельной цивилизации»¹². Эта самостоятельная цивилизация, по мнению эксперта, может называться по-разному – Восточноевропейская, восточнохристианская, евразийская¹³. Фактически В.А. Никонов в данном случае говорит о феномене «Большой России», включающей в себя не только собственно современную Российскую Федерацию, но и ряд независимых государств, либо отдельных территорий этих государств исторически к России тяготеющих.

О значимости для российской цивилизационной идентичности евразийских идей говорят представители академических кругов. В частности, профессор факультета политологии МГУ И.А. Василенко отмечает: «Центральный евразийский символ – понятие “Россия-Евразия” – транслирует позитивную объединительную культурно-историческую и политическую миссию страны. Он указывает, что в культуру России вошли, сплавляясь воедино, элементы культур Востока и Запада, создав особое синтетическое, евразийское политическое видение мира, что позволяет России-Евразии стать символом объединения и примирения народов этого континента»¹⁴. И.А. Василенко, говоря о евразийском измерении российской цивилизационной идентичности, преимущественно рассматривает его в качестве основы для внешнеполитической имиджевой концепции, хорошо укладывающейся в логику стратегического «поворота России на Восток»¹⁵.

Сегодня к проблеме цивилизационной идентичности России обращаются ведущие российские политические эксперты, представляющие самые различные по своим идейно-идеологическим основам

«фабрики мысли». Например, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Ф.А. Лукьянов отмечает: «Возрождается спрос на идеологическую ясность, но все больше заметен и интерес к цивилизационному подходу, который либеральная догма отвергала по причине “реакционности”. Для России это крайне существенные изменения, потому что попытка вписать ее после краха Советского Союза в стандартную дихотомию “империя – нация-государство” не удалась. Имперский век завершился, а национальным государством Россия, развивавшаяся столетиями как общность наднациональная, стать без тотального слома не может. Поэтому дискуссия в категории цивилизаций куда более соответствует особенностям России и ее взаимоотношений с соседями и на западе, и на востоке. Становление цивилизационной идентичности – и есть осознание себя, которое необходимо России в ближайшее время»¹⁶.

Из приведенной цитаты видно, что Ф.А. Лукьянов рассматривает проблему цивилизационной самоидентификации России через призму саморефлексии, имеющей для России не только внешнеполитическое, но и внутривосточное значение.

Несмотря на приведенные выше позиции, интеллектуальное пространство осмысления цивилизационной идентичности России характеризуется дискуссионностью. Многие российские интеллектуалы и исследователи обращают внимание на внутреннюю противоречивость конструкции современной российской цивилизационной идентичности. Действительно, демонстрация цельности, стратегичности и цивилизационной обусловленности российских внешнеполитических шагов достаточно часто сталкивается с отсутствием этих составляющих во внутривосточном развитии. Подобная раздвоенность порождает глубокие сомнения у значительного количества исследователей в подлинности опоры современной российской политики на свой цивилизационный фундамент¹⁷.

Геополитический контекст

Необходимо отметить, что обращение к цивилизационной проблематике, на наш взгляд, связано с обострением глобальной геополитической и геэкономической конкуренции США и Китая на евразийском пространстве как представителей различных цивилизаций. Последовательное сдерживание России со стороны Соединенных Штатов представляется возможным рассматривать в качестве элемента американской глобальной стратегии, направленной на противодействие Китаю. Весьма показательным, что в опубликованной в январе 2018 года Оборонной стратегии США, где в пятерке главных угроз названы Россия, Китай, КНДР, Иран и терроризм, утверждается: «Отныне не терроризм, а стратеги-

ческое соперничество между странами является главной проблемой для национальной безопасности США»¹⁸.

Внешнеполитические действия России, направленные на противодействие приближению НАТО к своим границам (участие в грузино-южноосетинском вооруженном конфликте в 2008 году, воссоединение с Крымом в 2014 году, начало контртеррористической операции в Сирии в 2015 году) стали некой материальной основой и наглядным подтверждением готовности российского государства отстаивать свои исторические права не только в стратегически-значимых точках приграничного пространства, но и в Евразии в целом. Последовавшая за указанными действиями российского государства санкционная война США и их союзников позволила России продемонстрировать самой себе и остальному миру ограниченность тезиса либерального течения международно-политической науки о конструктивной роли цивилизационно-нейтрального фактора экономической взаимозависимости в мировой политике. Показательно в данном случае замечание Ф.А. Лукьянова: «Конфликт России и Запада из-за Украины показывает, что высокая степень экономического переплетения, во-первых, не служит никакой гарантией от нарастания конфликтов, во-вторых, даже напротив – становится их катализатором»¹⁹.

Получившая широкое распространение после государственного переворота на Украине 2014 года в российских интеллектуальных и политических кругах концепция «гибридной войны» вполне вписывалась в российский концептуальный внешнеполитический тезис об обострении цивилизационной конкуренции, протекающей как в физическом, так и в нефизических (информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном, финансовом и т.д.) пространствах. Именно в этих нефизических пространствах наиболее явно проявляет себя конкуренция языка, культурных кодов, ценностей и стандартов, присущих носителям различных цивилизационных матриц. Профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ П.А. Цыганков, давая характеристику феномену «гибридной войны» отмечает: «“Гибридная война” охватывает все население и заполняет все ниши информационного пространства, включая печатные и электронные СМИ, видеоролики, организацию семинаров, обучающих курсов с чтением лекций для сторонников оппозиционных движений и т.п. ... Ее мишень – ментальная составляющая и сама система общественной организации противника. “Гибридная война” втягивает в антагонизм все население и охватывает все сферы общественной жизни: политику, экономику, социальное развитие, культуру».

О связи «гибридной войны» с цивилизационной конкуренцией пишут и другие известные российские исследователи-политологи. Профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета Н.А. Комлева отмечает: «Искажение истории Второй мировой войны является важной составной частью глобальной конспирентальной войны²⁰, а именно борьбы с православно-славянской цивилизацией как базой развития России, основного государства данной цивилизации»²¹. Заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета В.А. Ачкасов обращает внимание на то, что политика внешнего стимулирования обострения и перехода в форму вооруженной борьбы этнополитических конфликтов, являющаяся важнейшим элементом «гибридной войны», по преимуществу осуществляется в регионах «геополитических разломов» – то есть в зонах так называемого «межцивилизационного взаимодействия»²².

Евразийский контекст

Цивилизационная составляющая российского внешнеполитического позиционирования, в том числе на уровне международно-политического дискурса, приобретает значимость в условиях активного диалога с государствами, представляющими незападные культуры: страны БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, ведущие державы Ближневосточного региона – Иран и Турция. Вступая в кооперативную коммуникацию с данными государствами, России важно подчеркнуть свою стратегическую самодостаточность и самостоятельность.

Особые политические и торгово-экономические отношения России и Китая также придают особую значимость цивилизационному измерению российского международно-политического дискурса²³. Если в диалоге с Евросоюзом и США, который был характерен для 2000-х годов, России важно было подчеркнуть свою культурно-историческую общность с историческим христианским миром, то в диалоге с КНР России важно сделать акцент на собственной, отличной от Запада культурной идентичности, в которой важную роль сыграл, в частности, советский коммунистический опыт, неприемлемый для Запада, но исторически ставший опорой для развития нового Китая.

Активизация взаимодействия не только с Китаем, но и другими азиатскими дальневосточными государствами, стимулирует Россию позиционировать себя в качестве евротихоокеанской державы²⁴. Данный статус также имеет цивилизационное измерение. Задача удержания и развития российских дальневосточных территорий стимулирует Россию выступать в качестве носителя определенной куль-

турно-исторической идентичности, способной сохраниться в условиях усиления демографического давления извне. Одновременно декларирование данного статуса подводит обоснование под российский проект «интеграции интеграций» – Большое евразийское партнерство.

Россия и Запад

Анализ российского международно-политического дискурса показывает важность подчеркивания исторической связи России с Европой. С.В. Лавров в своей статье отмечает, что Россия «по своей глубинной сути является одной из ветвей европейской цивилизации»²⁵. Идею сложной исторической связи России и Европы подчеркивает также эксперт О.М. Зиновьева: «Исторически Россия и Западная Европа – две части единой географической Европы и единого христианского мира. После раскола христианства Восточная и Западная Европы развивались не в разных направлениях, а, скорее, параллельными курсами»²⁶. Современную Россию О.М. Зиновьева рассматривает как более молодой, по сравнению с Западом, с цивилизационной точки зрения феномен: «Россия не прошла еще и четверти своего пути в цивилизации»²⁷. Таким образом, при подобном подходе цивилизационная общность России с Европой подчеркивается главным образом на уровне исторических корней, а не на уровне современной цивилизационной динамики.

Придание России цивилизационного статуса позволяет ей более активно участвовать в международной коммуникации, в том числе на уровне публичной дипломатии с традиционалистски настроенной частью населения ведущих стран Евросоюза. Показательно в данном случае мнение главы Фонда исторической перспективы, главы парижского Института демократии и сотрудничества Н.А. Нарочницкой, в соответствии с которым современная Россия в европейских странах воспринимается как «оплот консервативных христианских ценностей, союзник традиционалистов Европы и противовес ценностному нигилизму»²⁸.

Необходимо отметить, что, актуализируя традиционалистскую составляющую международно-политического дискурса, Россия принимает во внимание также социально-политическую динамику в США, которую упоминавшийся нами выше исследователь А.Д. Богатуров еще в 2007 году характеризовал как «идейно-культурный, политико-психологический и даже духовно-нравственный запрос на консерватизм»²⁹. Победа Д. Трампа на американских президентских выборах 2016 года показала правильность данного наблюдения. Тем не менее, между российскими и американскими политическими консерваторами существуют достаточно существенные различия, в том числе по вопросам международной

политики и миропорядка, что объективно затрудняет возможность нахождения точек соприкосновения на базе консервативной платформы³⁰.

Россия и мировая цивилизация

Позиционируя себя в качестве самостоятельной цивилизации, Россия в своем международно-политическом дискурсе стремится подчеркнуть свое желание выступать конструктивным участником коллективной политики противодействия вызовам и угрозам мировой цивилизации. Тем самым Россия демонстрирует желание поддержать эволюционный путь глобального развития.

В качестве основного вызова базовым принципам современной мировой человеческой цивилизации Россия рассматривает международный терроризм, прошедший при поддержке безответственных государств военизированную трансформацию, и наиболее интенсивно проявляющий себя в вооруженных конфликтах на территории ряда государств Ближнего Востока и Северной Африки. Выступая на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент В.В. Путин предостерег международное сообщество от критического возрастания «глобальной террористической угрозы» и призвал совместно выработать всеобъемлющую стратегию политической стабилизации и социально-экономического восстановления Ближнего Востока³¹. Особый акцент в выступлении В.В. Путина был сделан на особой роли в антитеррористической коалиции, противостоящей исламскому фундаментализму, мусульманских государств: «Ключевыми участниками такой коалиции должны стать мусульманские страны. Ведь “Исламское государство” не только несёт им прямую угрозу, но и своими кровавыми преступлениями оскверняет величайшую мировую религию – ислам. Идеологи боевиков издеваются над исламом, извращают его истинные гуманистические ценности»³².

Российская контртеррористическая кампания в Сирии позиционируется как вклад в поддержание макрорегиональной и глобальной устойчивости, а также защиту мировой цивилизации (например, помощь в восстановлении христианских и мусульманских храмов и исторического комплекса в Пальмире). В таком качестве результаты российской военной операции, достигнутые на конец 2017 года, были охарактеризованы рядом союзных России государств. По мнению президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, операция в Сирии показала, что Россия является державой, способной отвечать за глобальный мир на Земле³³. В поддержку действий России в Сирии выступил также Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко: «Россия спасла Сирию и сохранила цветущее и красивое государство. Если бы не вмешательство РФ, думаю, что этого государства

не было бы вообще»³⁴. Позитивно российский вклад в борьбу с международным терроризмом в Сирии оценивает Китай³⁵. Политическим продолжением российского участия в сирийском урегулировании выступает инициатива по проведению в Сочи Конгресса сирийского национального диалога. Договоренность о проведении Конгресса, призванного рассмотреть ключевые вопросы общенациональной повестки для Сирии, прежде всего связанной с разработкой параметров будущего государственного устройства, принятия новой конституции, проведения на ее основе выборов под надзором ООН, была достигнута в ноябре 2017 года на трехстороннем саммите России, Ирана и Турции³⁶.

Россия как субъект межкультурного диалога

Обращение к восточно-христианским цивилизационным основам идентичности России в ее международно-политическом дискурсе обусловлено объективной ставкой на межкультурный диалог как форму невоенного внешнеполитического участия страны в урегулировании международных кризисов, проистекающих из исторически возникших и обострившихся сегодня межконфессиональных и межэтнических противоречий. На концептуальном уровне в качестве ключевого внешнеполитического инструмента налаживания межкультурного диалога Россия позиционирует общественную дипломатию, которая рассматривается как созидательное начало, участвующее в формировании коммуникативной и институциональной основы для более эффективной внешней политики страны в условиях нарастания глобальной турбулентности и вызовов внутригосударственной социально-экономической устойчивости.

Сегодня важная роль в развитии межкультурного и межрелигиозного диалога отводится российским и созданным при активном участии России международным некоммерческим организациям, ориентированным в своей деятельности на поддержку православия, православной культуры и традиционных ценностей. В числе наиболее значимых представляется необходимым назвать Императорское Православное Палестинское Общество, Всемирный русский народный собор, Международный общественный фонд единства православных народов, Фонд Андрея Первозванного, Центр национальной славы, Фонд святителя Василия Великого, Международный Византийский Клуб, Ассоциацию культурного и делового сотрудничества и дружбы с народами Греции и Кипра «Филия», Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций».

Данные общественные организации активно позиционируют себя на международном уровне, где участвуют в продвижении платформы защиты христианского населения государств так называемого «библейского» региона, к которому принято отно-

силь территории, ныне занимаемые Израилем, Палестинской автономией, Сирией, Ливаном, Иорданией, Египтом. В частности, они регулярно участвуют в проведении конференционных мероприятий в рамках работы Совета ООН по правам человека, где Россия выступает совместно с такими государствами как Ватикан, Кипр, Греция, Сербия, Ливан, Испания.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько основных причин преимущественно внешнеполитического характера, лежащих в основе «цивилизационного поворота» в российском международно-политическом дискурсе. Во-первых, декларирование принадлежности к государству-цивилизации позволяет России более уверенно выступать на международной арене с собственными интеграционными инициативами (ЕАЭС, Большое евразийское партнерство). Во-вторых, российское государство как цивилизация имеет больше оснований претендовать на особую роль в глобальном управлении в ус-

ловиях интенсификации протекания в современном мире макрорегионализационных и трансрегионализационных процессов. В-третьих, наличие у России самостоятельной, стремящейся к самосохранению и самоопределению цивилизационной идентичности позволяет апеллировать к фундаментальным основаниям современного международно-политического кризиса в отношениях с США и их союзниками как представителями цивилизации Запада. Весьма значимо, что данный кризис последовал за произошедшим в 2014 году государственным переворотом на Украине, де-факто пережившей собственный цивилизационный раскол. В-четвертых, представляется, что исторически присущее России внутреннее этно-национальное, конфессиональное и культурное многообразие руководство страны стремится начать использовать в качестве стратегического цивилизационного ресурса «мягкой силы».

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Ачкасов В.А. «Гибридные войны» как инструмент реализации стратегии «управляемого хаоса» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 242-258. Achkasov V. A. "Hybrid wars" as the instrument of realization of strategy of "the operated chaos" // "Hybrid wars" in we haotiziruyushchetsya the world. – М.: Publishing house of the Moscow university, 2015. – Page 242-258.
2. Баранов Н.А. Евразийская интеграция в контексте цивилизационного самоопределения России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – №6 (36). – С. 47-54. Baranov N.A. The Euroasian integration in the context of civilization self-determination of Russia // the Bulletin of the Volgograd state university. Series 4: History. Regional studies. International relations. – 2015. – No. 6 (36). – Page 47-54.
3. Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №9. – С. 114-121. – <http://www.obraforum.ru/pdf/bogaturov-US-civ-Nov2007.pdf> Bogaturov A.D. Global aspects of «civilization» influence of the USA in the 21st century // World economy and the international relations. – 2007. – No. 9. – Page 114-121. – <http://www.obraforum.ru/pdf/bogaturov-US-civ-Nov2007.pdf>
4. Василенко И.А. Евразийский имидж России: новые возможности и перспективы // Власть. – 2015. – №6. – С. 116-121. – <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-imidzh-rossii-novye-vozmozhnosti-i-perspektivy> Vasilenko I.A. Euroasian image of Russia: new opportunities and prospects // Power. – 2015. – No. 6. – Page 116-121. – <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-imidzh-rossii-novye-vozmozhnosti-i-perspektivy>
5. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Kremlin.ru, 28.09.2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> Vladimir Putin has participated in a plenary session of an anniversary, 70th session of the United Nations General Assembly in New York // Kremlin.ru, 9/28/2015. – <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>
6. Государственная программа Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» // МИД РФ, 29.04.2014. – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 State program of the Russian Federation "Foreign policy activity" // Russian Foreign Ministry, 4/29/2014. – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782
7. Зевелев И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // Россия в глобальной политике, 14.11.2009. – http://www.globalaffairs.ru/number/n_14037 Zevelev I.A. Future of Russia: nation or civilization? // Russia in global policy, 11/14/2009. – http://www.globalaffairs.ru/number/n_14037
8. Комлева Н.А. Глобальная концентрическая война как основной тренд современной «гибридной войны» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 211-231. Komleva N.A. Global konstsiyentalny war as the main trend of modern "hybrid war" // "Hybrid wars" in we haotiziruyushchetsya the world. – М.: Publishing house of the Moscow university, 2015. – Page 211-231.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 Concept of foreign policy of the Russian Federation. It is approved as the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016 – http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
10. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. – 03.03.2016. – <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> S.V.

laurels. Historical prospect of foreign policy of Russia//Russia in global policy. – 3/3/2016. – <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>

11. Лукьянов Ф.А. Консерватизм для эпохи нестабильности // Россия в глобальной политике. Спецвыпуск: Консерватизм во внешней политике: XXI век. – 2017. – С. 10-11. – http://globalaffairs.ru/media/docs/2017_book_final.pdf Lukyanov F.A. Conservatism for an instability era//Russia in global policy. Special issue: Conservatism in foreign policy: 21st century. – 2017. – Page 10-11. – http://globalaffairs.ru/media/docs/2017_book_final.pdf

12. Лункин Р.Н. Россия и Европа в условиях кризиса // Современная Европа. – 2015. – 2(62). – С. 142-143. Lunkin R.N. Russia and Europe in the conditions of crisis//Modern Europe. – 2015. – 2(62). – Page 142-143.

13. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? // «Эксмо», 2016. – 414 с. Nikonov V. A. Civilization code. What waits for Russia in the world of the future?//Eksmo, 2016. – 414 pages.

14. Никонов В.А. Универсальная цивилизация // Стратегия России. – 2012. – №6. – http://spa.msu.ru/uploads/files/publikazii/publikacia_nikonov_v_strategiia_rossii_universaljnaja_civilizacia_chastj_pervaja.pdf Nikonov V. A. Universal civilization//Strategy of Russia. – 2012. – No. 6. – http://spa.msu.ru/uploads/files/publikazii/publikacia_nikonov_v_strategiia_rossii_universaljnaja_civilizacia_chastj_pervaja.pdf

15. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая, 23.01.2012. – http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html Putin V.V. Russia: ethnic question//Independent, 1/23/2012. – http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

16. Столетов О.В. Общественная дипломатия как инструмент обеспечения состоятельности внешней политики современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2017. – №3. – С. 101-104. Stoletov O.V. Public diplomacy as instrument of ensuring solvency of foreign policy of modern Russia//Bulletin of the Moscow university. Series 12: Political sciences. – 2017. – No. 3. – Page 101-104

17. Токтамысов С.Ж. Консерваторы в США и России на рубеже XX-XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов) // Дисс. к.ист.н. – М., 2007. – 201 с. Toktamysov S.Zh. Conservatives in the USA and Russia at a turn of the 20-21st centuries (The comparative analysis of structure of representatives and foreign policy approaches)//Diss. to. ist. N – M., 2007. – 201 pages.

18. Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России / Сборник статей. – «Эксмо», 2016. – 204 с. Toktamysov S.Zh. Conservatives in the USA and Russia at a turn of the 20-21st centuries (The comparative analysis of structure of representatives and foreign policy approaches)//Diss. to. ist. N – M., 2007. – 201 pages.

19. Чихарев И.А. Россия в мировой политике XXI в.: «Мир без России» или «Русский мир»? // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. – С. 255-272. Chikharev I.A. Russia in world politics of the 21st century: “World without Russia” or “The Russian world”// Foreign policy of Russia in the conditions of global uncertainty: monograph. – M.: Rusayns publishing house, 2015. – Page 255-272.

20. Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу соотношения стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // «Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки». – 2013. – №5. – С.26-43. Chikharev I.A., Stoletov O.V. To a question of a ratio of strategy of “soft power” and “reasonable force” in world politics//“The bulletin of the Moscow university. Series 12. Political sciences». – 2013. – No. 5. – Page 26-43.

21. Шуклин А.В. Перспективы российской цивилизации и глобализация // Дисс. к.филос.н. – Тюмень, 2014. – 147 с. Shuklin A.V. Prospects of the Russian civilization and globalization//Diss. to. филос. N – Tyumen, 2014. – 147 pages.

22. 2013: Красные линии Владимира Путина // Российская газета, 26.09.2013. – <https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html> 2013: Red lines of Vladimir Putin//Russian newspaper, 9/26/2013. – <https://rg.ru/2013/09/26/valdai.html>

23. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

¹Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая, 23.01.2012. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 28.01.2018).

²Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 28.01.2018).

³Там же.

⁴Выступление Председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко на пленарном заседании IV Рождественских парламентских встреч в рамках XXIV Международных Рождественских образовательных чтений на тему «Традиция и новации: культура, общество, личность». – URL: <http://council.gov.ru/media/files/30XkCjJ8Hn9Nh8DGqElug2AzzjmDJ2xN.pdf> (дата обращения: 28.01.2018).

⁵Сергей Миронов: Одна из основополагающих ценностей российской нации – справедливость // Домовой Совет, 30.11.2016. – URL: <https://domsovet.tv/articles/other/sergej-mironov-izbezhat-skatyvaniya-v-totalitarizm-mozhno-lish-v-ramkakh-tradicionnoj-demokratii/> (дата обращения: 28.01.2018).

⁶Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции. Москва, 15-16 мая 2007. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – 208 с.

⁷МИД России поздравил газету «Вести Сегодня» (Латвия) и вспомнил о «большой российской цивилизации» // REGNUM, 26.07.2009. – URL: <https://regnum.ru/news/1189957.html> (дата обращения: 29.01.2018).

- ⁸Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – №9. – С. 114-121.
- ⁹См.: Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу соотношения стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // *«Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки»*. – 2013. – №5. – С.26-43.
- ¹⁰Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? // *«Эксмо»*, 2016. – С. 231.
- ¹¹Там же. – С. 35.
- ¹²Василенко И.А. Евразийский имидж России: новые возможности и перспективы // *Власть*. – 2015. – №6. – С. 120.
- ¹³Там же. – С. 117.
- ¹⁴Лукиянов Ф.А. Консерватизм для эпохи нестабильности // *Россия в глобальной политике. Спецвыпуск: Консерватизм во внешней политике: XXI век*. – 2017. – С. 10-11.
- ¹⁵Шуклин А.В. Перспективы российской цивилизации и глобализация // *Дисс. к.филос.н.* – Тюмень, 2014. – 147 с.
- ¹⁶Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 29.01.2018).
- ¹⁷Лукиянов Ф.А. Консерватизм сближает // *Россия в глобальной политике*. – 02.10.2014. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Konservativizm-sblizhaet-17019> (дата обращения: 27.01.2018).
- ¹⁸Концентриальная война – системное замещение и/или ликвидация основных ценностей массового сознания определенного общества с целью изменения самоидентификации данного общества для обеспечения его латентной полной управляемости извне.
- ¹⁹Комлева Н.А. Глобальная концентриальная война как основной тренд современной «гибридной войны» // *«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире*. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 219.
- ²⁰Ачкасов В.А. «Гибридные войны» как инструмент реализации стратегии «управляемого хаоса» // *«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире*. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – С. 247.
- ²¹На протяжении последних шести лет Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером России. В 2016 году Россия впервые вышла на первое место по поставкам нефти в Китай, обойдя Саудовскую Аравию (1,05 млн. баррелей нефти в сутки).
- ²²Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? // *«Эксмо»*, 2016. – С. 226.
- ²³Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России // *Россия в глобальной политике*. – 03.03.2016. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017> (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁴Ценности, которые должны объединить Россию и Европу // *Россия сегодня*, 16.03.2016. – URL: https://ria.ru/zinoviev_club/20160316/1390802487.html (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁵Бударагин М. Ольга Зиновьева: «Россия не прошла и четверти своего пути» // *Культура*, 26.10.2017. – URL: <http://portal-kultura.ru/articles/dostoyanie/172114-olga-zinoveva-rossiya-ne-proshla-i-chetverti-svoego-puti/> (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁶Лункин Р.Н. Россия и Европа в условиях кризиса // *Современная Европа*. – 2015. – 2(62). – С. 142.
- ²⁷Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – №9. – С. 114-121. – <http://www.obraforum.ru/pdf/bogaturov-US-civ-Nov2007.pdf>
- ²⁸Токтамысов С.Ж. Консерваторы в США и России на рубеже XX-XXI веков (Сравнительный анализ структуры представителей и внешнеполитических подходов) // *Дисс. к.ист.н.* – М., 2007. – С. 131-178.
- ²⁹Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // *Kremlin.ru*, 28.09.2015. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 28.01.2018).
- ³⁰Там же.
- ³¹Назарбаев: операция в САР показала, что РФ может отвечать за глобальный мир // *Россия сегодня*, 27.12.2017. – URL: <https://ria.ru/syria/20171227/1511810431.html> (дата обращения: 29.01.2018).
- ³²Лукашенко: Россия спасла Сирию и сохранила цветущее государство // *24МИР*, 26.12.2017. – URL: <https://mir24.tv/news/16284413/lukashenko-rossiya-spasla-siriyu-i-sohranila-cvetushchee-gosudarstvo> (дата обращения: 29.01.2018).
- ³³Китай приветствует успехи России и других стран в ходе операции в Сирии // *ТАСС*, 12.12.2017. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4804137> (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁴Россия, Иран и Турция обсудили сирийское урегулирование // *Россия сегодня*, 22.11.2017. – <https://ria.ru/syria/20171122/1509388377.html> (дата обращения: 25.11.2017).
- ³⁵Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 28.01.2018).
- ³⁶Столетов О.В. Общественная дипломатия как инструмент обеспечения состоятельности внешней политики современной России // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. – 2017. – №3. – С. 101-104.

@ Д.А. Темняков, М.А. Башлуева. 2018

Distribution of training time on individual working types**Распределение учебного времени по отдельным видам работы при проведении практического занятия**

Dmitry Alexandrovich Temnyakov,
Associate Professor of the Department of Social,
Economic and Humanitarian Disciplines of
the Moscow Regional Branch of the Moscow
University of the Ministry of the Interior of
Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of
Pedagogical Sciences

Дмитрий Александрович Темняков,
доцент кафедры социально-экономических и
гуманитарных дисциплин Московского област-
ного филиала Московского университета МВД
России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогич-
еских наук
Dima-terjewo@rambler.ru

Maria Andreevna Bashlueva,
the teacher of the criminal law and criminology
chair of the Moscow regional branch of the
Moscow University of the Ministry of the Interior of
Russia named after V.Ya. Kikotya
E-mail:rinkarikam.yandex.ru

Мария Андреевна Башлуева,
преподаватель кафедры уголовного права и
криминологии Московского областного фили-
ала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: rinkarikam.yandex.ru

Annotation. The article deals with the need for an effective distribution of study time in order to develop a communicative competence and increase the effectiveness of the process of training cadets at the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In order to achieve this goal, it is necessary to intensify the development of methodical methods, to consider the types of exercises aimed at developing oral speech, which ensure the development of speaking skills in the volume indicated in the program.

Keywords: time distribution, education, learning, speaking skills, speaking, speaking skills, listening, grammatical material, vocabulary, methods, teaching methods

Аннотация. В статье речь идет о необходимости эффективного распределения учебного времени в целях выработки коммуникативной компетенции и повышения эффективности процесса обучения курсантов вузов МВД России. Для достижения поставленной цели следует активизировать разработать методические приемы, рассмотреть типы упражнений, направленных на развитие устной речи, обеспечивающие развитие навыков разговорной речи в объеме, указанном в программе.

Ключевые слова: распределение времени, образование, обучение, навыки разговорной речи, устная речь, навыки говорения, аудирование, грамматический материал, лексика, методы, приемы обучения

Для цитирования: Темняков Д.А. Башлуева М.А. Распределение учебного времени по отдельным видам работы при проведении практического занятия. Социально-гуманитарное обозрение. 2018;1: Стр. 97-100.

За последнее время в нашей печати появился ряд статей, посвященных отдельным методам и приемам развития навыков устной речи у студентов и учащихся общеобразовательных школ, освещающих опыт лучших преподавателей.

Цель данной статьи — дать схему распределения учебного времени на занятиях по иностранному языку на I и II курсах вузов системы МВД и рассмотреть типы упражнений, направленных на развитие устной речи, которые наиболее целесообразны в условиях работы в неязыковом вузе.

Считаю возможным определить 5 типов практических занятий:

1. Практические занятия, в которых имеются все звенья процесса обучения.

2. Практические занятия, ознакомляющие учащихся с языковым материалом.

3. Практические занятия освоения учащимися сведений по языку.

4. Практические занятия образования и развития навыков языковой (речевой) деятельности.

5. Практические занятия повторения, обобщения и контроля.

В практике неязыковых вузов основными из этих типов практических занятий будут первый - практическое занятие с наличием всех звеньев процесса обучения и пятый — уроки повторения, обобщения и контроля. Последний тип не представляет особых методических трудностей, поэтому подробнее остановимся на первом.

Практическое занятие с наличием всех звеньев процесса обучения сложно тем, что нужно как можно целесообразнее распределить время на разные языковые аспекты, сокращая менее важное на данном этапе, и перенося часть работы на самостоятельную работу курсантов.

Практика показывает, что единственное, что может дать эффективную экономию во времени на занятиях — это почти полное исключение объяснения грамматических явлений преподавателем. Следует перенести повторение грамматического материала на самостоятельную работу курсантов, требовать краткого конспекта с примерами и проводить в аудитории проверку усвоения путем устных и письменных упражнений.

В этом случае примерное распределение времени по видам работы на типовом занятии будет следующее:

Рапорт на иностранном языке — 5 мин.

Проверка домашнего задания по грамматике и тренировка материала путем:

- контрольных вопросов по грамматике;
- устных упражнений по заданной теме (перевод с русского языка на иностранный и с иностранного языка на русских или других упражнениях);
- выборочной проверки заданного на дом письменного упражнения, всего — 25 мин.

Чтение заданного текста, его перевод и лексико-грамматический анализ; опрос слов и словосочетаний путем устного перевода с русского языка или других упражнений — 45 мин.

На некоторых занятиях вместо этого пункта мы проводим выборочный письменный перевод текста по отдельным отрывкам, — затем устные упражнения по тексту в виде вопросов и ответов, самостоятельной постановки вопросов курсантами к отдельным предложениям; анализа слов и словосочетаний. Отводимое время остается тем же.

Объяснение нового задания—5 мин, Последовательность практического занятия может, конечно, быть и иной; Зачастую после рапорта следует «активизация», а затем проверка домашнего задания. В целом темп практического занятия должен быть очень живой, иначе план будет сорван и материал недостаточно глубоко проработан.

Не имея возможности подробнее остановиться на всех видах работы, хочу только осветить вопрос о привитии навыков устной речи, что представляет для нас и, очевидно, для всех наибольшую трудность.

Как известно, средняя школа в настоящее время еще не дает удовлетворительных результатов по обучению устной речи, о чем пишут в прессе. Научить свободно говорить не может при существующей сетке часов ни школа, ни вуз, так как говорящий должен, не задумываясь, автоматически подбирать нужные языковые средства для выражения своей

мысли, а это требует длительной тренировки и выработки устойчивого правильного произношения.

В условиях вуза можно научить учащихся понимать и вести беседу на несложные темы, ограничив, однако, круг тем. Но следует с самого начала сказать, что особое внимание вопросам обучения устной речи не следует понимать как отказ от обучения чтению, переводу. Из приведенной выше схемы видно, что время, отводимое на этот вид работы, составляет всего 20 мин. Однако сразу же необходимо оговориться, что этот вид работы следует понимать шире; в понятие «активизация» входят следующие моменты:

Ведение всего занятия на иностранном языке, что создает необходимые условия для привития навыка понимания на слух и реакции на иностранную речь. На первых же занятиях нужно проверить, какие из обычных классных выражений знакомы курсантам, а какие они должны выучить или повторить, а также расширить круг этих выражений за счет связанных с высшим учебным, заведением слов и словосочетаний, например: кабинет, кафедра, начальник кафедры, зачет, названия дисциплин, общежитие и пр. Необходимо, чтобы курсанты выучили эти слова и выражения в течение первых двух недель, а затем пользовались ими на занятиях.

Обязательный рапорт на иностранном языке, которым курсанты по очереди встречают преподавателя. В рапорт входят сведения о присутствующих курсантах, о целях и задачах на данное занятие, а также о выполнении их группой, так что их приходится каждый раз разнообразить.

Устные упражнения на знакомой лексике для закрепления грамматической темы в виде перевода с русского языка, эти упражнения проходят очень живо, так как лексика не составляет трудности,

Ответы на вопросы по подготовленному тексту или перевод с русского языка на иностранный нескольких предложений, построенных на лексике текста. Это упражнение выполняется во время, отведенное на проверку заданного текста.

Работа над устной речью по теме, не связанной с проходным текстом. В сущности говоря, это не совсем правильно. Вся работа над привитием навыка устной речи должна была бы проходить на основе учебных текстов, но в неязыковых вузах это практически невозможно, так как тексты содержат либо правоохранительную терминологию, либо общественно-политическую лексику, а бытовую лексику приходится изучать по специально составленным коротким текстам или по специальным пособиям для развития навыков устной речи.

Круг бытовых тем желательно, по моему мнению, ограничить следующими четырьмя разделами:

1. о жизни и семье курсанта;
2. об учебе, службе и будущей специальности;
3. о своей стране и о стране изучаемого языка;

4. о дружбе с молодежью других стран.

Перед нами стоит цель научить учащихся овладеть следующими видами речи в пределах усвоенной лексики:

- Понимать вопросы, отвечать на вопросы и самим ставить вопросы.
- Делать небольшие связные сообщения по изученной теме;
- Понимать со слуха связную речь.

Время на запись слов и выражений на доске затрачивать не следует, так как у преподавателя должно быть мультимедийное сопровождение занятия в зависимости от темы, или учебник. Проработка каждой новой темы проходит примерно по следующей схеме:

* 1-е занятие - введение новых слов и сочетаний в связном рассказе преподавателя в виде вопросов либо в виде чтения специально составленного текста с пояснением новых слов и выражений и с последующей постановкой вопросов преподавателем. На каждое новое слово или выражение преподаватель задает не менее пяти вопросов, чтобы путем многократного повторения они лучше запомнились. На первом занятии можно взять примерно 15 новых слов или выражений;

* 2-е занятие — тренировочные вопросы преподавателя на ту же лексику; вопросы курсантов друг другу; устный перевод предложений с русского на иностранный. В процессе работы, преподаватель несколько расширяет лексику, добавляя еще 8—10 слов или выражений.

* 3-е занятие — маленькие связные сообщения курсантов на данную тему, вопросы всех членов группы курсанту, делающему сообщение, и устный перевод отдельных предложений с русского языка на иностранный для исправления ошибок, наиболее часто встречающихся в сообщениях.

Иногда вместо сообщения учащихся дается связный рассказ преподавателя на данную тему с последующим контролем понимания путем постановки; вопросов.

Таким образом, каждая небольшая тема (часть общей темы, проходимой на данном семестре) распределяется не менее, чем на три занятия.

Расширение и углубление знаний курсантов возможно только в пределах внеаудиторной работы, которая сводится в основном к проведению различных конкурсов, выпуску газет на иностранных языках, работе в научных кружках.

В работе разговорных кружков участвует в учебном заведении небольшое количество курсантов. Обычно это наиболее подготовленные учащиеся, которые хотят совершенствовать свои разговорные навыки, они работают очень активно и с большой охотой.

Занятия в кружке проходят один раз в неделю (2 часа), причем на занятии не произносятся ни одного

слова по-русски. Методика занятий в кружке резко отличается от учебных занятий; курсанты не получают никаких заданий на дом и записывают лишь только то, что сами находят важным. Занятие обычно начинается с рассказа преподавателя о прочитанной книге, виденном спектакле, кинофильме либо с чтения вслух или пересказа короткого текста. Затем курсанты пересказывают услышанное, задают преподавателю вопросы, высказывают свое мнение, если они, например, видели данный спектакль, и т. д. Часто один из курсантов рассказывает о чем-либо, подготовив заранее; свое выступление, или в некоторых случаях воспроизводит выученный наизусть отрывок.

Преподаватель часто приносит репродукции картин, и студенты обсуждают эти картины. Незнакомые слова и обороты закрепляются в ходе живой беседы, а также с помощью перевода с русского на иностранный язык. Практикуется также так называемый «свободный» перевод, т. е. перевод одного предложения разными путями с использованием синонимичных оборотов, например, предложения с я полагаю—I believe, I hope, I think, I suppose, I wonder и т. д. Преподаватель готовит карточки на проработанную тему, и курсанты составляют по ним вопросы и отвечают на них (What is the way to ...? Would you be so kind as to show me the way to.? Could you tell me the way to ..., etc.). Иногда проводятся беседы «Разговор с иностранным полицейским», причем один курсант изображает переводчика, а остальные иностранных полицейских, которые задают переводчику вопросы на определенную тему, или же все курсанты — группа русских полицейских в Англии, а один из них — переводчик.

Желательно иметь диктофон, чтобы записывать речь учащихся на пленку, а затем критически прослушивать ее, а также учиться понимать на слух речь различных людей, а не только преподавателя.

В конце занятий -- последние 10—15 минут — часто проводятся игры, например,

1. Игра на слова, начинающиеся на определенный звук. Каждый курсант должен по очереди называть английские слова, начинающиеся на определенный звук, например, на s, при этом употреблять дважды одно и то же слово нельзя, поэтому побеждает тот, кто знает больше слов. Эту игру можно варьировать: брать только существительные или только глаголы и т. д.

2. Игра на счет. Все по очереди считают, но вместо цифр, которые делятся и оканчиваются, например, на 7, надо сказать «stop». Сделавший ошибку из игры выбывает.

3. Игра на расширение ответа. Задается один и тот же вопрос по очереди всем курсантам. Например: Have you a family? Каждый последующий курсант должен дать в ответе на одно предложение больше, чем предыдущий.

4. Продолжение одного, и того же рассказа всеми курсантами поочередно.

5. Завершение начатого предложения. Один курсант начинает предложение и передает его соседу, который обязан его грамматически правильно завершить, затем он начинает новое и следующий должен его закончить. Совершив ошибку, игрок выходит из игры.

6. Игра на омонимы. Один участник выходит из аудитории, а остальные задумывают какие-либо омонимы (например, sun, son), которые вошедший должен отгадать. Половина группы, отвечая на вопросы, имеет ввиду слово sun, а другая — слово son. Это создает забавные ситуации, и игра проходит оживленно.

7. Игра на синонимы. Один курсант говорит слово, например, big, к нему по очереди называют сино-

нимы, выигрывает тот, который назовет наибольшее число синонимов.

8. Различные викторины на иностранном языке и многое другое;

Цель данной статьи — дать схему распределения учебного времени на занятиях по иностранному языку на I и II курсах вузов системы МВД и рассмотреть типы упражнений, направленных на развитие устной речи, которые наиболее целесообразны в условиях работы в неязыковом вузе. В условиях работы в неязыковом вузе возможно найти методы и формы работы с курсантами, которые будут эффективны при достижении цели и которые будут интересны как преподавателю, так и курсантам.

ЛИТЕРАТУРА/LITERATURE

1. Башлуева Н.Н. Повышение эффективности обучения курсантов вузов Министерства внутренних дел Российской Федерации: Дис... канд. пед. наук М., 2007. Bashulieva N.N. Increasing the effectiveness of training cadets at universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Dis ... Candidate of Pedagogical Sciences M., 2007.
2. Башлуева Н.Н. К вопросу о привитии навыков устной речи при обучении иностранному языку курсантов вузов МВД России. Прикладная психология и педагогика. 2017. Т.2. №2. С.1-7. Bashlueva N.N. On the issue of inculcation of oral language skills in teaching foreign languages to cadets from the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Applied psychology and pedagogy. 2017. T.2. №2. С.1-7.
3. Башлуева М.А. Обоснование сущности и структуры процесса обучения курсантов вузов МВД РФ. В сборнике: Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности. Сборник научных статей по итогам межвузовского научно-методического семинара. Редколлегия: Н.Г. Кадников, И.М. Мацкевич. 2017. С.222-229. Bashulieva MA Substantiation of the essence and structure of the process of training cadets of high schools of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In the collection: The importance of the criminal law for the training of employees of law enforcement agencies that carry out counteraction to crime. Collection of scientific articles on the results of the interuniversity scientific and methodological seminar. Editorial Board: Н.Г. Kadnikov, I.M. Matskevich. 2017. P.222-229.
4. Темняков Д.А. Оценка эффективности применения технических средств контроля знаний слушателей в образовательных учреждениях МВД России, Домодедово, 2000. 30 с. Temniakov, D.A. Evaluation of the effectiveness of the use of technical means of monitoring students' knowledge in the educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia, Domodedovo, 2000. 30 с.
5. Темняков Д.А. Воспитание культуры личной профессиональной безопасности в органах внутренних дел. Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Научно-практическое издание. -

@ С.Ф. Самойлов, А.А. Тимченко. 2018

Metaphysics denial in logical positivism and a post positivism**Опровержение метафизики в логическом позитивизме и пост ПОЗИТИВИЗМЕ**

Alexander Andreevich Timchenko,
Teacher of the Department of Philosophy and
Sociology Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Candidate of
Sociological Sciences

Александр Андреевич Тимченко,
Преподаватель кафедры философии и социоло-
гии Краснодарского университета МВД Рос-
сии кандидат социологических наук

Sergey Fedorovich Samoylov,
Head of the Department of Philosophy and
Sociology Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy,
Professor

Сергей Федорович Самойлов,
Начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор

Annotation. The content of the article is devoted to the consideration of the concept of purifying scientific knowledge from metaphysical assumptions as a stage in the development of science's self-consciousness and the struggle of the scientific worldview for the dominance of social and cultural life.

Keywords: metaphysics, philosophical thinking, scientific cognition, attitudes of consciousness, dogmatic character, postpositivism

Аннотация. Содержание статьи посвящено рассмотрению концепции очищения научного познания от метафизических допущений в качестве этапа развития самосознания науки и борьбы научного мировоззрения за доминирование социальной и культурной жизни.

Ключевые слова: метафизика, философское мышление, научное познание, установки сознания, догматический характер, постпозитивизм

Для цитирования: Самойлов С.Ф., Тимченко А.А. Опровержение метафизики в логическом позитивизме и пост позитивизме. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 101-105,

Особое значение борьба с метафизикой приобрела для так называемого логического позитивизма, представленного такими мыслителями, как М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Рейхенбах. Мировоззрение данных философов науки сформировалось во многом благодаря знакомству со знаменитым «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна. Цели, преследуемые автором данного произведения, во многом совпадали с целями «Критики чистого разума» Канта и были направлены на установление границ между философским и научным мышлением. Витгенштейн исходит из характерного для научной установки сознания понимания естественного мира в качестве подлинного бытия. При этом австрийский мыслитель, учитывая предшествующий опыт развития позитивистской традиции, утверждает, что мир есть совокупность не предметов, но фактов. Тем самым предпринимается попытка снять противоречия между реализмом и солипсизмом путем демонстрации взаимосвязи физических и психических процессов.

Отказ от узкого натурализма позволяет Витгенштейну сделать следующий шаг и провозгласить

тождество границ мира и границ языка. В этом указании на онтологический статус языка присутствует скрытая критика идеалистической установки сознания.

Так, Витгенштейн принципиально отказывается разделять мышление и язык, поскольку мышление всегда осуществляется на определенном языке, а тем более признавать наличие каких-либо идеальных сущностей.

Все идеальные конструкты, абстрактные понятия, различного рода символы представляют собой результат деятельности языка, поэтому нет необходимости выделять их в отдельные онтологические области, следует констатировать наличие различных естественных и искусственных языков.

Наделение языка онтологическим статусом потребовало демонстрации его связи с реальным миром. По Витгенштейну, эта связь выражается в том, что предложения являются образами фактов.

Тем самым Витгенштейн решает важную задачу, стоящую перед любой научной критикой метафизики: объяснить сам факт наличия метафизического мышления. Если предложения есть образы предме-

тов, то они, как и любые другие образы, могут быть как истинными, так и ложными. Истинные образы – это предложения естествознания, ложные – предложения метафизики. С данным разделением связано и знаменитое требование Витгенштейна: то, что может быть сказано, должно быть сказано ясно, о чем невозможно говорить, о том следует молчать.

В отличие от философии обыденное и научное сознание могут говорить ясно или, как говорит Витгенштейн, осмысленно, поскольку они строят предложения, которые в конечном итоге можно редуцировать к связям логических имен, за которыми должны стоять так называемые атомарные факты. Поэтому язык науки и повседневной жизни способен быть осмысленным даже в том случае, если индивид не имеет возможности созерцать предметы. На основании понимания смысла как способности репрезентировать факты Витгенштейн осуществляет свою критику логического, математического и философского знания.

Так, предложения логики сами по себе тавтологичны, нельзя установить из них истинность, не прибегая к фактам. Вместе с тем, будучи символами, они способны получить определенное фактическое наполнение и потому находят свое применение в научном познании и обыденной жизни. Подобно предложениям логики, выразительные средства математики также способны создать образ факта, изобразить мир, но при этом они демонстрируют определенную сторону вещей и процессов. Тем самым математика, будучи, как и логика, лишена смысла, все же включена в познание.

В противоположность логике и математике, способствующим получению осмысленного знания, метафизика является принципиально бессмысленной. По словам Пассмора, комментирующего Витгенштейна, «философа вводит в заблуждение тот факт, что грамматическая форма предложений не всегда отражает их логическую форму. По грамматической форме предложение «millionaires are non-existent» напоминает «millionaires are non-cooperative», и только на этом основании философ предполагает, что «несуществующее» есть «качество, пускаясь затем в метафизическое исследование «природы не-существования»».

В современном языке, в котором каждый знак непосредственно выражал бы свою логическую функцию... «millionaires are non-existent», было бы выражено... таким образом, что «non-existent» не казалось бы предикатом. Можно сказать, что такой язык делал бы логику не необходимой, а метафизике – невозможной. В других случаях, ... метафизика возникает в результате попытки переступить границы языка в рассуждении об отношениях между языком и миром. Ни одно предложение, утверждает Витгенштейн, не может репрезентировать то, что является общим для него и мира, - ту форму, благодаря

которой оно является точным образом. Чтобы представлять это общее, оно должно было бы включить в себя часть мира в необразной форме – с тем, чтобы обеспечить возможность сравнения мира и образа. Но это, согласно Витгенштейну, невозможно; сообщать о мире – значит одновременно изображать его. Думать иначе – значит воображать, будто мы можем каким-то образом сказать, что лежит за пределами языка, т.е. за пределами всего, что может быть сказано»[2].

Неспособность философии сформулировать осмысленные предложения приводит Витгенштейна к выводу, что познание должно осуществляться исключительно средствами естествознания. Но это означает отрицание возможности получения ответов на экзистенциальные вопросы. Тем самым, философская установка сознания, нацеливающая на поиск надмирной инстанции, способной придать происходящему определенную ценность, признается беспредметной или, на языке Витгенштейна, бессмысленной.

Если бы в мире, говорит австрийский мыслитель, и существовало что-либо ценное, оно мгновенно бы перестало быть ценным. Поэтому все происходящее в мире бесцельно и бессмысленно, оно имеет случайный характер. Мир подобен миражу, пригрезившемуся человеку, смысл этого миража становится понятным только после его прекращения. Но прекращение этого наваждения означает смерть, исключая какую-либо речь и какие-либо вопросы о смысле жизни. Это и есть, согласно Витгенштейну, единственный доступный человеку способ решения всех его экзистенциальных проблем.

Столь однозначное отрицание философской установки сознания сделало весьма актуальным вопрос о роли, которую должна играть философия в процессе познания. Как было указано ранее, представители первого позитивизма отводили философии роль знания, интегрирующего данные социальных наук в единое целое, а сторонники второго позитивизма признавали философию только в качестве методологии науки.

В противоположность им Витгенштейн утверждает, что философия может принести науке пользу только в том случае, если она перестанет существовать как самостоятельный способ теоретизирования, а превратится в особый вид интеллектуальной деятельности, направленный на очищение языка от метафизических допущений.

Таким образом, научное сознание в лице одного из своих защитников пришло к выводу о необходимости полного и безоговорочного преодоления философской установки сознания. При этом средством такого преодоления должно служить научное объяснение, которое должно показать индивиду не только иллюзорность и противоречивость философских противопоставлений, но и указать пути возвращения

к нормальной, естественной установке сознания. Такое рассмотрение противоположной установки сознания в качестве своего рода интеллектуального заболевания является вполне типичным приемом в борьбе основных форм духа.

История культуры показывает, что на смену фундаментализму, настаивающему на безусловной истинности собственного отношения к действительности, приходит убеждение в неискоренимости своих идейных противников, требующее налаживания с ними диалога. Данная схема взаимодействия философии и науки нашла свое воплощение в концепциях следующего за Витгенштейном поколения мыслителей-позитивистов.

Таким примером смягчения отношения научно-ориентированной мысли к метафизическому способу мышления может служить концепция Куайна, в которой за философией, хотя и не признается право на наличие собственной области познания, но зато она рассматривается как проявление научной установки сознания. Более того, глубинным основанием самой науки признается стремление раскрыть смысл мира.

Тем самым осуществляется своеобразный синтез мотивов научной и философской установок сознания, что, впрочем, не означает выхода философии за тесные рамки научного познания. Подчеркивая подчиненность философии задачам эпистемологии, свойственную концепции Куайна, Б. Страуд в своей статье «Аналитическая философия и метафизика» отмечает: «Куайновская точка зрения вообще не оставляет места для особого философского знания, существенно отличного от физического, математического или повседневного. Просто философия использует более общие категории, чем какая-либо из конкретных наук».

Но подобно всем областям науки, она стремится к знанию того, что истинно, - что такое реальность, что она содержит и как действуют составные ее элементы. Наука является попыткой постичь смысл мира – внести действительную степень простоты и понятности в поток опыта. По Куайну это происходит с помощью теоретизирования, выдвижения гипотез, принятия постулатов, выходящих за пределы данных и подтверждаемых до той степени, до какой они объясняют эти данные.

Целью является простота теории, отыскание более глубоких отношений между различными феноменами. Философия также ее преследует, но с помощью того же метода науки. Наука признает существование только того, в чем она нуждается, стремясь к объяснению. Философия продолжает этот процесс наиболее высоком уровне общности. Она пытается найти простейшую и наиболее общую схему, на основе которой следует говорить о существующем»[5].

Несмотря на то, что некоторые мыслители-сциентисты выступают за признание права философии

на существование, позитивистская традиция в целом, будучи выразительницей интересов научной установки сознания, продолжает сохранять негативное отношение к метафизике. Данная интенция была сохранена и в постпозитивизме, или философии науки, представляющей собой четвертый период развития контровского направления мысли. Наиболее ярким и последовательными ниспровергателями метафизики в постпозитивизме следует признать представителей критического рационализма К. Поппера и Х. Альберта.

При этом, если Альберт занимает откровенно враждебную позицию по отношению к метафизике, то Поппер предпочитает говорить о необходимости проведения демаркации между спекулятивной философией и эмпирической наукой, нежели о прямом опровержении метафизики. Свое внешне толерантное отношение к умозрительной установке сознания Поппер объясняет тем, что борьба с метафизикой очень часто провоцирует формирование догматического мышления у самих ниспровергателей догматизма. Под борцами с метафизикой, впадающими в догматизм, Поппер имеет в виду логических позитивистов и философов-аналитиков.

В своем основном труде «Логика научного исследования» англо-австрийский мыслитель подчеркивает: «...вместо того, чтобы изгнать метафизику из эмпирических наук, позитивизм наоборот ведет к внедрению метафизики в сферу науки. В противоположность таким антиметафизическим хитростям – антиметафизическим, конечно, только по их намерениям – я не ставлю своей целью ниспровержение метафизики».

Скорее, я хотел бы сформулировать приемлемую систему характеристик эмпирической науки или определить понятие «эмпирическая наука» и «метафизика» таким образом, чтобы для каждой данной системы высказываний могли определить, является ли ее исследование делом эмпирической науки или нет»[4]. Но, не смотря на сказанное, Поппер, конечно же, остается непримиримым борцом с метафизикой, поскольку она, по его мнению, путем апелляции к абсолютному бытию консервирует научное знание и мешает дальнейшему усовершенствованию объяснения природных и социальных процессов.

Согласно Попперу, основной причиной несовместимости научного и метафизического способов мышления является не эмпиричность первого и теоретичность второго, поскольку ядро науки представляет дедуктивные выводы, но принципиальная защищенность метафизических высказываний от критики.

По Попперу, метафизика обладает иммунитетом от критики, то есть положения не могут быть проверены на опыте, то есть не могут быть опровергнуты фактами. Во многом это объясняется тем, что ее предметом выступает идеальное или, если шире, умопо-

стигаемое бытие, тогда как наука обращена сугубо к чувственному пространственно-временному миру. Будучи принципиально опровергаемым знанием, наука, по Попперу, постоянно вынуждена выискивать отвечающий эмпирическому материалу объяснение действительности. Поэтому научное сознание, не будучи способным обнаружить прочные основания ни в физическом, ни в духовном мире, не имеет дела с абсолютно достоверной реальностью.

В противоположность научному сознанию метафизическое мышление имеет дело с самоочевидным бытием или «достоверностью». Достижение такого бытия осуществляется с помощью выбора приемов входящего в так называемую «трилемму Мюнхгаузена» (термин Ханса Альберта). Обнаружение достаточного основания при вынесении суждений достигается в ней следующими способами:

- регрессом в бесконечность, то есть путем обнаружения все новых слоев обоснования защищаемого положения;
- допущением круга в доказательстве, при котором еще нуждающееся в обосновании положение признается доказанным;
- прорывом в процессе обоснования и остановкой в интуитивно выбранном положении или начале.

Итогом применения одного из этих трех приемов приводит, согласно Альберту, к абсолютизации либо чувственно-наглядного, либо умопостигаемого бытия. Но в любом случае, речь идет об искусственном прекращении беспристрастного процесса познания и произвольном выборе сущностной характеристики мира в целом. Поэтому любая апелляция к достоверности, от какого бы вида знания она не исходила, рассматривается Альбертом в качестве проявления так называемой классической модели рациональности, связанной с метафизическим способом мышления, фетишизирующем определенный вид предметности или познавательной способности. В противоположность этой модели немецкий мыслитель защищает идеал критической рациональности, выдвинутой Поппером, согласно которой сознание должно ориентироваться не на поиск самоочевидной инстанции, но на создание принципиально проверяемых и тем самым обоснованных гипотез.

Необходимость смены типа рациональности Х. Альберт обосновывает следующим образом. «Догматический характер классической модели рациональности не настолько безобиден, как это видимо можно было допустить... Мы установили, что характерная для этого учения догматизация интуитивных воззрений и очевидных чувственных восприятий годится для того, чтобы зафиксировать познание на достигнутом им соответствующем уровне и тем самым защитить его от новых воззрений, стало быть, препятствовать научному прогрессу, который осуществляется обычно антиинтуитивным и антиин-

дуктивным путем, то есть путем радикального изменения наших мыслительных и чувствительных привычек. Следовательно, ориентация на классический постулат обоснования сводится фактически к предпочтению консервативных стратегий. Если теперь подведем итог нашим предыдущим рассуждениям, то можем при этом исходить из положения, которое... обобщает... критику классической модели рациональности и лежащее в ее основе стремление к достоверности: все достоверности в познании самовоспроизводятся и потому не имеют никакого значения для понимания реальности, это значит: мы можем постоянно удостоверяться в чем-то тем, что путем догматизации иммунизируем от всякой возможной критики какие-либо составные части наших убеждений и тем самым защищаем их от возможного крушения»[1].

Отказ от сохранения достоверности той или иной точки зрения любой ценой означает для Поппера и Альберта ни что иное, как право научного мышления на проверку любого рода знания на предмет его обоснованности и объясняющей способности. Естественно, что первый, на кого была направлена критическая проверка научного сознания, являлась философия и, прежде всего, ее идеалистические направления, нацеливающие индивида на поиск достоверной смыслонаделяющей инстанции, придающей определенную ценность всем происходящим в мире процессам.

Закономерное со стороны критического рационализма отрицание возможности обнаружения такого рода инстанции вновь поставило вопрос о соотношении философии и науки. В отличие от Витгенштейна и многих философов-аналитиков, отрицавших философию за пределами решения задачи по исправлению языка, Поппер и Альберт допускает наличие научной философии, включенной в объясняющую установку сознания и выполняющую функцию методологии научного познания. В этом они идут вслед за эмпириокритицистами и отчасти за Кантом.

Завершая краткий обзор критики осмысляющей установки сознания со стороны научно ориентированных философских учений, хотелось бы привести фрагмент статьи Н. С. Юлиной «Проблема науки и метафизики в сциентистской философии XX века», в которой достаточно точно выражена как положительные, так и отрицательные моменты сциентистского опровержения философии: «Критики старой умозрительной и созидательной философии связана с отказом от субстанционализма, с отрицанием возможности философии к созданию общей картины бытия... в наибольшей мере иллюзии антиметафизической философии свойственны сциентистскому типу философии и, прежде всего, неопозитивизму. Критика метафизики здесь перерастает в самоликвидацию философии.

Восстание против метафизики имеет свой содержательный позитивный аспект. В процессе критического отрицания метафизики была проделана определенная конструктивная работа: ...тщательному анализу подверглись методология, логика и язык философии... однако, осуществление этих достижений в рамках сциентизма, то есть определенной идеологии, фетишизирующей науку, обусловила искаженное превратное представление о природе философского знания.

Философия была лишена... мировоззренческих функций и превращена в логико-методологическую служанку науки, ограничивающую свои задачи расширением пути для прогресса научного знания»[6].

Здесь следует подчеркнуть, что прагматическое и даже потребительское отношение одной формы духа к другой не является чем-то из ряда вон выходящим. Религии в периоды своего расцвета использовали философию и науку для обслуживания своих интересов. Точно также философия в лице очень многих

своих представителей низводит религию и науку до роли неполноценных форм знания. Поэтому научную критику философии нужно рассматривать не как нечто положительное или отрицательное, но как форму раскрытия определенным видом духа как собственной, так и отвергаемой установки сознания, призванного поставить индивида перед выбором познавательных и ценностных ориентиров.

Что же касается главного аргумента научного сознания, направленного против привилегированного положения осмысляющего отношения к действительности, то его можно сформулировать следующим образом.

Прежде чем задаваться вопросом о смысле собственного существования и бытия мира в целом, необходимо понять, каким образом функционируют сознание и природа, без этого исследования ответ на экзистенциальное вопрошание будет простой проекцией эмоциональных переживаний на объективное бытие.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 57. Albert H. The treatise about critical mind / Lane with him. М.: Editorial of URSS, 2003. Page 57.
2. Пассмор Дж. Сто лет философии: Пер. с англ. – М.: «Прогресс-Традиция», 1998. – 496 с. Passmor J. Hundred years of philosophy: The lane with English – М.: “Progress-Tradition”, 1998. – 496 pages.
3. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. – 528 с. Platon. Collected works in four volumes. T.2 / General edition of A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi; Примеч. А.Ф. Losev and А.А. Takho-Godi; The Lane with древнегреч. – М.: Thought, 1993. – 528 pages.
4. Поппер К. Р. Логика научного исследования / Под общ. ред. В. Н. Садовского. – М.: Республика, 2005. С. 34. Popper K. R. Logic of scientific research / Under a general edition of V.N. Sadovsky. – М.: Republic, 2005. Page 34.
5. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост. Грязнов А. Ф. – М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 170. Stroud B. Analytical philosophy and metaphysics//Analytical philosophy: Chosen texts / Sost. Gryaznov A. F. – М.: MSU publishing house, 1993. Page 170.
6. Юлина Н. С. Проблема науки и метафизики в американской философии XX в. // Философия в современном мире: Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. С. 236. Yulina N. S. A problem of science and metaphysics in the American philosophy of the 20th century//Philosophy in the modern world: Philosophy and science. Critical sketches of bourgeois philosophy. М.: Science, 1972. Page 236.

@ С.Н. Тихомиров. 2018

Socio-cultural challenges to Russian education, the main contradictions of the high school and the ways of their overcoming

Социокультурные вызовы российскому образованию, основные противоречия высшей школы и пути их преодоления

S.N. Tikhomirov,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Kikot, professor of the Chair of Pedagogy educational and scientific complex of psychology performance, PhD in Pedagogy

С. Н. Тихомиров,
кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. The article describes and analyzes socio-cultural challenges in the field of education in general and in higher education in particular. The contradictions are emerging, which have become relevant for Russian higher education and tend to increase. Based on the analysis of identified major contradictions, we suggest ways to overcome them.

Keywords: professional education, pedagogy of higher education, dialectical challenges and contradictions.

Аннотация: в статье описываются и анализируются социокультурные вызовы в сфере образования в целом и в высшей школе в частности. Выделяются противоречия, которые стали актуальными для российского высшего образования и имеют тенденцию к нарастанию. Опираясь на анализ выявленных основных противоречий, предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: образование, высшее образование, диалектические вызовы и противоречия

Для цитирования: Тихомиров С.Н. Социокультурные вызовы российскому образованию, основные противоречия высшей школы и пути их преодоления. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 106-110.

С начала XXI века человеческий потенциал становится главным ресурсом эффективного развития, национальной безопасности, конкурентоспособности, возрастания качества жизни граждан России. Одновременно со становлением постиндустриального социума происходили и происходят изменения, появляются вызовы во всех сферах общественной жизни, в том числе и образовании.

Под социокультурными вызовами российскому образованию нами понимаются социальные и культурные явления, создающие устойчивое напряжение в сфере российского образования в целом и в высшей школе в частности. Анализ этих явлений будет продуктивен, если понять, как они возникали, как проявляются в сегодняшней ситуации и каковы перспективы их существования в будущем. Начнем наш анализ с краткой феноменологии изменений мира повседневной жизни обучающихся за последнее десятилетие – первое-второе десятилетия двадцать первого века.

На наш взгляд, в коротком перечне свершившихся и свершающихся девяти «революций» (или «смут»), которые породили многочисленные ценностные расколы (дифференциацию мировоззрений,

политических и социальных ориентаций, смыслов жизни), следующие:

- Политическая и социально-экономическая революции (смена общественно-политического строя в России, появление частной собственности, рыночных отношений).
- Потребительская революция (скачек от пустых полок магазинов к ассортименту супермаркетов и моллов, «обществу потребления»).
- Криминальная революция (рост бытовой и уголовной преступности, распространением криминального и криминализованного сознания, его проникновение в государственные и бизнес структуры).
- Гендерная революция (ослабление гендерной поляризации, вследствие выбора рода занятий и стиль жизни более или менее безотносительно половой принадлежности и в соответствии со своими притязаниями).
- Сексуальная революция (индивидуализация и атомизация социума, ослабления внешнего контроля за сексуальным поведением).
- Семейная революция (увеличение возраста вступления в брак, рост количества разводов, сочетание разного типа семей – традиционных (патриархальных) и современных (детоцентристских,

супружеских, дистантных), увеличение количества внебрачных детей и т.п.).

Отметим, что данные изменения в жизни российских граждан зарождались еще в 90-е годы прошлого века, развернулись к 2000-м гг. и продолжают влиять на россиян и образование до настоящего времени.

Профессор А. В. Мудрик считает детищем XXI в. еще ряд «революций», к которым относит коммуникационную и «игровую»¹. Коммуникационная революция (компьютеризация, интернетизация, телефонизация (мобильная, IT-телефония, скайп), социальные сети в Интернете, виджетизация (массовое использование видеосервисов в Интернете), многочисленные радиостанции и телеканалы, автомобилизация). «Игровая» революция (массовое распространение компьютерных игр; появление субкультурных игр (пейнтбол, «ночной дозор» и подобные); исторических и фэнтезийных реконструкций, существенной трансформации сюжетно-ролевых игр).

Переплетение этих и других обстоятельств порождает ряд противоречий, которые необходимо разрешать и развивать, но у нас они сопровождаются огромными социальными переменами в экономической, политической, духовной жизни, что еще более осложняет реформирование образования. К тому же в самой социально-гуманитарной части образования потребовались перемены в связи с переходом в другую социальную систему – капитализм. Его толкование многих процессов – смены парадигм.

Проводя краткий анализ этих революционных смут, важно отметить, что высшая школа, как наиболее консервативный институт общества, почти не перестроилась и во многом сохранилась. В связи с этим нам интересны особенности, характеризующие современную высшую школу с точки зрения ее основных противоречий. Во-первых, смена социального строя в России была сопряжена с утверждением новой социальной системы – информационного общества, но переход в информационное общество не потребовал кардинальных перемен в российском высшем образовании, его реформирования в информационной подготовке специалистов. Во-вторых, новая парадигма компетентностного подхода порождает узкого специалиста в ущерб фундаментальной подготовке, что снижает кругозор обучающихся. Современное российское вузовское образование характеризуется неспособностью эффективно выполнять прежние функции, в частности передача молодому поколению базовых духовно-нравственных ценностей. Оно не выдерживает конкуренции с рыночными структурами и СМИ, которые транслируют ценности конкурентоспособности и индивидуальной успешности и требуют, чтобы образовательные учреждения превратились в индустрию по производству продукта, пользующегося спросом на международном рынке труда. Фундаментальная составляющая образования утрачивается в пользу

прикладной компоненты. В-третьих, обострилось старое противоречие высшего образования между политехнической и социально-гуманитарной составляющими, что объясняется нехваткой времени на обучение. В-четвертых, глобализация в обществе порождает глобализацию в образовании: становятся едиными подходы, умения, технические устройства, а наука и техника – интернациональны. Но при этом страдает национально-культурная подготовка специалистов, поэтому Болонская система у нас приживается с трудом. В-пятых, молодые люди, в том числе и студенты (курсанты, слушатели), не отягощены грузом старых знаний, у них нет ориентации на опыт прошлых лет, поэтому в мировоззрении и ценностях они более подвижны, инновационны, чем преподаватели и книги: у них отсутствует «ломка» старых взглядов, но их поведение вызывает много вопросов. Наши студенты и школьники старших классов образуют поколенческий феномен, который уже получил социологическое и социокультурное обозначение: поколение Y (годы рождения 1990-е, следующее за поколением X, бэби-бумерами 1980-х; другие термины: миллиеналы, поколение next, «сетевое» поколение, эхо-бумеры)². Говорят, также о поколении «ЯЯЯ» – от англ. MeMeMe. Их социо-антропологический портрет таков, что специалистов беспокоит наивное сознание и социальный инфантилизм³, они говорят, что «некому планету в руки передавать: племя молодое ее испортит или потеряет»⁴.

Рассмотрение особенностей, характеризующих современную высшую школу с точки зрения ее основных противоречий позволяет нам сделать заключение о том, что развитие и функционирование духовно-нравственных ценностей современного российского вузовского образования обусловлено влиянием ряда внешних и внутренних факторов.

Нами к числу факторов внешнего характера отнесены: глобальные проблемы современной цивилизации, не затронувшие образование и науку; мировой образовательный процесс; ценностное пространство мировой и национальной культуры, претерпевающей серьезные изменения в связи с глобальной экспансией массовой культуры. К внутренним факторам нами отнесены: уже существующая национальная система образования, способы осуществления образовательной деятельности, оказывающие влияние на высшее образование; плохо согласованное управление образованием в соотношении государство-общество; недостатки в реализации подходов к организации и содержанию подготовки специалистов; основные характеристики личности обучающегося, его готовность к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации.

Эти факторы, отмеченные нами выше, одновременно и объективны (образование должно отвечать экономическим, политическим и духовным потребностям общества), и субъективны (организуется,

регулируется, реформируется, управляется чиновниками, занимающими реальные должности как в государстве, так системе образования).

Для дальнейшего раскрытия темы отметим, что современные духовно-нравственные ценности российского вузовского образования обусловлены как традициями, так и двумя группами противоречий. Первая - между вовлеченностью российского государства в общемировые процессы (присоединение отечественной системы образования к западной образовательной модели) и насущной потребностью сохранять традиции отечественной высшей школы с присущей ей аутентичной системой духовно-нравственных ценностей. Вторая - между возрастающим значением спроса со стороны заказчиков и рынка на узко квалифицированного специалиста (в т.ч. в правоохранительной сфере) и необходимостью формирования гармоничной, самодостаточной, духовно-нравственной личности, что может быть обеспечено сильной, независимой системой образования.

Обратимся к первой группе противоречий, к которой относятся:

1. Противоречие между традиционными особенностями российского образования и основополагающими принципами Болонского соглашения.

Напомним, что образовательная система в рамках Болонского процесса, направленная на увеличение конкурентоспособности и привлекательности западноевропейского высшего образования, имела своей целью привлечение в Европу наилучшего интеллектуального потенциала. Нацеленность на мобильность, расширение рамок социальной активности обучающихся, прагматизация образовательных отношений вошли в противоречие с фундаментализацией отечественного высшего образования. На сегодняшний день возникла прямая опасность меркантилизмами отношения студентов к содержанию образования. Это создало проблемы содержанию и методике построения содержания отечественного высшего образования, стало угрожать утратой ряда достоинств и достижений традиционного российского высшего образования – его глубиной, систематичностью, фундаментальностью и гуманитарной составляющей.

Известно, что именно фундаментальность содержания отечественной профессиональной подготовки создает тот особый слой широко образованных людей, который характеризуется высоким уровнем теоретической подготовки, широтой научного кругозора, выходящего далеко за пределы конкретной специальности или специализации. Задачи фундаментализации высшего образования решались и решаются на основе его гуманитаризации, при которой качество подготовки специалиста зависит не столько от уровня его профессиональных знаний и навыков, сколько от сформированности духовно-нравственных и смысложизненных ценностей, понимания

своего назначения в обществе и нравственной основы труда. Попытки пренебречь социогуманитарным аспектом профессионального образования в угоду рыночно-ориентированному функционализму могут не только привести к «денационализации» отечественного высшего образования, но и к утрате гуманистической миссии образования – формирования профессионала как субъекта собственной жизни и деятельности. В нашем понимании обладающего мировоззренческими ориентациями, базирующимися не только на универсальных, но и на общероссийских, локально-национальных ценностях, способного и к освоению отечественной культуры, и межкультурному диалогу. Именно поэтому отечественное высшее образование призвано сохранить фундаментальность, следовать утвердившейся культурной традиции соединения общекультурных и национальных ценностей. Хотя педагогический характер фундаментальности содержания профессиональной подготовки сегодня меняется.

По нашему мнению разрешением данного противоречия должен стать возврат на новом витке социально-экономического развития к фундаментальным основам высшего образования, предполагающим высокий теоретический уровень, широту естественно-научного и научного кругозора на фоне общей культуры, а также системность и методологичность приобретенных и интериоризированных обучающимся полифункциональных знаний⁷.

2. Противоречие между процессом реформирования отечественного высшего образования и недостаточной разработанностью механизма реализации компетентностного подхода.

Введение вместо когнитивного («знаниевого») подхода в российское образовательное пространство компетентностного подхода перенесло акценты со знаний на умение самостоятельно решать проблемы с опорой на имеющиеся знания, практический опыт и приобретенные компетенции. Практика показала, что данный подход имеет как положительные, так и проблемные характеристики. Опыт работы позволяет считать, что основными проблемами компетентностного подхода являются⁶:

- широта трактовки компетенций, которые образовательным организациям, государству и обществу сложно проконтролировать;
- трудности контроля, текущего оценивания результатов освоения и применения компетенции; что делает высшее образование деятельностью с отсроченным результатом, который реально оценить можно только через несколько лет (от 1 до 3 лет) после окончания профессионального обучения;
- консервативность, сопротивление (саботаж) педагогических работников, их психологическая неготовность к работе в рамках компетентностной парадигмы и тяга к традиционным технологиям оце-

нивания в когнитивном контексте через субъект-объектные отношения;

- организационная несогласованность, постоянное введение новых ФГОС, при том, что педагогические работники образовательных организаций всех уровней не успевают адаптироваться и обеспечить методически все новые образовательные программы по имеющимся или постоянно изменяющимся стандартам.

Для разрешения данного вида противоречия важно, с одной стороны, обеспечить реальное взаимодействие государства, работодателей, образовательных организаций в разработке профессиональных стандартов, которые станут основой для внесения изменений и согласований в ФГОС. Такой подход определит, как единые требования к результатам высшего образования, так и позволит осуществлять организационное и методическое сопровождение вводимых в действие стандартов, привязанных не к образовательным, а к трудовым функциям и профессиональным действиям.

3. Противоречие между многообразием правовых форм университетов России и уровнями других образовательных организаций, их требованиями к содержанию образования и отсутствием единых подходов к трактовке этого содержания для создания условий для реализации возможностей создания внутренней мобильности российских студентов и преподавателей.

Созданная в постсоветской России сложная и разветвленная система высшего образования включает в себя высшую школу центра и периферии (два университета с особым статусом, федеральные, исследовательские, опорные и др.; государственные и частные вузы). Важным условием сохранения национальной особенности российской образовательной системы в рамках европейского образовательного пространства является не столько единый подход к содержанию образования с приоритетом интеллектуального развития, сколько акцент на духовно-нравственное развитие личности, обеспечивающее целостный взгляд обучающегося на мир и свое место в нем. Именно это и делает особенно важным взаимодействие субъектов образовательного процесса: государства, университетов, институтов и колледжей по поводу государственного и общественного контроля (аттестации) как над содержанием гуманитарных дисциплин, так и единым, взвешенным подходом к формулировке компетенций.

Обратимся к короткому анализу второй группы противоречий, к которым относятся:

4. Противоречие между потребностью российского общества в широком круге образованных людей и невозможностью обеспечения удовлетворения образовательных потребностей всех желающих.

Российское государство, декларируя конституционное право на образование всем гражданам, из-за

объективной экономической ограниченности возможностей государства не в полном объеме обеспечивает гарантии соблюдения данного права бесплатно. Отклики с мест показывают, что платные услуги могут позволить себе далеко не все желающие. Кроме экономических причин важно учесть и обширные территории России, которые сужают возможности желающих получить высшее образование.

Опыт подсказывает, что выход из противоречивой ситуации лежит сразу в нескольких плоскостях: имеющаяся тенденция к изменению социально-экономической ситуации в стране в сторону стабилизации может способствовать сокращению гигантского разрыва между богатыми и бедными и позволит увеличить число потенциально ориентированных на высшее образование; увеличение бюджетного финансирования образовательной сферы позволит большему количеству молодых людей получить бесплатное профессиональное образование, а развитие и укрепление региональной сети образовательных организаций во всех субъектах РФ сделает высшее образование реально доступным.

5. Противоречие между узко специальной профессиональной подготовкой, вызванной социальным заказом и экономической целесообразностью, и необходимостью формирования духовно зрелой личности, чуждой безответственности и социальному инфантилизмом.

Отметим, что вопрос о доминантных характеристиках высшего образования: что должно быть приоритетным – подготовка специалиста или же формирование гармоничной личности – не новый. Его актуализация в нынешних условиях обусловлена глобализационным расширением социального пространства, акцентуацией на прагматичности жизни и деятельности современных людей. Востребованность профессионализма, компетентности вызвана требованиями информационного общества («общества знаний»). Человек экономический, человек профессионал-функционер не обязательно имеют негативный дискурс. Американский ученый Э.Толфлер отмечал: «Технология завтрашнего дня требует не миллионов поверхностно начитанных людей, готовых работать в унисон на бесконечно монотонных работах, не людей, которые выполняют указания не моргнув глазом, сознавая, что цена хлеба – это механическое подчинение власти, но людей, которые могут принимать критические решения, которые могут находить свой путь в новом окружении, которые достаточно быстро устанавливают новые отношения в быстро меняющейся реальности»⁷.

Противоречивость сложившегося положения разрешается посредством

диалектического взаимопроникновения, взаимодополнения профессиональных качеств общекультурными знаниями, национальными духовными ценностями, а это возможно не через «элитное», а

через общедоступное высшее образование и профессиональное воспитание, основанные на преемственности духовно-нравственных ценностей и традиций российской цивилизации, подлинной культуры народа и его великой истории.

6. Противоречие между реальным и должным статусом научно-педагогического работника образовательной организации высшего образования.

Сразу отмечу, что положение современного педагога высшей школы охарактеризовать однозначно нельзя. Противоречивость его статуса заложена в громадности требований общества и неоднозначности современных критериев оценки труда. Так в индивидуально-психологическом плане преподавательский труд возвышает педагогического работника в общественном мнении и собственных глазах (выполняет важную и социально значимую функцию). Но в условиях современных финансово-экономических отношений реальная финансовая оценка труда большей части преподавателей не способна полностью удовлетворять их основные потребности.

Разрешением данного вида противоречия являются: всемерная действенная поддержка образования со стороны государства, целенаправленная работа государственных структур, СМИ по повышению статуса и престижа научно-педагогического работника, а также динамичные адекватные изменения в практической деятельности самих педагогов. Они могут быть сведены к психолого-педагогической компетентности и учету особенностей современных студентов; готовности к смене характера деятельности – от роли транслятора знаний к организации, координации и тесному взаимодействию с обучаемыми; корректировке содержания высшего образования; изменению форм и технологий обучения; постоянному совершенствованию педагогического мастерства педагогов).

Таким образом, основные противоречия современного российского высшего образования обусловлены вступлением России в Болонский процесс: с одной стороны (Россия становится частью европейского образовательного пространства), кардинально меняется стройная система отечественного образо-

вания, высокий уровень которой признавался во всем мире; с другой стороны, Россия, проповедуя традиционные духовно-нравственные ценности, отмечает: студенческая молодежь попадает во все в большую зависимость от стандартов массовой культуры, имеющей антигуманистический характер.

В методологическом и практическом планах большое значение для анализа противоречий, духовно-нравственных ценностей высшего образования приобретает гегелевская концепция диалектического отрицания. В нем отрицание понимается как «снятие», т.е. сохранение из предыдущего багажа отечественного образования всего положительного, жизнеспособного, как базы, на основе которой только и возможно продвигаться вперед. Следует заметить, что методологическая ошибка руководителей страны и образования состоит в том, что в 90-е годы прошлого века была занята позиция абсолютного отрицания предыдущего этапа развития страны (по революционному принципу «до основанья, а затем») как в экономической, политической, так и в духовной сферах, мы все за это заплатились. В настоящее время наступило прозрение, вместе с которым активно ведется поиск ответа на вопрос: что делать с высшим образованием, в каком направлении ему развиваться дальше? Наверное, полный возврат к прошлому невозможен в принципе. Да и скорее всего это уже и не нужно. Но сохранение, возрождение и развитие на новой экономической, политической, социальной и правовой основах положительных, оправдавших себя образовательных отношений, смысловых ориентаций молодежи, духовно-нравственных ценностей и, возможно, высшего образования, необходимо. И в этом плане неизменной задачей отечественного высшего образования остается не просто формировать удачного правоохранителя или другого профессионала государственной службы или на рынке труда, но и воспитывать духовно-нравственную, социально-ответственную, всесторонне развитую, гармоничную и творческую личность, цели и задачи которой могут быть осмысленно встроены в механизм функционирования современного общества.

¹ Мудрик А. В. Социализация и школа на рубеже веков // Полидисциплинарное видение социокультурных вызовов школе: дополнительность и оппозиции: материалы круглого стола (29 июня – 1 июля 2015). Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2015.

² «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет. - http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np; <http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>.

³ О когнитивных свойствах массового сознания Международная научно-практич. социол. конф. «Продолжая Грушина». 11–12 ноября 2010 г., Москва : ВЦИОМ. http://wciom.ru/fileadmin/nayka/konfGr_2010/Krokinskaya.pdf.

⁴ Вся правда о похеренном поколении 90-х. - http://www.maximonline.ru/statji/_article/poherennoe-pokolenie.

⁵ Тихомиров С.Н., Вохонцева Н.С Особенности формирования общекультурных компетенций в процессе вузовского образования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 331-334.

⁶ Тихомиров С.Н. Педагогика высшей школы. – учебное пособие. – М., 2016. – С. 20-24.

⁷ Тоффлер Э. Шок будущего : Пер. с англ. / научн.ред., автор предисл.- д.ф.н., проф.

@ А.Р. Украинец, М.В. Саудаханов. 2018

Constitutional and legal bases of political pluralism in the states of Central and Latin America (by the example of the Federal Republic of Brazil, the United Mexican States, the Argentine Republic)

Конституционно-правовые основы политического плюрализма в государствах Центральной и Латинской Америки (на примере Федеративной Республики Бразилии, Мексиканских Соединенных Штатов, Аргентинской Республики)

Anastasia Romanovna Ukrainets,
cadet of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Анастасия Романовна Украинец,
курсант Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: ukrainecz99@bk.ru

Marat Vildanovich Saudakhanov,
Candidate of Law sciences Lecturer of the
department of constitutional and municipal law
Moscow University of the MIA of Russia named
after V.Ya. Kikot

Марат Вильданович Саудаханов,
Кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры конституционного и муниципального
права Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Annotation. The article deals with the constitutional and legal bases of political pluralism in the states of Central and Latin America (by the example of the Federal Republic of Brazil, the United Mexican States, the Argentine Republic). The authors analyze and draw conclusions.

Keywords: states of Central and Latin America, the Federal Republic of Brazil, the Mexican United States, the Argentine Republic, constitutional and legal bases, political pluralism, ideological diversity, multi-party system, political parties, political associations, parliament, elections, deputies, mandate

Аннотация. В статье рассмотрены конституционно-правовые основы политического плюрализма в государствах Центральной и Латинской Америки (на примере Федеративной Республики Бразилии, Мексиканских Соединенных Штатов, Аргентинской Республики). Авторы проводят анализ и делают выводы.

Ключевые слова: государства Центральной и Латинской Америки, Федеративная Республика Бразилия, Мексиканские Соединенные Штаты, Аргентинская Республика, конституционно-правовые основы, политический плюрализм, идеологическое многообразие, многопартийность, политические партии, политические объединения, политические ассоциации, парламент, выборы, депутаты, мандат

Для цитирования: Украинец А.Р., Саудаханов М.В. Конституционно-правовые основы политического плюрализма в государствах Центральной и Латинской Америки (на примере Федеративной Республики Бразилии, Мексиканских Соединенных Штатов, Аргентинской Республики). Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 111-114.

«Человек по природе своей есть существо политическое»

Аристотель, трактат «Политика»

Каждая личность, живущая в социуме любого от-дельно взятого государства, независимо от своей воли, активно или пассивно, но все же является участником политической деятельности страны. При этом надо отметить, что такое участие возможно лишь в том случае, если государство является правовым, то есть права и свободы личности представляют высшую социальную ценность, действует принцип разделения властей и провозглашено верховенство закона¹. Вместе с тем характерной чертой правового государства также является идеологическое многообразие и политический плюрализм, суть

которого заключается в свободной законной деятельности различных политических союзов и объединений.

Понятие «плюрализм» в области политики стало использоваться относительно недавно, если сравнивать с другими областями знаний и деятельности (например, в философии данный термин был введен философом Х. Вольфом в 1712 году). В политическом же контексте впервые употребил его и ввел в оборот британский политолог Г. Ласки в 1916 году.

Политический плюрализм (от лат. Pluralis – множественный) - определяющий принцип нынешней социаль-

ной структуры при демократии у многих правовых государств, когда всякого рода политические партии, союзы или другие объединения сотрудничают и конкурируют в условиях беспрепятственного изъяснения собственного круга интересов. Он стал утверждаться в западных странах с тех времен, когда функции исполнительной и законодательной власти были четко отграничены друг от друга, стали приниматься и реально защищаться конституции, которые в дальнейшем официально закрепили принцип плюрализма в отдельных статьях².

При этом если в жизни некоторых государств (например, Соединённые Штаты Америки, Федеративная Республика Германия, Французская Республика) политический плюрализм занял прочное место и является неотъемлемой частью государственной политико-правовой системы, то в других государствах (например, Королевство Саудовская Аравия, Королевство Япония, Султанат Бруней-Даруссалам) он вовсе не утвердился в силу исторических традиций и культурных особенностей. При этом существует третья группа государств (например, Аргентинская Республика, Федеративная Республика Бразилия, Мексиканские Соединённые Штаты), для которых рассматриваемый государственный институт является новым и только получает свое развитие.

Полагаем, что изучение и исследование опыта становления и развития политического плюрализма в государствах, указанных в условной третьей группе, должно представлять на сегодняшний день наибольший интерес для юристов и исследователей в области права. Связано это, как уже было отмечено выше, с тем, что рассматриваемый институт для названных государств является новым, а также с тем, что практическая его реализация отличается от той, что применялась в странах Запада.

Надо сказать, что во второй половине XX века во многих странах Центральной и Латинской Америки понятие «плюрализм» подвергалось жесткой критике и осуждению. Однако с падением режима военных диктатур и выбором пути на демократизацию институт политического плюрализма стал привлекать к себе повышенное внимание.

При этом стоит отметить, что в большинстве стран рассматриваемого региона политические партии не занимают ведущей роли в механизме реализации государственной власти, что отличает эти страны от развитых правовых государств и ставит их в один ряд с развивающимися странами Азии и Африки. Объясняется это в первую очередь продолжающейся тенденцией на усиление президентской власти, относительной слабостью законодательной власти и главенствующей ролью исполнительных органов в процессе реализации государственной власти³.

В настоящее время большинство конституций государств Центральной и Латинской Америки не содержат отдельных глав, посвященных политическому плюрализму и политическим партиям, при этом ограничиваются лишь рядом статей и отсылают к органическим законам, принятым на основе конституции, в которых подробно регламентируются их правовой статус и основы организации и деятельности.

Так, Конституция Федеративной Республики Бразилия (далее – Бразилия), принятая 5 октября 1988 года, в ст. 17 закрепила:

«Образование, слияние, присоединение и роспуск политических партий является свободным при соблюдении уважения национального суверенитета, демократического режима, принципа плюрализма, основных прав человеческой личности и следующих правил:

I. Национальный характер⁴;

II. Запрещение получать финансовые средства от иностранных организаций или правительств, или от подчиненных им органов;

III. Представление отчетов в органы юстиции по избирательным делам;

IV. Парламентская деятельность в соответствии с законом.

Параграф 1. Политическим партиям гарантируется автономия при установлении ими своей внутренней структуры, организации и деятельности; их уставы должны содержать нормы о верности партийной дисциплине.

Параграф 2. Политические партии после получения ими статуса юридического лица в соответствии с нормами гражданского права должны зарегистрировать свои уставы в Высшем трибунале по избирательным делам.

Параграф 3. Политические партии имеют право на получение финансовых средств из Фонда партий и бесплатный доступ на радио и телевидение в соответствии с предписаниями закона.

Параграф 4. Политическим партиям запрещается использовать форму военизированной организации⁵.

Как видно из содержания указанной статьи, институт политического плюрализма в Бразилии является конституционным.

Положение о том, что уставы партий должны содержать нормы о верности партийной дисциплине, закрепленное в Параграфе 1 приведенной статьи, указывает на то, что самостоятельность деятельности политических партий не должна приобретать произвольный характер. Партийная дисциплина подразумевает соблюдение некоего внутривнутрипартийного кодекса поведения, что в свою очередь является стимулом для соблюдения норм морали при публичных выступлениях.

Согласно Параграфу 2 ст. 17 Конституции Бразилии политические партии в Бразилии обладают статусом юридического лица и подлежат обязательной регистрации в соответствии с законами, определяющими порядок такой регистрации. При этом регистрация партий осуществляется не специально организованным на то органом, а Высшим трибуналом по избирательным делам – то есть органом судебной власти Бразилии. Отметим, что не во всех странах Центральной и Латинской Америки политические партии подлежат регистрации, а равно признаются юридическими лицами.

Кроме того, анализ ст. 17 Конституции позволяют сделать вывод о том, что в Бразилии введен конституционный запрет по отношению к партиям на получение финансов от зарубежных государств и представительств, а также закреплено конституционное право на государственное финансирование⁶.

Однако, несмотря на то, что деятельность политических партий в Бразилии достаточно строго урегулирована со стороны государства, это не мешает появлению большого количества политических «партий-однодневок», особенно в период подготовки и проведения общенациональных или местных выборов. Такие «партии-одноднев-

ки» прекращают свое существование сразу по окончании избирательного процесса, а основная задача их заключается в том, чтобы «провести» как можно больше своих сторонников на всевозможные представительные должности в органы государственной власти и/или местного самоуправления.

На сегодняшний день в Бразилии действуют несколько десятков политических партий, однако на общенациональном уровне возможность реализовывать свои программы, а также реально влиять на жизнь государства имеют не более десяти. К наиболее крупным и влиятельным политическим партиям относятся:

- Партия бразильского демократического движения (популизм, левый либерализм);
- Бразильская социал-демократическая партия (третий путь, неолиберализм, социал-либерализм);
- Прогрессистская партия Бразилии (консерватизм, социальный консерватизм, популизм, либеральный консерватизм);
- Партия трудящихся (демократический социализм);
- Демократическая рабочая партия (демократический социализм, социал-демократия, тред-юнионизм, левый популизм);
- Бразильская рабочая партия (тред-юнионизм, популизм, национализм, федерализм);
- Демократы (либеральный консерватизм, христианская демократия, неолиберализм).

Надо отметить, что в большинстве стран Центральной и Латинской Америки отсутствует доминирующая политическая партия, которая бы на протяжении долгого времени определяла или существенно влияла на выбор политического курса в стране. Однако в Мексиканских Соединенных Штатах (далее – Мексика) Политическая Конституция⁷ которых действует с 1917 года, такая партия есть. Созданная 4 марта 1929 года Институционно-революционная партия Мексики почти 70 лет, до 1997 года, фактически находилась у власти в стране. Лишь в 1997 году она не смогла занять большинство мест в Палате депутатов, получив 239 мандатов из 500 возможных. Вместе с тем Институционно-революционная партия Мексики по сей день остается главной политической силой государства, занимая в настоящее время 206 депутатских мест в нижней палате Парламента.

Положения ст. 9 Политической Конституции Мексики закрепили право граждан на коллективное выражение своей политической воли, в том числе путем объединения:

«Право мирно собираться и объединяться для любых разрешенных законом целей не может быть ограничено, но этим правом могут пользоваться только граждане Республики для обсуждения политических дел страны. Вооруженные собрания для обсуждения каких бы то ни было вопросов не разрешаются.

Не считается незаконным и не может быть распущено собрание, ставящее целью обратиться к властям с петицией или с протестом по поводу какого-либо акта, если только не будут иметь место оскорбление власти, или насилие или угрозы с целью запугать или принудить указанную власть вынести благоприятное решение».

Как видно, в указанной статье нет прямого упоминания о политических партиях. Их правовой статус, полномочия, основы организации и деятельности подробно

регламентированы в первую очередь в ст. 41 Основного закона Мексики, которая, кроме того, установила основные принципы деятельности, права, обязанности и гарантии политических партий при подготовке и участии в выборах различного уровня. Во вторую очередь необходимо сказать о принятом в декабре 1977 года (намного раньше, чем, например, в Испании или в других развитых европейских государствах) Федеральном Законе «О политических организациях и избирательном процессе», установившем, что общегосударственные политические партии и объединения являются конститутивными и единородными формами политических организаций в государстве. При этом создание разного рода местных или территориальных политических объединений запрещается.

Также в ст. 20 названного Закона закреплено: «Выполняя свои функции, они (политические партии – прим. автора) способствуют объединению политической воли народа и посредством своего участия в избирательном процессе содействуют установлению национального представительства». Таким образом, можно сделать вывод, что функционирование политических партий в Мексике ориентировано на обеспечение общественной инициативы, а также общедемократическое участие населения в политической жизни государства, например, посредством проведения общегосударственных дискуссий по наиболее важным вопросам с целью налаживания прочных связей между населением и государственными властями.

Отдельно отметим, что политические партии обязаны проходить государственную регистрацию, осуществляемую Федеральной избирательной комиссией, после чего партия наделяется соответствующим правовым статусом и становится юридическим лицом. Вместе с тем в Мексике допускается создание национальных политических ассоциаций, основной задачей которых является рассмотрение различных политических идей, а также возможности и последствия их дальнейшего распространения⁸. Порядок получения статуса юридического лица для ассоциаций ничем не отличается от такого же порядка, предусмотренного для политических партий. При этом в отношении политических ассоциаций действует ряд требований, таких как:

- количество членов не менее 5 тысяч;
- реализация политической деятельности в течение последних 3 лет;
- наличие свидетельства, содержащего информацию о регламенте ассоциации и ее идеологии.

Характеризуя особенности политической системы Мексики, представляется важным подчеркнуть, что, несмотря на весь демократизм Конституции и Федерального закона «О политических организациях и избирательном процессе», а также бесспорную реализацию в государстве принципа политического плюрализма, вот уже почти 90 лет либо непосредственно находится у власти, либо оказывает существенное влияние на политическую жизнь в стране одна партия – Институционно-революционная партия Мексики. Важно также упомянуть о том, что названная партия, как и в прежние времена, ассоциируется с самим государством. Государственный триколор вплоть до настоящего времени является партийным символом и в том числе указывается на бюллетенях для голосования. Таким образом, гражданин, голосуя против партии, как бы выступает против государственного флага Мексики.

Заметим, что в настоящее время в стране зарегистрировано 9 национальных политических партий:

1. Институционно-революционная партия;
2. Партия демократической революции;
3. Партия национального действия;
4. Экологическая партия зеленых Мексики;
5. Рабочая партия;
6. Партия Новый альянс;
7. Партия Гражданское движение;
8. Партия Движение за национальное возрождение;
9. Партия Навстречу обществу.

Иная ситуация наблюдается в Аргентинской Республике (далее – Аргентина). В 1983 году пал последний в XX веке режим военной хунты, находившийся у власти в Аргентине с 1976 года. Стали вновь актуальны принципы демократического развития государства, в том числе с помощью института политического плюрализма. На выборах 1983 года на авансцену вышли две партии: Гражданский радикальный союз и Хустисиалистская партия. Победу одержала первая и взяла курс на полное восстановление законодательных основ, прав и свобод граждан, политического и партийного плюрализма, наказание виновных в репрессиях. Однако вскоре власть в свои руки взяла Хустисиалистская партия вследствие того, что политика «радикалов» привела к гиперинфляции и стремительному росту цен на продукцию, в первую очередь продовольственную.

В аргентинской Конституции, принятой 1 мая 1853 года и реформированной 5 раз (последний – в 1994 году), закреплены равные права мужчин и женщин занимать партийные должности⁹.

Положения ст. 37 Основного закона гарантируют осуществление политических прав в соответствии с принципом народного суверенитета. Политические партии представляют собой главный инструмент демократической системы. Кроме того, государство обеспечивает свободу создания политических партий и осуществления ими собственной деятельности, а также право граждан свободно голосовать за партии, исходя из своих взглядов, убеждений, мнений о политике и политическом развитии государства.

В соответствии со ст. 38 Конституции Аргентины организация и функционирование политических партий основано на принципах демократии. Вместе с тем партиям гарантируется право выдвигать кандидатов на государственные должности посредством выборов, а также право на доступ к общественно значимой информации и на распространение своих идей.

В настоящее время в Аргентине действуют 39 политических партий, и такое многообразие вариантов позволяет гражданам сделать наиболее предпочтительный, на их взгляд, выбор. Отметим, что за последние три десятилетия лидирующие позиции в Аргентине занимали совершенно разные партии.

Согласно положениям главы 3 Конституции выборы в Палату депутатов Национального Конгресса Аргентины проводятся по пропорциональной избирательной системе, то есть партия, которая набрала большинство голосов от граждан, получает большинство мандатов.

Также отметим нормы, закрепленные в главе 5 Конституции, в соответствии с которыми проекты законов, затрагивающие политические партии, требуют принятия абсолютного большинства голосов от общего числа членов обеих палат.

Таким образом, институт политического плюрализма в Аргентине имеет конституционный статус и поддерживается государством, в том числе в контексте осуществления партиями своей деятельности в системе государственно-властного механизма.

Итак, проанализировав различные аспекты развития и действия института политического плюрализма в Бразилии, Мексике и Аргентине, можно сделать вывод о том, что в указанных государствах он является неотъемлемым элементом в деле построения гражданского общества и демократического политического режима. При этом отметим, что очень часто нормы, содержащиеся в конституциях стран Центральной и Латинской Америки, к которым относятся и рассмотренные в настоящей статье государства, в большей степени носят формальный характер и не в полной мере реализуются в реальной политической жизни.

¹ Административное право России. 7-е издание. Учебник. Кикоть В.Я., Румянцев Н.В., Кононов А.М., Эриашвили Н.Д., Зубач А.В., Бочаров С.Н., Саудаханов М.В., Демидов Ю.Н., Кононов П.И., Костенников М.В., Куракин А.В., Зырянов С.М., Стахов А.И., Бекетов О.И., Кальгина А.А., Головкин В.В., Братановский С.Н., Прудникова Т.А., Амельчакова В.Н. Москва: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. 2017. 743 с.

² Конституционное право зарубежных стран. Дурнев В.С., Егоров С.А., Зинченко Е.Ю., Кикоть-Глухоедова Т.В., Ларина Л.А., Саудаханов М.В., Хазов Е.Н., Червонюк В.И. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Москва, 2017. 67 с.

³ Административное право зарубежных стран: учебник. Кикоть В.Я., Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Кардашова И.Б., Кононов П.И., Бочаров С.Н., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Соломатина Е.А., Сажина В.В., Майле А.Д. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2012. 431 с.

⁴ Национальный характер – сложившиеся особенности, которые являются характерными лишь для той или иной социальной группы, народов различных государств.

⁵ URL: <http://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Brazil/esp88.html#mozTocId349636>

⁶ Саудаханов М.В., Тутханян Г.А. Конституционные основы регулирования экономических отношений в Федеративной Республике Бразилия // Закон и право, 2014, № 10. С. 50 – 52.

⁷ URL: <https://www2.juridicas.unam.mx/constitucion-reordenada-consolidada/en/vigente>

⁸ Административное право зарубежных стран: учебник. 2-е изд-е. Румянцев Н.В., Василевич Г.А., Эриашвили Н.Д., Саудаханов М.В., Бочаров С.Н., Соломатина Е.А., Кардашова И.Б., Осавелюк А.М., Хобелия Д.В., Эйвазов Х.Г., Сажина В.В., Майле А.Д., Чихладзе Л.Т., Антошина А.И., Сушинская С.И. / Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. М.: 2015. 455 с.

⁹ Саудаханов М.В., Громов К.Э. Конституционные основы регулирования экономических отношений в Республике Аргентина // Вестник Московского университета МВД России, 2014, № 12. С. 92 – 93.

@ А.П. Хаврак, Н.В. Николаева. 2018

The problem of the role and prospects of the formation of humanistic worldview values as philosophical categories for the younger generation of police officers in the modern Russian state

Проблема роли и перспективы формирования гуманистических мировоззренческих ценностей как философских категорий для молодого поколения сотрудников полиции в современном российском государстве

Alexander Petrovich Khavrak,

Associate Professor, Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of the Moscow Department of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikotya

E-mail: xavrak44@mail.ru

Александр Петрович Хаврак

доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин МОФ Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: xavrak44@mail.ru

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,

Candidate of Philosophy senior lecturer of the department socio-economic and humanitarian disciplines of the Moscow Department of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikotya

Наталья Владимировна Николаева,

кандидат философских наук доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин МОФ Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: sicleph@mail.ru

Annotation. The article analyzes the problem of objective collision of fundamental philosophical meaningful humanistic categories (duty, honor, justice, free will, patriotism) and practical professional and life experience in the minds of young pupils of high schools of the Ministry of Internal Affairs system, which often contradicts fundamental moral principles. Some objective reasons for such inconsistencies are analyzed.

Keywords: moral philosophical categories, ideological guidelines, duty, honor, pride, patriotism, conscience, social state, social ideals

Аннотация. В статье анализируется проблема объективного столкновения в сознании молодых воспитанников вузов системы МВД фундаментальных философских смысложизненных гуманистических категорий (долга, чести, справедливости, свободной воли, патриотизма) и практикоориентированного профессионального и жизненного опыта, который часто идет в разрез с фундаментальными нравственными принципами. Анализируются некоторые объективные причины таких несоответствий.

Ключевые слова: нравственные философские категории, мировоззренческие ориентиры, долг, честь, гордость, патриотизм, совесть, социальное государство, общественные идеалы

Для цитирования: Хаврак А.П., Николаева Н.В. Проблема роли и перспективы формирования гуманистических мировоззренческих ценностей как философских категорий для молодого поколения сотрудников полиции в современном российском государстве. Социально-гуманитарное обозрение. 2018; 1: Стр. 115-118.

Анализ особенностей развития современного общества подтверждает популярный вывод о том, что воплощенным в практику социальной коммуникации продуктом технологической революции XX века в веке XXI стали информационные технологии. Вместе с постоянным утверждением этого вывода зрело убеждение, возникшее еще в середине XIX века,

сформулированное О.Кантом, о том, что философия как специфическая форма осмысления мира себя изжила. Различные философы на протяжении всего прошлого века подвергали ее резкой критике, утверждая, что философская мысль, существующая почти три тысячи лет и стремившаяся постигнуть истину, еще более далека от нее, чем ранее. Однако уже в начале XXI века

отмечается ренессанс не только религии как специфической формы мировосприятия, но и философии.

В наши дни понятие «философия» воспринимается общественным сознанием уже не столь отвлеченным, как в XX веке.

По-видимому, это обусловлено тем, что возникший в духовной сфере современного человечества кризис породил новый подход к осмыслению философских ценностей. Именно философия ищет универсальные рациональные основания для сознания разумного человека, которые помогут ему понять самого себя, решить глобальные проблемы современной цивилизации, найти «мировоззренческие контуры» сложнейших антропологических проблем о смысле жизни и предназначении в мироздании человека. Мировоззренческие ценности способствуют созданию в рациональном сознании единой и целостной системы с космосом и природой, сформировать представление о гармоничной и согласованной картине мира.

Сегодня начало формироваться понимание того, что корифеи философской мысли еще со времен Сократа анализировали и обосновывали ценностные ориентиры, надежды и чаяния людей, как наиболее значимые в их жизни. Они утверждали, что способность к философствованию, стремление познать сущность предметов и явлений действительности и самих себя, в том числе, делает нас разумными, и именно этим мы отличаемся от животных.

Развитие мышления происходит посредством и на основе формирования предельно общих понятий (категорий), которые являются формой осмысления универсальных законов объективного мира и их интерпретации. Слово «категория» (греч. – указание, свидетельство) было введено Аристотелем для обозначения особого вида понятий, отражающих: во-первых, универсальные формы и связи реальной действительности и, во-вторых, выполняющих функцию основных способов логического синтеза знаний. Категории формировались в процессе исторического развития самого познания на основе материально-производственной и общественной практики людей. Следовательно, познание – это сложный процесс образования категорий, понятий и законов объективной действительности.

На наш взгляд, довольно четко и кратко высказался на этот счет в конспекте «Науки логики» Г. Гегеля В.И. Ленин: «Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, то есть, познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познать ее и овладеть ею» [8. С.85].

А современный философ Т.М. Артемьев утверждает, что «философия ставит вопросы по поводу сложных проблем, не имеющих поверхностных ответов. Юный человек генерирует подобные вопросы в огромных количествах, зачастую ставя взрослых в тупик. Следует отметить, что бывают вопросы общечеловеческого свойства и общемирового масштаба» [2].

Следовательно, философия формирует мировоззренческие (смысл жизненные) ценности, которые выражают предельные основания человеческого бытия. Под ценностями понимается совокупность материальных и духовных благ, имеющих определяющее значение для человека. Вместе с этим философия сегодня интересуют больше духовные ценности – это принципы, идеалы, основные жизненные ориентиры, с помощью которых человек ориентируется в определенном историческом пространстве, что позволяет ему быть Человеком. Руководствуясь ими, мы совершаем те или иные действия. Зная, как соотносятся мировоззрение и жизненные ценности индивида, можно предсказать, как он поступит в той или иной конкретной ситуации. Они, в первую очередь, определяют его отношение к другому человеку и способствуют формированию осознания им своего места в мире.

Основными ценностями в современном обществе, которые стали принципами современного цивилизованного государства, являются: гуманизм, свобода, милосердие, справедливость, долг, достоинство и др. В современном социальном государстве они ориентируют гуманистические идеалы свободы в экзистенции каждого члена общества в поиске и постижении высших антропологических смыслов. Так «слуги государевы», стоящие на страже закона и блюдущие принципы социальной справедливости, по сравнению с гражданами других профессиональных сфер социального государства должны в большей мере опираться в своих «мировоззренческих столпах» на эти духовно-нравственные категории философии, на «столпы» гуманистических идеалов в деле борьбы с далеким от идеалов добра и гуманизма преступным миром.

В деятельности сотрудников полиции России эти ценности являются основополагающими, так как в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О полиции» четко зафиксировано, что профессиональный долг сотрудников полиции заключается в «...защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства... противодействия преступности, охране общественного порядка, собственности, в обеспечении общественной безопасности» [12].

Исходя из выше изложенного следует отметить, что в процессе подготовки будущих стражей правопорядка необходимо, во-первых, тщательное внимание уделять углубленному уяснению ими той важнейшей роли, которая возлагается на них государством с поступлением на службу в систему органов внутренних дел и, во-вторых, формированию нравственных качеств, которые востребованы сегодня прогрессивным обществом и, только в этом случае, позволят поднять авторитет и уважительное отношение граждан к сотрудникам полиции.

Как уже отмечалось, еще Сократ, «устаами» Платона в диалогах «Горгий» и «Гиппий Большой» и др., первым положил начало исследованию понимания своими собеседниками содержания общего определения сути фундаментальных философских гуманистических ка-

тегорий, которое охватывало бы все частные случаи и раскрывало бы суть понятия. Беседы его были направлены на прояснение сущности добра, мужества, красоты, блага, зла, любви, достоверности знания, справедливости и др. И в процессе этих бесед со знатными гражданами и софистами Афин, участники диалогов убеждались в своем непонимании глубинного смысла, содержащегося в данных понятиях [10. С.287-289].

Однако подлинный переворот в учении о ценностях внес И. Кант. Он впервые наряду с важнейшими нравственными качествами личности, как социального субъекта, рассматривает понятия «доброй воли» и «долга». Добрая воля, в его понимании, является целью не просто в качестве ценности – она обладает абсолютной ценностью. Она является тем, благодаря чему можно говорить вообще о ценностях. [7. С.228]. Под доброй волей И. Кант подразумевает такие действия, которые не преследуют никакой личной пользы или выгоды. На этой основе, как известно, он формулирует категорический императив, который является объективным принципом доброй воли, а необходимость действия в рамках категорического императива – есть долг, как единственный нравственный мотив поведения, в данном случае сотрудника полиции, о чем мы вели речь выше [7. С.229].

Наиболее активными методами формирования у курсантов высших учебных заведений системы МВД нравственных ценностей, на наш взгляд, являются интерактивные методики. Они позволяют вовлекать учащихся в процесс размышления при сопоставлении взглядов различных мыслителей, где курсанты становятся активными участниками диалога. Среди часто используемых методов, как правило, на семинарских, лекционных занятиях по философии можно назвать дискуссии, эвристические беседы, «мозговой штурм». На этом, к слову сказать, заостряют внимание преподаватели высшей школы Т.Д. Засорина и Н.Н. Хомутова в своих исследованиях [6. С.100]. Процесс столкновения мнений особо ярко проявляется на заседаниях научного кружка, функционирующего при кафедрах и в рамках круглых столов, конференций, научных семинаров, диспутов.

Сегодня серьезное внимание уделяется формированию чувства патриотизма как важнейшей составляющей профессионализма сотрудника ОВД наряду с долгом как не только нравственной, но и профессиональной категорией. Данное понятие вбирает в себя ценностное отношение личности к своему Отечеству, преданность и любовь к Родине, своему народу, обычаям, его истории, природе и красоте родной земли.

Особо важный акцент на необходимости формирования чувства патриотизма делает сегодня государство, о чем свидетельствуют принимаемые Государственные программы патриотического воспитания, которые действовали в России с 2001 года. В настоящее время реализуется Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» [4].

Однако наряду с всевозможными мероприятиями, проводимыми в рамках указанной программы, мы в своей работе сталкиваемся с определенными затруднениями.

Формирование фундаментальных мировоззренческих основ человека-гражданина и патриота своей Родины в нравственном поле сознания обучаемых курсантов, конечно, происходит. На это нацелены целые системы методов, педагогические примеры профессорско-преподавательского состава, опыт наставников, ветеранов, героические примеры, которыми изобилует наша история органов внутренних дел и история нашего Отечества. Формирование патриотических ценностей как основополагающих в профессионализме сотрудника ОВД подробно исследовала наша коллега Рязанцева И.Б. [11, С. 197–203]. Но реалии жизни, в том числе и профессиональные, показывают, что посеянное «разумное, доброе, вечное» - сформированные гуманистические идеалы в социальной практике нашей действительности не находят отклика в душах и сознании молодежи, не приносят результата и, оказываясь бессмысленными, безжалостно отбрасываются. Теория остается бесплодной, если не подкрепляется социальной практикой, и жизнь диктует свои правила и «понятия» взамен философским. На «нет» сводятся огромные усилия офицеров-педагогов и наставников.

Социальная среда, в которой должны действовать охраняемые полицией законы, становится сортировочным фильтром, в котором остается в сознании стража порядка то, что зачастую поможет «выстоять» в профессии. Тут уж не до патриотической лирики и гуманистических принципов. Информация, дискредитирующая органы власти и ее внутреннюю политику, изобилует во всех информационных сферах, и, к сожалению, официальные источники это подтверждают. Неэффективное планирование, коррупция на всех ступенях власти, неверное распределение расходов по статьям на местах, непрофессионализм руководящего звена на всех уровнях, и многие другие болезни нашего современного государства вряд ли позволят разгореться патриотическому порыву в зрелом сознании правозащитника. Например, еженедельник «Аргументы и факты» в статье «Витязи на распутье», № 48 текущего года утверждает: «Предыдущая программа экономического развития, заявленная в марте 2012 г. и конкретизированная в двенадцати известных президентских указах от мая того же года, прорывного результата не дала. «Социальное государство», заявленное как цель развития, буксует. А с учетом растущего разрыва в доходах между бедными и богатыми продолжать рассказывать о социальном государстве все сложнее», и далее: «Так или иначе, в среднем уровень выполнения президентских указов 2012 г. не превышает 60%. И это по свидетельству официального сайта Правительства РФ. Фактически же масштаб пробуксовки государственной машины...еще больше» [1]. Сегодня можно констатировать тот факт, что проводимые реформы пока не увенчались никаким прорывом ни в одной отрасли производственной сферы. [1, 3].

Видные политические деятели современности подчеркивают, что, безусловно, своей историей, достижениями отцов и дедов – надо гордиться, это наше достоинство. Но возникает закономерный вопрос о результатах созидательной деятельности нынешнего поколения. И как не вспомнить слова В. Маяковского написанные им в 1929 г. в стихотворении «Стихи о советском паспорте» [9. С.64]:

*«Я волком бы выгрыз бюрократизм.
К мандатам почтения нету.
К любим чертям с матерями катись
любая бумажка. Но эту...
Я достаю из широких штанин
дубликатом бесценного груза.
Читайте, завидуйте, я – гражданин
Советского Союза».*

Его пафос обусловлен тем, что наше государство смогло произвести те грандиозные изменения в жизни общества, которые привели к новому мироустройству

и колоссальному созиданию защищенной социальной структуры.

И на сегодняшний момент времени актуальным в педагогике остается принцип единства обучения и воспитания, который будет определять взаимосвязь и взаимодействие теоретиков и практиков, материалистов и идеалистов, авторитаристов и конформистов всех рангов и профессий в деле образования и воспитания молодой смены. Хочется верить в перспективу, а больше в востребованность в современном российском обществе тех идеалов и принципов, которые двигали к прогрессу целые народы и государства во имя гуманистических ценностей. Двигали с заботой о человеке как члене социального государства, защищенного законом и Конституцией не на словах, а на деле, не в косных официальных формулировках «буксующих» законов, а в конкретных достижениях молодых и перспективных специалистов, приносящих пользу своему Отечеству, опытных и востребованных своим государством, которое о них заботится.

ЛИТЕРАТУРА/ LITERATURE

1. «Аргументы и Факты». 2017, № 48. "Arguments and Facts". 2017, No. 48.
2. Артемьев Т.М. Развитие интеллекта и философия. // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». № 11 (51) Ноябрь 2015/ URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13093>. Artemiev, T.M. The development of intelligence and philosophy. // Electronic scientific and practical journal "Humanitarian scientific research". No. 11 (51) November 2015 / URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13093>.
3. «Голодец заявила о растущем обнищании россиян» / РИА «Новости» 01.10.2016 / URL / <http://info.sibnet.ru/article/496984/> "The Famine declared a growing impoverishment of Russians" / RIA Novosti 10/01/2016 / URL / <http://info.sibnet.ru/article/496984/>
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» / URL / <http://orthedu.ru...patrioticheskoe-voospitanie...2016-2020...> State program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020" / URL / <http://orthedu.ru...patrioticheskoe-voospitanie...2016-2020...>
5. Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. М., 2002. Вып. 3. Huseynov A.A. Goals and values: how is a moral act possible? // Ethical thought. M., 2002. Issue. 3.
6. Засорина Т.Д., Хомутова Н.Н. Определяющие факторы патриотического воспитания молодежи. // Интерактивные методы преподавания в высшей школе. Материалы международной научно – практической конференции 18 декабря 2015 г. Молдова, 2015. Zazorina T.D., Khomutova N.N. Determinative factors of patriotic education of youth. // Interactive methods of teaching in higher education. Materials of the International Scientific and Practical Conference December 18, 2015 Moldova, 2015.
7. Кант И. Приложение к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» // Соч. в 6 т. М., 1964. Т. 2. Kant I. Appendix to "Observations over the feeling of the beautiful and sublime" // Soch. in 6 vols. M., 1964. T. 2.
8. Ленин. В.И. ПСС т.29. Lenin. IN AND. MSS t.29.
9. Маяковский В., Т. 6. М. 1978. Mayakovsky V., T. 6. M. 1978.
10. Платон. Горгий. // Платон. Соч. в 3 т. Т.1. Plato. Gorgias. // Plato. Op. in 3 tons. T.1.
11. Рязанцева И.Б. Патриотизм – основополагающее профессиональное качество сотрудника полиции (результаты социологического исследования среди сотрудников) / Вестник Московского областного филиала МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Выпуск 1. – Саратов: Амирит, 2016. Ryazantseva I.B. Patriotism - the fundamental professional quality of a police officer (the results of a sociological survey among employees) / Bulletin of the Moscow regional branch of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. V.Ya. Kikotya. Issue 1. - Saratov: Amirit, 2016.
12. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О полиции» / URL / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 Federal Law of 07.02.2011 N 3-FZ (Edited on July 29, 2017) "On the Police" / URL / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165